

МАРИНА ИНДИВИ

КНИГА ВТОРАЯ

ДРАКОНОВА АКАДЕМИЯ

Annotation

Сходила, называется, на пару по драконьему языку! Невестой принца быть перестала, а стала женщиной темного архимага, который теперь точно никуда меня не отпустит. Вот и что с этим делать, спрашивается? Учиться, учиться и еще раз учиться, потому что только темная магия способна помочь мне спасти подругу, да и светлая тоже в хозяйстве пригодится. Драконова Академия!

- [Марина Индиви](#)
- [Пролог](#)
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Аникатия Эльдор](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Валентайн Альгор](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)

- [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Аникатия Эльдор](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Лена](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
-

Марина Индиви

Драконова Академия. Книга 2

Пролог

— Валентайн Альгор опасен! И вы прекрасно это знаете.

Разумеется, Керуан это знал. Кому как не ему знать, на что способна темная магия, чье дыхание может уничтожить целый город за несколько минут. С уничтоженными ею городами он сталкивался исключительно на страницах учебников — будучи адептом, а вот ее воздействие на человека, сильнейшего мага, испытал на себе. Его сила чуть ли не досуха была выпита в считанные секунды, и если бы не тот мальчишка, тогда еще хрупкий подросток, закованный в антимагические кандалы, под десятками охранных и подавляющих волю заклинаний, он бы не выжил. Не стоял бы сейчас, глядя на сверкающие огни площади Хэвенсграда, не дышал бы. Не мог бы повернуться к Лэйтору и произнести:

— Он неприкосновенен, и это не обсуждается.

Лицо Гритта пошло красными пятнами. Лэйтора можно было понять: при том нападении погиб его брат-близнец, а связь между близнецами всегда нерушима. Керуан знал это по себе, вот только у него была сестра. Которая, к счастью, счастливо замужем, и у которой трое детей. Тем не менее представить, что что-то случится с Энирой, он не мог в принципе. Поэтому понимал чувства Лэйтора. Поэтому сейчас повторил уже мягче:

— Он спас мне жизнь.

Гритт, и без того напряженный, натянутый как струна, сейчас вытянулся еще сильнее и шагнул к нему.

— Вы уверены, что знаете его мотивы?

— У него было достаточно лет, чтобы проявить свои мотивы. Он на нашей стороне, Лэйтор.

— Возможно, — военный раздул ноздри, но тут же взял себя в руки. — Но вы не настолько близки к армии, как близок я. О нем говорят. О его силе. Его боятся и в равной степени превозносят — его, двадцатисемилетнего мальчишку, младшего из архимагов Даррании. Мои воины говорят о том, что с его силой мы способны победить Адергайна Ниихтарна, и раз и навсегда избавиться от угрозы Мертвых или... — Он скривился. — Темных земель. Говорят, что он отличный

стратег, и что под его командованием мы обретем силу, которой люди Даррании не знали никогда.

Лоб Керуана прочертила глубокая морщина. Да, о силе Валентайна Альгора слагали легенды, и большинство из них небезосновательно, но подобные настроения в рядах армии, его собственной армии — недопустимы. Верховным архимагом был и остается он, если его авторитет начнут ставить под сомнение какие-то рядовые вояки...

— Давно тебе известны эти разговоры солдат? — холодно поинтересовался он. — И как скоро ты собирался мне о них сообщить?

— Разговоры начались недавно, — Лэйтор пригладил жесткие седые волосы ладонью. — Но начались они не среди солдат. Точнее, не только среди солдат, но и среди кальваренов, и среди юнцов-новобранцев из знати. Его слава идет впереди него. Для меня вы — мой Архимаг, и это не обсуждается, но заткнуть рты всем не смогу даже я.

Плохо. Вот это уже действительно плохо. Правление Даррании со стороны людей держалось на нем и на остальных архимагах. Альгор, Равен, Драконов. Драконов вообще принадлежал к сильнейшему древнему роду, в его предках ходил отец-основатель Академии, попасть в которую сейчас было не только и не столько модно и престижно, сколько практически невозможно. Равен стал архимагом после предательства Симеона Ларо и его жены, Альгор... Альгор не просто спас ему жизнь. В свое время Валентайн помог предотвратить вторжение темных у западных границ, а еще он занимался с сыном Фергана. Не просто с сыном, с наследником — Сезар Драгон под влиянием своей темной половины до сих пор был потенциально опасен, и Валентайн делал все, чтобы эту опасность нивелировать и научить старшего принца справляться с черной отравой в его крови. Но сам он, сам Альгор был этой отравой.

Впервые за долгое время Керуан снова задумался о том, насколько опасно было приближать его к себе. Пусть он ни словом ни делом не предавал, он мог ударить иначе. Ему вовсе необязательно приводить на земли Даррании войско отца, если он может создать свое. Подтачивая его авторитет естественным ходом времени и своей силой. Темная магия не просто так считалась самой опасной, она была еще и самой сильной. Сильнее королевской золотой мощи светлых, сильнее всего.

В этих мыслях Керуан почувствовал себя мерзко, хотя пока еще не допустил до себя основную: от угрозы такой мощи лучше избавляться заранее. Или уже допустил?

Резко повернувшись на каблуках, он всмотрелся в свое отражение в окне. Ярко-алые кольца полыхали в его радужке несмотря на освещение, несмотря на время суток, всегда. Даже в темном ночном отражении они горели как два клейма: отметины темной магии, почти превратившей его в ничтожество. Он помнил сквозь забытие лицо мальчишки — резкие скулы, бледная от долгого нахождения в застенках, с подавленной магией, кожа — и большие глаза. В них отражалась сама Смерть, когда Валентайн боролся с последствиями воронки поглощения. Эта Смерть растекалась из его глаз, черными нитями текла под кожей вместе с кровью.

Тогда он думал, что это конец, но эта Смерть подарила ему жизнь.

Керуан глубоко вздохнул, отгоняя воспоминания, и повернулся к Лэйтору:

— Ты можешь допросить девчонку.

В глазах гритта сверкнуло победное торжество, и он тут же добавил:

— Не ставь Альгора в известность. Мне не нужны ваши стычки. Сделай это тогда, когда он будет далеко.

— А он будет?

— Будет. Я позабочусь. — Керуан подавил желание скривиться — от собственных слов почему-то стало мерзко. — И еще. Мне нужна вся информация, которую ты сможешь из нее вытянуть. Если он что-то скрывает, если она что-то скрывает, если они что-то скрывают — у нас с ним будет совсем другой разговор. Используй любые средства, но достань мне эту информацию.

Лэйтор коротко кивнул:

— Вы не пожалеете, что доверились мне.

Керуан не ответил. Снова развернувшись к сияющей огнями площади, он смотрел в глаза собственному отражению. Смотрел, как гритт за его спиной коротко склонил голову, а после покинул его кабинет. Только когда за Лэйтором закрылась дверь, Верховный архимаг Даррании вернулся к столу и тяжело опустился в кресло.

Глава 1

В Академии Драконова я с самого утра носилась как в попу ужаленная. Сначала — потому что Макс «неожиданно» вспомнил, что у него сегодня ранние занятия, на которые он не успеет, если сначала мы повезем к порталу меня. Хитар не ругался сложносочиненными местными конструкциями, судя по его лицу, исключительно потому что положение архимага обязывало.

Что касается меня, я была уверена, что братец это сделал нарочно — чтобы я опоздала или чтобы и без того расшатать наше хрупкое «семейное» равновесие. Знал бы он, какие мысли у меня в голове, вряд ли бы решил, что меня это способно выбить из колеи. Как бы там ни было, я действительно почти опоздала. Исключительно потому, что возле школы Макса мы встали в дичайшую местную пробку из самых разношерстных магмобилей.

Здесь они назывались маджикары, так вот, пока мы очень медленно пробирались к зданию Хэвенсградского центрального порталного вокзала в этой маджикарной толкучке, я успела сделать задание по драконьему языку. Что оказалось очень в тему — сегодня на занятиях меня решили спросить по настоящему времени драконьих глаголов. Хоть краснеть не пришлось. На выходных я оставила это занятие на потом, поскольку думала, что успею почитать на месте, в итоге на месте, выстояв невероятную очередь (время персонального бронированного портала прошло), я успела только переодеться в форму и добежать до нужной аудитории.

На занятиях по драконьему языку Люциана не было, и на обеде его не было тоже. Правда, с Лиллеей, Невсом и Милли мы здорово пообщались. Они же и рассказали, что Люциан вообще не поклонник приезжать заранее, а у драконов сегодня занятия начинаются после обеда, как раз с основ боевой магии. Поэтому раньше чем минута в минуту на полигоне его ждать не стоит.

— Как прошел ужин? — поинтересовался Дас, который до этого в нашем разговоре не участвовал. Развалившись на стуле, он развлекался с чем-то в своем магическом планшете, превратив его в своеобразный

щит. Но сейчас во взгляде лучшего друга Люциана мелькнула насмешка, как будто он знал больше, чем остальные.

— Чудесно, — ответила я, стараясь изящно обогнуть тему, на которую говорить не очень-то и хотелось.

— Да, ужин, — тут же спохватилась Лиллея. — Ленор, нам же интересно!

— Ну... меня представили Фергану. Это было довольно страшно, — призналась я, чем вызвала взрыв смеха со стороны драконов. Смеялись все, кроме Даса, тот продолжал меня изучать сверху вниз. — Я держалась за Люциана и за платье, поэтому упасть мне не грозило. Когда мы сели за стол, все стало гораздо проще.

— О чем его величество спрашивал? — Лиллея даже через стол перегнулась, глаза ее сверкали от любопытства.

Милли ткнула ее ногой под столом, та ойкнула.

— Что? Ну мне же правда интересно!

— В основном о том, как мы познакомились.

— И наверняка о том, кем ты видишь себя в семейной иерархической системе Драгонов, — хмыкнул Невс. — Когда мы с Милли первый раз пришли к ним на ужин, я думал, меня с ног до головы промоют королевской магией. Чуть икоту не заработал.

Все снова рассмеялись. На этот раз даже Дас выдавил улыбку.

— Да, к Драгонам можно быть допущенным исключительно через Фергана.

— Стойте. Что значит «промоют»? — я с интересом посмотрела на Милли.

— У золотых, то есть у правителей, есть такая особенность — они пропускают сквозь тебя частицу своей магии, чтобы убедиться, что ты не способна причинить вред ни им, ни их семье. Это для них нормальная история, Ферган лично проверяет все окружение сыновей и дочери, потому что его магия самая сильная, — пояснила драконесса, — ему достаточно крохи, чтобы обнаружить любую опасность.

— Так, и что произойдет, если опасность будет обнаружена? — уточнила я.

— В лучшем случае, желающему причинить вред станет очень больно и плохо.

— А в худшем?

— А в худшем — остановка сердца. Но это совсем крайности, если там есть, например, какое-то темное заклинание или темная магия.

Я как-то разом расхотела есть. Потому что вспомнила, как взгляд Фергана прошелся по мне, и меня почти можно было выносить — если бы Альгор не вмешался. В лабиринте Альгор не сказал мне об этом, сказал только о том, что это столкновение темной и королевской светлой магии. Сказал, что когда правитель светлых драконов смотрел на меня второй раз, темной магии во мне уже не было... почему он не сказал сразу, что этот взгляд просто-напросто мог меня убить? Затем, чтобы потом убить новостями о Соне?

Да, как ни бегай от собственных мыслей, а далеко от них не убежишь. Я отложила приборы, отодвинула тарелку и поднялась.

— Пойду переодеваться, — сказала я. — Хочу прийти заранее и немного размяться.

— Удачи на тренировках! — чуть ли не хором произнесли Милли и Невс, и обменялись улыбками. Брат и сестра действительно иногда умудрялись говорить хором.

— А вам на боевой магии, — я вышла из столовой, не особо глядя по сторонам. Хотя взглядом все-таки зацепила сияющую от счастья Драконову — ее вечное снисходительное выражение наконец-то сменила на удивление теплая, искренняя улыбка, а глаза сверкали не превосходством, а радостью. Она тоже посмотрела на меня, и, что самое странное, не скривилась. Не в этот раз. Хотя София тут же отвлеклась на Клаву, которая что-то поспешно начала говорить, а после я уже выскользнула за дверь.

Я и правда направлялась в сторону крыла, где располагались залы для физподготовки людей и местный аналог университетского стадиона — тоже для людей, когда меня неожиданно догнала Лика.

— Ленор! Ленор, стой!

Я остановилась, пришлось даже отскочить в сторону, чтобы в меня не врезались спешащие куда-то старшекурсницы.

— Привет, — драконесса улыбнулась, но улыбка тут же сбегала с ее губ. — Слушай, я хотела попросить прощения за то, что... ну ты понимаешь.

Если честно, я не понимала: вроде как между нами все было нормально, а потом Лика сорвалась, наговорила мне грубостей из-за

того, что я хотела отказаться от прогулки с Люцианом. Больше мы с ней не общались, следующим утром она даже не открыла мне дверь — или заранее ушла, чтобы не открывать и не разговаривать со мной. Поэтому сейчас разговаривать с ней желания не было у меня.

— Все нормально, — сказала я. — А сейчас извини, я спешу.

— Нет, подожди, — Лика шагнула ко мне. — Я правда не должна была себя так вести. Мне просто было очень плохо, я хотела развеяться, очень хотела пойти на ту прогулку. А ты не хотела, поэтому получилось так, как получилось.

— Получилось так, как получилось, — подтвердила я, не собираясь вспоминать прошлое. Прошное оно на то и прошлое, чтобы оставаться в прошлом. — Теперь очень плохо мне, и я тоже хочу развеяться.

Не дожидаясь ответа, повернулась и зашагала по коридору. Туда, где, быстро переодевшись в форму, бегала, прыгала, приседала, а после все то же самое повторяла уже на занятии, на удивление шустро сдав нормативы и даже без каких-либо подколов со стороны Драконовой и компании. В свой бег, прыжки, лазание по лесенкам и турникам я вкладывала всю свою бессильную ярость — невозможность что-либо изменить, отчаяние — Сони больше нет, и все связанные с этим чувства, которые могли бы разорвать меня на части, если бы я не пустила их в занятия спортом. На пределе сил.

Поразительно, но в этот раз после занятия я чувствовала себя не мокрой тряпкой, а напряженной, звенящей струной. Душ принимала в душевых, расположенных прямо у залов физподготовки, это было проще, чем возвращаться к себе. Пока сушила волосы, слышала доносящийся из раздевалки смех Драконовой — надо отдать ей должное, очень женственный и мелодичный. По иронии судьбы злейшего врага Ленор звали Софией, и в этот момент я захотела дать этой судьбе поджопник.

Видимо, сегодня мне нужно было две, а то и три пары физподготовки. Хотя с наибольшей вероятностью, сразу основ боевой магии.

С этой мыслью я подходила к кабинету, где предстояло слушать лекцию Валентайна. В полной уверенности, что именно сейчас ко встрече с ним я как никогда готова. Во мне клубилось столько энергии и столько сил, что мне было плевать, кто будет вести эту пару —

правда, на подходах к аудитории я поняла, что забыла про одно очень важное «но».

Это «но» стояло у входа в аудиторию и пристально смотрело на меня. Очень важное, как всегда. И, судя по сдвинутым бровям, очень злое.

Ну привет, Люциан Драгон.

От вчерашнего желания с ним нормально поговорить меня отделяла долгая ночь, не менее долгое утро и долгий день, а теперь вот еще и рассказ его друзей о том, что его отец меня сканировал. Тем не менее, приблизившись, произнесла я совершенно спокойно:

— Привет.

— Привет? — он хмыкнул. — И это все, что ты хочешь мне сказать?

— А что ты хочешь услышать? Вчера я собиралась сказать тебе многое, но видимо, тебе было не до того. Поэтому вряд ли стоит использовать для этого перерыв между занятиями.

Не дожидаясь ответа, я повернулась к дверям и почти вошла в аудиторию. Почти — потому что Люциан его младшее наисветлейшество Драгон схватил меня за локоть и резко притянул к себе.

— Вчера мне было не до разговоров, Ленор, — произнес он, раздувая ноздри.

— Вот как. А сейчас, значит, до разговоров, — ответила я, чувствуя, что начинаю распаляться.

— Сейчас да, — сообщил принц. — Нам надо поговорить. Немедленно.

— Прямо здесь? — я приподняла брови.

Мимо нас по коридору спешили адепты, мимо нас, бросая многозначительные взгляды, однокурсники проходили в аудиторию. Люциана, кажется, это вообще не смущало, хотя сдается мне, надо переставать использовать имя Люциан и слова «кажется» и «не смущало» в одной мыслеформе, потому что его вряд ли способно что-то смутить. Вздернув бровь, принц просто подтолкнул меня подальше от ведущих в аудиторию дверей, оперся ладонями по обе стороны от меня, и произнес:

— Говори.

Со стороны это выглядело, должно быть, очень интересно. Или очень скучно для тех, кто близко знаком с Люцианом Драконом: поскольку вряд ли принц зажимал вот так у стеночки одну меня. Эта мысль внезапно отозвалась короткой вспышкой-уколом ревности, и я немедленно задвинула ее подальше. Сложив руки на груди, посмотрела в красивое лицо.

— А давай для начала говорить будешь ты? Например, о том, почему не предупредил, что твой отец использует на мне драконий взгляд, чтобы в случае опасности прибить на месте?

— Тебе есть что скрывать, Ленор? — прищурился Люциан.

— Нет. Но о таком как минимум предупреждают!

— Не вижу смысла предупреждать о том, что не может тебе навредить. Он проделывал это со всеми моими друзьями и со всеми друзьями Сезара и Нэвьеры. Никто не жаловался.

— Мы вроде бы уже выяснили, что я — не все, — заметила я. — И я не просила для себя особых условий. Просто предупреждения.

— Это уже в прошлом, — отмахнулся Драгон. — Не вижу смысла об этом говорить.

Ах, вот как?

— В таком случае нам вообще не о чем говорить, — улыбнулась. — Потому что все случившееся тоже в прошлом.

Принц недобро сощурился.

— Шутишь, Ленор?

— Да нет же! Говорю совершенно серьезно и со всей искренностью, — я попыталась поднырнуть под его руку, но он опустил ее ниже. — Люциан. Отойди.

— А то — что? — усмехнулся драконий принц.

— Мы уже проходили это, и не раз.

— Может, мне нужно закрепление материала? — неожиданно зло поинтересовался он. А потом так же зло, рывком, впился поцелуем в мои губы. Настолько резким, что я не успела вздохнуть, а воздух, оставшийся во мне, замер в груди. Этот поцелуй получился грубым и яростным: Люциан просто ворвался в мой рот языком, сминая мои губы без малейшего намека на нежность. Пытаясь отстраниться, уперлась ладонями ему в грудь, в ответ он только сильнее рванул меня на себя, вжимая всем телом в драконопринцеву скалу, сметая остатки моего сопротивления, сдавливая мою нижнюю губу до боли. Миг — и

я, опомнившись, просто впираюсь зубами в его, чувствуя металлический привкус, а пальцы на моей шее под длиной волос сжимаются с силой, в собственническом драконьем жесте. В следующее мгновение укус обжигает уже меня, и воздух из груди вырывается стоном. В его рот.

— Вам явно нужно уединиться.

Этот голос врывается в меня холодом потусторонней силы. Хотя скорее, его присутствие или его магия, Люциан отстраняется, в упор глядя на Валентайна.

— Завидовать нехорошо, магистр Альгор.

Валентайн изменился. Я чувствую это каким-то странным стопамидесятым чувством, которого во мне раньше не было и в помине, с другой стороны, во мне раньше много чего не было. Много чего из того, что есть сейчас, но вот это вот то, что есть, какой-то внутренний компас не просто сигнализирует, он орет как неисправная сигнализация: «Опасность»! Не знаю, о чем это — глаза Валентайна остаются светлыми, но я почему-то чувствую текущую, обволакивающую угрозу темной силы как никогда раньше.

— Лю... — начинаю было я, но Валентайн перебивает:

— К сожалению для вас, сейчас начинаются занятия, — он говорит так, будто Люциана и не слышал, будто его вовсе не существует. — Поэтому придется немного подождать. Прошу вас.

В этом жесте, когда он указывает на двери аудитории раскрытой ладонью, привычная издевка. Помимо нее — та самая угроза, от которой в мое сердце вползают ледяные корни непонятного чувства. Это даже не страх, я не могу его объяснить, просто беру Люциана за руку и, глядя ему в глаза, говорю:

— Пойдем.

Люциан поворачивается к нему спиной. Демонстративно касается кончиком языка ранки на губе.

— Предупредила бы, что ты настолько соскучилась, Ларо.

Я бы закатила глаза, но сейчас просто ныряю в аудиторию, и ему не остается ничего кроме как последовать за мной. Энергия, которая бурлила во мне после физподготовки, явно перешла в какую-то иную стадию, потому что сейчас она пульсирует в каждой клеточке тела напряжением. Я даже спотыкаюсь, когда собираюсь подняться к местам, которые заняли для нас друзья Люциана.

Валентайн шагает в аудиторию, сцепив руки за спиной. Я где-то читала, что это негласная поза лидера — тот, кто держит за спиной руки, раскрывает грудь, а это означает, что он открыт для любой угрозы и не боится ничего. Стоит ему войти, как раздается сигнал, оповещающий о начале занятия.

Почему у меня такое чувство, что я в ловушке, и она только что захлопнулась?

Глава 2

Возможно, потому что так и есть? Потому что справа от меня сидит Люциан Драгон, а внизу маячит Валентайн Альгор, у которого взгляд как у того, кто готов убивать. С другой стороны, у него всегда такой взгляд, может, повода для беспокойства нет?

— У меня от него мурашки, — еле слышным шепотом делится со мной впечатлениями Милли, которая сидит слева от меня.

Или есть?

Продолжить тему Альгора, беспокойства и мурашек не получается, потому что Валентайн произносит:

— Добрый день, адепты. Если здесь есть те, кто меня еще не знает, меня зовут Валентайн Альгор.

С — Самомнение.

— Я буду преподавать у вас экспериментальный предмет с говорящим названием «Темная магия». Хотя вряд ли среди вас есть те, кому оно по-настоящему о чем-нибудь говорит.

— Разве что о том, что его будет преподавать наследник злейшего врага Даррании, — хмыкает Люциан. Вполголоса, но достаточно для того, чтобы это услышали все. Я мысленно холодею, а еще испытываю сильнейшее желание врезать драконьему принцу по голове чем-нибудь тяжелым, но все тяжелое осталось у меня в комнате: я имею в виду книги. Мой «виртуальный планшет» разве что забавно наденется сверху, когда из светящегося прямоугольника будет торчать драконопринцева голова. Но вряд ли это поставит ему мозги на место.

— И это тоже, — невозмутимо отвечает Валентайн. Настолько невозмутимо, что мои мурашки начинают собираться в стаи, а может быть, у них там военные построения и выборы генерала. Или, как здесь говорят, гритта. — У вас есть с этим проблемы, адепт Драгон?

— Нет, что вы, — Люциан отвечает так, что сахарная патока не стекает с потолка нам на головы только по какому-то волшебству, а я продолжаю чувствовать покалывающую, обжигающую ярость золотой магии каждой клеточкой тела, — никаких проблем, магистр Альгор.

— Замечательно. Тогда, если ни у кого из присутствующих не наблюдается с этим проблем, мы продолжим, — Валентайн шагает

ближе к рядам, а я наступаю открывшему рот Люциану на ногу. Изо всех сил. Каблуков у меня нет, поэтому приходится давить хрупкой женской силой. То есть пяткой.

К счастью, это производит нужный эффект: драконопринц отвлекается от Валентайна и бросает на меня раскаленный золотой взгляд, а я плотно сжимаю губы и киваю в сторону преподавателя. Сейчас он для нас преподаватель. Точнее, магистр, и в данных обстоятельствах это лучшее, что могло случиться.

— Темная магия. Кто из вас что-то знает о ней? — Валентайн на меня не смотрит, но лучше бы смотрел. Потому что чувствовать темное пятно его пристального внимания, когда он обводит взглядом аудиторию, еще более странно, дико и мурашечно. — Адептка Драконова.

Он же нас всех называет по именам. В смысле, не по именам, а по фамилиям, хотя видит впервые. Он что, заранее нас изучал? Мысль приходит внезапно, за ней — следующая, Драконову знают все и надо бы мне уже успокоиться, но напряжения почему-то становится все больше, больше и больше.

— О темной магии почти ничего не известно, поскольку еще несколько веков назад сами знания о ней были запрещены, — произносит София, и я невольно поворачиваюсь в ее сторону. Густые длинные волосы струятся по плечам, темные глаза сверкают, на чуть пухлых губах — уверенная улыбка. Если бы не мысли-воспоминания, которые ко мне пришли — о ее стычке и поведении с Ленор, я бы подумала: «Какая красивая девушка», сейчас же у меня в голове крутится только одно: «Вот стерва». — Впоследствии это решение было отменено именно по той причине, что врага нужно знать в лицо, но тот факт, что темную магию изнутри допустили к изучению в Академии Драконова уже говорит о существенном сдвиге в этом направлении.

— Или о существенных неладах с головой у ректора Эстре, — фыркает Дас еле-еле слышно.

Тем не менее Альгор поворачивается к нам.

— Повторите то, что вы только что сказали, адепт Ниргэм. Вслух, громко и для всех.

А, нет. Он все-таки нас изучал.

Дас как-то резко бледнеет и качает головой:

— Не думаю, что...

— Думать — полезный навык. Особенно на занятиях. Особенно на моих занятиях, — Альгор в упор смотрит на него. — Поскольку я не сторонник преподавания по теории, мои занятия будут строиться на немедленной отработке практических навыков и мне бы очень не хотелось, чтобы с вами что-то случилось из-за вашей невнимательности.

Дас бледнеет еще сильнее, тем не менее упрямо вскидывает подбородок:

— Это угроза?

— Нет, это техника безопасности. Повторяйте то, что сказали, адепт, или на сегодня можете быть свободны. Отработку вам назначат в ректорате.

Дас резко поднимается: так резко, что раздается скрежет стола, по его лицу понятно, что он готов выдать что-то очень нелицеприятное, а по лицу Люциана — что он явно собирается его поддержать, поэтому я делаю то, что никогда бы не сделала при других обстоятельствах. Проще говоря, под столом кладу ладонь Люциану на колено. Прикосновение получается неожиданным не только для меня, но и для Люциана — он вздрагивает, потому что не ожидал. Я тоже не ожидала, и наше перехлестье взглядов получается слишком долгим.

— Будущие супруги Драгон, — Валентайн смотрит на нас так, что мои мурашки дохляшами ссыпаются на пол, а их генерал подает прошение об отставке, — вам есть что добавить по теме?

— Нет, — отвечаю я. Поражаюсь тому, как спокойно и сильно звучит мой голос.

— В таком случае возвращайтесь на занятие. По отдельности. — Холодом в его голосе можно всю Академию превратить в ледяной замок, но Валентайн уже отворачивается. — Темная магия, как и сказала адептка Драконова, действительно долгое время была под запретом. Все знания о ней считались опасными именно потому, что она не имеет ничего общего с той магией, с которой вы когда-либо соприкасались. Магия, которую вы знаете — магия светлых драконов и магия людей, черпает свои силы из жизни. У нее свои законы, свои проявления и одна большая уязвимость перед магией, о которой мы будем говорить на моих занятиях. Кто понимает, какая?

Поскольку в аудитории царил тишина, и, судя по всему, рук никто не поднимал, я решила бороться со своими страхами. То есть попросту подняла ее первой. Мне казалось, Валентайна это как минимум удивит, но он повернулся ко мне с совершенно непоницаемым выражением лица. На миг показалось, что он сейчас даже произнесет: «Не-Ленор» своим низким чуть хриплым рычащим голосом, каким он становился в мгновения, когда Валентайн называл мое имя, но нет.

— Адептка Ларо.

— Могу предположить, что темная магия имеет иную природу за счет своего источника, то есть смерти.

По аудитории пронесется гул шепотков, а я продолжаю:

— У смерти нет ограниченного ресурса, как у жизни. Поэтому, с наибольшей вероятностью, истощить темную магию практически невозможно, в отличие от светлой. Именно этим она опасна.

— Все так. Но вы забыли еще одну очень важную деталь. — Валентайн смотрит на меня в упор. — Невозможность ее обнаружить именно за счет того, что она чужда этому миру. Ее можно «поймать» только в момент проявления. Или с помощью того, кто обладает подобной магией, но в вашем случае речь идет именно о том, что вы никогда не почувствуете и не увидите темную магию, пока она не проявится. Даже сильнейшие из вас могут оказаться под ударом именно за счет того, что в момент проявления у вас остаются считанные мгновения, чтобы поставить щит или отразить атаку.

Так, погодите. Если даже сильнейшие не могут ее обнаружить, получается, что когда я была у Фергана, он не мог почувствовать темную магию во мне? Или... я что-то совсем запуталась. Что он вообще искал? И что вообще это было?

Почему единственный источник ответов обо мне и о том, что из себя представляет темная магия — Валентайн Альгор?

Который сейчас словно мысли мои прочитал.

— Адептка Ларо. Спуститесь ко мне, я покажу, как это работает.

Что? Что?!

Я не успела подавиться воздухом от предложения Валентайна, но от слов Люциана все-таки подавилась.

— Ленор не пойдет. Пойду я.

И, прежде чем я успела хоть что-то сделать, Люциан уже поднялся из-за стола и спустился к Альгору.

Я чуть было не сорвалась следом за ним, вовремя себя поймала. Такой трюк точно ни к чему хорошему не приведет, поэтому оставалось только сидеть и наблюдать.

За тем! Как этот! Идиот! Подходит к Валентайну, сунув руки в карманы и останавливается напротив, глядя прямо в глаза.

— Что ж, ваше право, адепт Драгон, — Валентайн кивнул. — Отойдите на пару метров.

В этот момент, а если уж быть предельно точной, от его голоса мой желудок попросился на выход. Пришлось вцепиться пальцами уже в свои колени и напомнить ему, что он мне полагается по базовой комплектации, а себе — что мы находимся в учебной аудитории, в которой ничего плохого не может случиться. Ведь не может же?

Люциан пожал плечами и отошел, демонстративно развернувшись к Валентайну спиной, а после остановился.

Окинул взглядом собравшихся, усмехнулся:

— Сообщите, когда мне падать в обморок от страха?

По аудитории пронеслись смешки. Даже Милли с Невсом хихикнули, а вот я ощутила разрастающийся холод темной магии раньше, чем успела осознать, что происходит. Мир резко подернулся дымкой, как будто на него наложили пожирающий краски фильтр: нет, краски остались, но они потускнели, а короткий всплеск силы полыхнул внутри меня так остро, что я чуть не задохнулась.

Не зря: щупальце, возникшее буквально из ниоткуда, взметнулось в каких-то миллиметрах от Люциана, петлей захлестнуло шею, швырнуло на колени.

Все ахнули.

— В обморок вы не упадете, адепт Драгон, — неестественно-спокойно произнес Валентайн. — Вы просто упадете. И последним, что вы почувствуете, будет удар магии, о которой еще мгновение назад вы даже не подозревали по причине того, что... кто хочет повторить, почему?

Желающих повторять почему-то не было. Даже Драконова перестала улыбаться и сидела со своим обычным выражением лица аля «проглотила золотой скипетр». Что касается Валентайна, он

смотрел на нас, но текущая с его пальцев черная дымка, сгущающаяся на шее Люциана петлей, даже не думала таять.

Тем не менее он поднялся и выпрямился, ноздри принца раздувались от ярости, в глазах набирало силу темнеющее от магии раскаленное золото.

— Я...

— Вы уже поговорили сегодня, адептка Ларо, — хмыкнул Валентайн, пригвождая меня взглядом к месту. — А вот ваша соседка Миллиана Экторд вполне может ответить на мой вопрос. Правда?

Я в ужасе взглянула на Люциана: на его пальцах роились золотые искры, а в следующее мгновение золотой шар, напоминающий крохотное солнце, уже полетел в Валентайна. На этот раз аудитория не просто ахнула, она взвыла, как болельщики на стадионе, а «солнце» ударилось о невидимую стену, разошедшуюся трещинами, как старая посуда, и осыпалось бессильными искрами вниз.

— Нет? — как ни в чем не бывало поинтересовался Валентайн. — Тогда вы, Невстариан Экторд.

— Э-э-это связано с тем, что она чужда нашему миру? — произнес явно шокированный случившимся Невс. — С тем, что ее можно поймать только в момент проявления.

— Хорошо. Вы меня слушали. Есть еще какие-нибудь теории? — голосом Валентайна можно было крошить камни и лед, последнее было бы очень в тему, потому что в аудитории резко похолодало. Я не одна это чувствовала, видела, как ежатся девчонки, даже парни застегивали форменные пиджаки.

Но кроме этого происходило кое-что еще.

Удавка на шее Люциана становилась все плотнее, плотнее, плотнее, сгущаясь, сдавливая его шею как жесткий стремительно уменьшающийся в размерах воротник.

Я буквально чувствовала, как набирает силу эта черная мощь, пропитывая и отравляя собой каждый сантиметр воздуха и пространства. Почему этого никто больше не чувствует?! Почему они все такие спокойные?

Даже сам Люциан?

— Тогда я расскажу сам, — Валентайн снова в упор посмотрел на меня. — Как правильно заметила адептка Ларо, источник темной магии — Смерть. То, что мы не видим и не можем почувствовать до

тех пор, пока оно не проявится. Это значит, что темная магия рождается в подпространстве — за той самой гранью, откуда возвращаются немногие. А те, кто вернулся, уже никогда не станут прежними именно потому, что они соприкоснулись с самой ее сутью. Эта суть способна проникать в нас незаметно, способна разорвать изнутри или обратить наши органы в тлен. Когда мы даже об этом не подозреваем. На ровном месте. Или, напротив, создать вокруг нас вакуум, лишенный воздуха. Лишенный жизни. Лишенный всего.

В меня ударило тьмой. Точнее, ударило не в меня, в Люциана, но я почувствовала это настолько остро, как если бы вокруг меня возник купол, мерцающий пепельно-черными искрами.

Купол!

Мерцающий пепельно-черными искрами!

Перед глазами вспышкой раскрылось воспоминание, как нас — меня и Соню накрыло этой пугающей дрянью, и такой же дрянью сейчас накрывало Люциана. Но кажется, этого никто кроме меня не видел. Люциан тоже, он просто побелел, вцепившись пальцами в стягивающуюся на его шее удавку, которая зашипела от прикосновения, как змея, и принялась плевать тленными искрами.

— Хватит! — я сорвалась с места, влетела в контур. С моих пальцев определенно тоже что-то сорвалось, и я услышала гулкий хлопок, как будто лопнул огромный мыльный пузырь. От него на миг заложило уши, а после я ударилась о горящий непроглядной черной сутью взгляд Валентайна.

— Адепт Драгон. Адептка Ларо. Вас я тоже буду ждать на отработке.

Да жди, жди. Я вылетела из кабинета, если так можно выразиться, вцепившись в Люциана, вглядываясь в его лицо. Пальцы у него были просто ледяные, если не сказать мертво-холодные, губы — белые, а в глазах...

— Люциан, — позвала я. — Люциан, тебе надо к целителю.

Он перевел на меня взгляд. Мамочки, я таким его никогда не видела! С запавшими глазами, обведенными черными кругами.

— Ларо, — прохрипел он. — Помоги мне дойти до своей комнаты. Никто не должен видеть меня таким.

Глава 3

Тяжелы нынче принцы в драконовых королевствах.

Так я думала, пока тащила Люциана буквально на себе до его люксовых апартаментов. Думала именно так еще и потому, что если не буду сейчас акцентироваться на сарказме, просто сойду с ума от ужаса. Пару раз мне казалось, что он реально упадет, но когда я заикалась про целителя, этот королевский баран, то есть дракон, шипел как рассерженный кот:

— Нет, — и продолжал переть вперед на чистом энтузиазме.

И на мне. Немножечко. Самую малость.

К счастью, все когда-нибудь кончается: не только хорошее, но и дорога по коридорам Академии, которую мы с горем пополам осилили втроем. Я, Люциан и Эвиль, подсказывающая мне, куда завернуть, а куда лучше не сворачивать. Стоило нам оказаться внутри, Люциан отпустил мою руку и плечо, нетвердой походкой дошел до постели и рухнул на нее. Лицом вниз.

Э-э-э...

— Люциан, — я приблизилась, перевернула принца на спину — не без усилий.

Грудь тяжело вздымалась, лицо было белым, как снег. Но кажется, он все-таки спал. Просто спал. Если я правильно помню из того, что читала, у светлых драконов, особенно с королевским наследием, самоисцеление происходит само по себе, и чем глубже сон, тем лучше. Чувствуя странную дрожь во всем теле, я доползла до ближайшего кресла, устроившегося на пару со своим близнецом рядом со столиком, и на манер Люциана рухнула в мягкие объятия светло-синей обивки со стальными узорами. С высоты своего положения, то есть с портрета на меня взирал Ферган в драконоформе, и я показала ему язык.

— На что уставились, ваше королевское наисветлейшество? — буркнула я и отвернулась.

Что ж, теперь мне представилась возможность рассмотреть комнату принца получше и при дневном свете. Помимо синих и стальных оттенков, здесь присутствовали коричневый и зеленый. Такие истинные мужские цвета, создающие мрачность даже несмотря

на солнечный день. Впрочем, гораздо больше мрачности создавал Валентайн Альгор, и сейчас, когда меня уже относительно начало отпускать от напряжения, я понимала, что начинаю звереть.

Нет, не так.

Драконеть, несмотря на полное отсутствие в моей родословной драконов.

Он же убить его мог! Ну если не убить, то покалечить точно.

Самовлюбленный нарциссичный садист без тормозов он, а не архимаг. Права я была, когда говорила, что педагог из него полное днище. Ему не в академиях, а в тюрьме строгого режима надо работать, или в исправительных колониях. От ярости даже начало покалывать кончики пальцев, заодно вернулась та странная энергия, которой я зарядилась во время физподготовки.

И что теперь?

Люциан это просто так оставит? Да разумеется, он оставит. Ему признаться в том, что Альгор чуть его не придушил, как сесть голый задницей на муравейник — гордости больше, чем мозгов! Он скорее позволит Валентайну себя приложить еще раз, чем захочет, чтобы все узнали, насколько тот его приложил. И, могу поклясться своей пятой точкой, Валентайн это прекрасно знал. Поэтому и сделал все это. У меня на глазах!

Так, Лена. Давай, дыши, дыши и не думай о том, как тебе хочется вернуться обратно в аудиторию и сказать Альгору все, что ты о нем думаешь.

Я перевела взгляд на Люциана, и это мне помогло. Дышал он, судя по тому, как ровно поднималась и опускалась грудь, уже не так тяжело, и это меня успокоило. Поднявшись, я приблизилась и попыталась втащить его на кровать, на эту самую кровать не залезая. Куда там! Во сне или в целебной отключке, как будет правильнее, принц потяжелел еще больше, полностью расслабившись. В итоге я плюнула, сбросила туфли и забралась на драконопринцеву постель.

Приподняла его плечи, засунув руки подмышки. Поднапряглась.

Э-эх, дубинушка, у-у-хнем! — заиграла в голове музыка-воспоминание.

Не знаю насчет дубинушки, а принц «вползал» на кровать крайне медленно и неохотно, по миллиметру. Вместе с принцем задиралось покрывало, на котором он лежал, что существенно осложняло процесс.

Когда ноги принца уже почти по колено были на постели, я решилась на последний рывок. Глубоко вздохнув, резко дернула Люциана на подушки, но немного не рассчитала, и упала на них сама.

Сверху предсказуемо упал Люциан.

М-да. Вот так кому расскажешь, что меня придавило принцем — не поверят, да еще и популярно объяснят, что радоваться надо. Поскольку в мои планы именно сейчас не входило радоваться, я попыталась из-под Люциана выползти, и почти выползла, когда дракон повернулся прямо во сне. На бок. Закинув на меня руку и ногу и притягивая к себе.

Абзац.

Я начала из-под этого самого абзаца осторожненько выколупываться, но Абзац недовольно зарычал и, не просыпаясь, притянул меня плотнее к себе.

Это что еще за новости?!

Подождав, пока драконье высочество потяжелеет еще сильнее, читай, снова расслабится, я предприняла вторую попытку. Тщетно. Только дернулась в сторону, сзади раздалось рычание, и меня притянули обратно. Еще плотнее, хотя, казалось бы, плотнее уже некуда. Я даже вывернула шею, чтобы убедиться, что Драгон спит, и он действительно спал. В инструкциях у драконопринцев, что ли, прописано, даже во сне добычу не отпускай?

Понимая, что следующая попытка отползти закончится чем-то совсем непристойным, а точнее, меня просто вплющит в принца, причем во все места, включая самые интимные, а моя пятая точка окажется у него между ног (буквально), я расслабилась. Смотреть на портрет Фергана, по-прежнему пытающегося испепелить всех своим взглядом, в такой ситуации было бы как-то странно, поэтому я принялась считать звездочки. Большинство моих знакомых, когда требовалось заснуть, считали барашков или овечек, а я считала звездочки. Этому меня научила мама: когда я была совсем маленькой, она говорила, что каждая посчитанная мной звездочка от счастья горит ярче и дарит много-много радости людям.

Сейчас я, вообще-то, засыпать не собиралась, а мысли про маму отозвались какой-то удивительно светлой грустью. Теплой, уютной, домашней. Люциан был горячим, как печка, а еще нас двоих окутало

золотое свечение, и это, пожалуй, было последним, что я запомнила. Это, а еще двести шестнадцатую звездочку...

— Ты что тут делаешь?! — да, не таким каждая девушка представляет свое пробуждение в объятиях прекрасного принца.

Совершенно неромантически зевнув, я села на постели и обнаружила, что за окнами уже давно темно. Разве что сидящий рядом Люциан светился от своей золотой магии и от ярости.

— Всегда пожалуйста, — сказала я, намереваясь сползти с постели, но он перехватил меня за запястье.

— Куда собралась?!

Не драконий принц, а одна сплошная логика.

— Так что я тут делаю или куда собралась? — вспомнив все, что случилось, я вгляделась в его лицо. Свеженькое такое, бодренькое, привычно смуглое и без естественного макияжа под панду.

— И то, и другое, — произнес Люциан, раздувая ноздри.

— Ладно, начнем по порядку. Когда я втащила тебя на постель, ты на меня упал, притянул к себе и отпускать отказывался. Как порядочная девушка я попыталась выползти из твоих объятий, но драконий захват оказался крепче морского узла. Это достаточно исчерпывающая информация для тебя, или нужны детали?

Он скривился:

— Ты когда-нибудь перестаешь фонтанировать сарказмом, Ларо?

— Да, когда фонтанирую скепсисом. В целом ничего, терпимо, — я сложила руки на груди, — до тебя вообще никто не жаловался.

— Ты хотела сказать, Альгор?

Вот лучше бы он молчал!

— Альгор ко мне не имеет никакого отношения!

— Да неужели?

— Ужели! А кому-то сегодня просто не нужно было его провоцировать.

— Я как-нибудь сам разберусь, кого мне провоцировать, а кого нет!

В этот момент на меня снова разом обрушились воспоминания — тот купол, который я видела на поляне, Соня, и тот, что я видела в аудитории — немногим меньше, но такой же жуткий, пугающий, смертоносный. Все это захлестнуло меня, как удавка Альгора, и,

кажется, грозило выдавить из легких весь воздух. Поэтому я с силой оттолкнула Люциана и вскочила.

— А знаешь что?! Ты прав! Провоцируй кого угодно и сколько твоей душе захочется. Только когда в следующий раз соберешься это делать, делай это без меня и сразу рассчитывай обратный путь до своих апартаментов и приблизительный способ передвижения. Например, драконий принц-гусеничка. Уверена, в Академии будет сенсация!

Глаза его полыхнули так, что никакого дополнительного света не нужно, еще и академический двор за окном наверняка осветил. Я же нагнулась, чтобы надеть туфли, а когда разогнулась, оказалась с Люцианом лицом к лицу. Ну или лицом к подбородку, что при нашем росте было наиболее верно.

— Можешь выставить мне счет за доставку, Ларо, — процедил он, чуть ли не выплюнул.

— Баран! — я изо всех сил ударила его в грудь, в ответ он перехватил мои запястья и дернул на себя. Я споткнулась о перекособоченное покрывало и упала в него. Точнее, на него, а обо что споткнулся Люциан, я не знала, потому что мы вдвоем снова рухнули на кровать.

К счастью для меня, на этот раз я оказалась сверху, поэтому рванулась.

— Пусти!

А в следующий миг уже оказалась на спине и под ним. Ладно бы только это, но драконобаран, а точнее, баранодракон опять меня поцеловал. Не так резко и грубо, как в коридоре перед аудиторией, но тоже внезапно, выбивая из груди воздух, сметая все крутящиеся в мыслях слова и остатки моего самообладания. Я же, неожиданно для себя, всхлипнула и разревелась.

— Э... Ларо? — он отстранился с таким недоумением, что мне захотелось дать ему по голове.

Вместо этого я снова ударила его в грудь сжатыми кулаками. Снова. И снова.

— Ты что?

Испугалась я за тебя, вот что!

Слова почему-то застыли во мне, в самой груди, отказываясь меня покидать, а вот слезы шли охотно. Градом. Будто вчера во мне сорвало

какой-то предохранитель или краник открылся, который я замуровала на долгие годы в цементе напускного безразличия и спокойствия. Но Драгону, конечно, видеть это было вовсе необязательно, поэтому я села, стараясь не слишком сильно шмыгать носом и не размазывать слезы по лицу.

— Мне надо идти.

— Не надо тебе никуда идти, — Люциан неожиданно привлек меня к себе, так остро, быстро и внезапно, что я снова задохнулась, но уже совсем от других чувств. — Лен, ты как наваждение какое-то. Я с тобой рехнусь скоро, ты понимаешь?

Он плотно сжал губы, словно внутри него остались еще какие-то другие слова, как и во мне, и Люциан не хотел давать им свободу. Тем не менее он все-таки произнес:

— Помнишь, что я сказал в тот день? Когда собирался расторгнуть помолвку? Я говорил, что хочу с тобой встречаться, но вовсе не для того, чтобы все было естественно или чтобы нас не раскусил мой папаша. Плевать я на него хотел... Я просто хочу встречаться с тобой, Ларо. Хочу, чтобы ты была моей девушкой, по-настоящему. От и до. Хочу, чтобы ты была моей.

Кажется, я понимала. Я очень хорошо понимала, потому что сама чувствовала то же самое, и как оно так незаметно произошло — вот тут уже понятия не имею. Мы же и знакомы то всего-ничего, и после Земскова я клятвенно обещала себе ни в одного парня больше вот так, с головой. Но сейчас чувствовала, в этот самый момент, что правда готова попробовать. С ним.

Но до этого...

Люциан ждал ответа, а я не могла ему его дать. По крайней мере, пока не расскажу о том, что со мной происходит. Поэтому сейчас мягко высвободилась из его объятий и произнесла:

— Мне надо тебе кое-что сказать.

— О том, что такое баран? — произнес Люциан. — Или кто такой. Ты временами очень странно выражаешься, Ларо, но не поверишь, даже это мне в тебе нравится.

Почему же не поверю? Очень даже поверю, мне вот тоже нравится, что временами ты такой... баран. Правда, открыть рот и что-либо сказать я не успела, потому что он продолжил:

— Мама была беременна Нэв. Они с отцом были счастливы, и все шло хорошо. До родов оставалось несколько дней, может быть, неделя. В тот день у отца была встреча в дипломатическом дворце, собирались на обсуждение какой-то внеочередной политической суесть, а мой братец решил, что должен во что бы то ни стало научиться управлять своей темной сутью. Он пошел в комнату для тренировок и попытался ее выпустить. Рвануло так, что его чудом не разорвало на части, а сам он превратился в сгусток пульсирующей темной дряни, запертой в двенадцатилетнем парне. Меня не было во дворце, но те, кто были — видели жуткие ползущие по стенам тени и чувствовали этот дикий давящий холод. Я как сейчас помню эти рассказы. Тех, кого не зацепило сразу. Тех, кто остался жив.

Я замерла. Несмотря на тепло его рук, от его слов веяло холодом.

— Никто не мог к нему подойти, а отца не смогли дозваться сразу. Да он бы и не успел... счет там шел на секунды, и только мама решилась к нему войти. Рискуя собой, даже Нэв, она пошла спасать драхова Сезара от того, что он из себя представляет. Мама была сильной, поэтому она считала, что справится. Проявленная темная магия подвластна отражению, поэтому она сумела открыть портал. Поэтому даже смогла к нему приблизиться. Потом... потом рвануло второй раз. Когда она почти вытащила Сезара из этого.

Люциан говорил отстраненно, но по моей коже бежал холод. Такой же ледяной, как если бы я стояла в том дворце, там, куда не успела дотянуться Смерть — и чувствовала, как она заполняет меня собой. Не в силах что-либо выдавить, я просто накрыла его руку своей.

— Отец прибыл спустя пару минут. Сезар был в отключке, но жив, мама... мама все оставшиеся силы направила на спасение жизни внутри нее. Возможно, эта история поможет тебе понять, — на скулах его заиграли желваки, — почему я ненавижу темную магию и почему все и все, что с ней связано, вызывают у меня желание вцепиться им в глотку и рвать до тех пор, пока они не затихнут. Нет, я бы не бесился меньше, если бы рядом с тобой крутился любой другой, но Валентайн Альгор...

— Валентайн Альгор помог мне найти подругу. Точнее, узнать, что она умерла, — я вытолкнула эти слова хрипло, и, кажется, наконец-то в них поверила. Окончательно. — Соня была для меня как сестра. Мы выросли вместе. Она поддержала меня после смерти

родителей. Она всегда была на моей стороне. Всегда, что бы ни случилось, даже когда я была неправа... Она помогла мне не сойти с ума, когда не стало мамы с отцом. Мы стали друг для друга кем-то даже большим, чем сестры... я ни к кому больше не могла прийти со всем, со всеми своими темными сторонами. Только к ней.

А ведь Соне я бы не задумываясь рассказала про то, что внутри меня. Конечно, в переводе на нашу немагическую реальность, это звучало бы странно, но я знала, была уверена, что она бы поняла. Без лишних слов и вопросов.

— Потом так случилось, что мы расстались. Потом... неделю назад она исчезла. Я не могла ее найти и сходила с ума от того, что не знала, что случилось.

— При чем здесь Валентайн Альгор? — спросил Люциан. — Почему ты просто не пришла ко мне?

— Потому что в ее исчезновении была замешана темная магия. Она же ее и убила.

Кажется, во мне кончился бензин, потому что я замолчала. Не в силах даже пошевелиться, сделать или сказать что-то еще. Моя рука так же лежала на руке Люциана, и он ее не отнимал. Я же просто сидела и вспоминала ее улыбку. Ее смех. Все наши прогулки, все забавные эпизоды или даже моменты, когда мы ссорились. Я бы многое отдала, чтобы Сонька ко мне вернулась, и мы могли еще с десяток раз поссориться из-за какой-нибудь ерунды. А потом тут же помириться. Я многое бы могла рассказать о том, какая она была классная, но все это сейчас оставалось закрытым во мне. Даже ее мечта — стать крутым фотографом и покорять мировые выставки.

Не знаю, сколько прошло времени до того, как Люциан глубоко вздохнул. Настолько глубоко, что этот вздох отозвался во мне и заставил сердце биться чаще. На его словах:

— Что ты хотела мне сказать?

Что я хотела ему сказать? Что я могла ему сказать? Сейчас, после того, как он рассказал мне о том, что темная магия убила его мать. О том, что его старший брат стал причиной ее смерти. О том, что его кровь отравлена ненавистью ко всему и ко всем, что так или иначе связано с темными.

Сказать ему правду сейчас — значит, разрушить все, что между нами было. И все, что еще могло бы быть, поэтому я глубоко вздохнула

и ответила:

— Все, что хотела, уже сказала.

И правда, что тут еще добавишь? Мне безумно жаль, что так произошло с твоей мамой? Безумно жаль — это не совсем те слова, которые можно говорить в такой ситуации. Впервые в жизни мне не хватало и слов, и чувств. Или же наоборот, последних было слишком много? Поэтому я завозилась в его руках и кивнула на дверь.

— Мне правда пора.

— Не пора, Ларо, — хрипло произнес он, сверкнув жадным голодным взглядом. — Сегодня ты остаешься у меня.

Глава 4

Люциан Драгон

Ленор Ларо — взъерошенная, немного сонная, такая искренняя и в кои-то времена не брыкающаяся в его объятиях — ради такого стоило даже пережить столкновение с Альгором в аудитории.

К Лозантиру Альгора!

К Лозантиру всех!

Значение сейчас имела только она: хрупкая, нежная и такая желанная. Правда, с «не брыкаешься» он явно поспешил, в ответ на его заявление девушка мгновенно ощетинилась.

— Снова приказываешь?!

Да, он привык приказывать, но с ней это не прокатывало. С ней вообще ломались все шаблоны и все, как он привык действовать, поэтому сейчас Люциан убрал прядку волос с ее лица, заправил за ухо и произнес:

— Нет. Я хочу, чтобы ты осталась. А ты?

Она широко распахнула глаза. В ее глазах можно было потеряться, да он и терялся уже. Неоднократно. Вот только сейчас, в отличие от всего, что было раньше, Люциан совершенно не хотел находиться.

Наваждение? Пусть продолжается.

Сумасшествие? Плевать.

Безумие? Или какое-то совершенно новое чувство, с которым он до встречи с ней был не знаком. Без разницы.

Все равно, если имя этому всему — Ленор Ларо.

Дурея от ее близости, он всматривался в ее лицо, пока не увидел в глазах ответ. Хотя ответ был не только в глазах, Ленор бы сбежала от него, если бы хотела сбежать. Если бы не хотела остаться — сам Лозантир, снизошедший в мир, чтобы превратить его в тлен и темную силу, не смог бы ничего сделать. Она хотела остаться. И она совершенно точно хотела его.

Что-то изменилось.

Вчера? Сегодня?

Непонятно.

Неважно.

Ее тонкий аромат — горчинка трав, смягченная сладкими нотами, пряный оттенок, который он хранил в своей памяти со вчерашнего вечера — даже отчаянно злясь на эту девчонку, даже зверея при мысли о том, что Альгор может к ней прикоснуться, сейчас стал ярче. И Люциан подался вперед, с наслаждением вдыхая его, как воздух после длительного удушья. Никогда не замечал за собой особой сентиментальности, но в эту минуту слова «не могу тобой надышаться» приобрели особый оттенок. Неповторимый оттенок каждого вдоха с ее кожи.

— Люциан! Щекотно, — фыркнула она, когда он коснулся бешено бьющейся на шее жилки губами. А потом вцепилась в его плечи, напряженная — когда Люциан опрокинул ее в ворох подушек и смятого покрывала — с раскрывающимися алыми лепестками смущения на щеках.

Драхи!

Почему она даже краснеет так, что невыносимо хочется касаться каждого сантиметра кожи: губами, руками, языком — слизывать этот румянец с ее щек, с ее разгоряченного тела. Так невозможно, так остро, так сладко. Он и не выдержал, дыханием скользнул по шее, спускаясь ниже, повторяя треугольник выреза ее блузки поцелуями.

Десятки девчонок, желающих стать его — а он сходит с ума по одной!

Одетой в самую обычную академическую форму... На этой мысли он себя и поймал. На этой, а еще на том, как его губы сомкнулись на выступившей под тонким бельем и блузкой вершинке груди. Пальцы на его плечах сжались сильнее, а ее не то выдох, не то стон ударил в голову, и не только в голову. Ее юбка задралась, открывая ноги и бедра, и Люциан скользнул ладонью по нежной коже к белью.

— Люциан... стой! — Ее ладони уперлись в его плечи совсем не так, как ему хотелось бы. Нет, ему бы хотелось, чтобы она сорвала с него этот драхов пиджак, отбросила в сторону, выдергивая рубашку из брюк, но Ленор застыла под ним, напряженная, и он, чувствуя, как бешено грохочет в ушах собственное сердце, поднял голову.

— Что-то не так? — собственный голос упал до драконовых низин, странно даже, что это был голос, а не рычание.

— Нет, — ее тоже был низким. Немного хриплым. А на губе еще виднелся след от его укуса.

Его.

Укуса.

В ушах зашумело сильнее.

— Тогда что?

— Мне просто нужно время. Понимаешь?

Время? Да, он понимал. И не понимал тоже — она ведь его хотела. Хотела не меньше, он это чувствовал не только через ее усилившийся аромат, но и звериным чутьем, тем самым инстинктом, который в драконах позволяет определять свою эрими. Ларо не могла быть его эрими, ну и драхи с ним. Не нужна ему никакая эрими, ему нужна она.

— Нет. В чем дело?

— Это... тоже личное. Только мое. Когда-нибудь я тебе расскажу. Если тебе это будет важно.

Он запросто мог добавить. Сейчас — мог, сломать ее хрупкое сопротивление, врубив силу драконьей магии, не заставляя, нет — просто ее желание было очевидным, и оно могло раскрыться от его сути. Мог, ну а что дальше?.. Раньше ему было плевать. Он вообще не смотрел на своих партнерш — да, доставить девушке удовольствие мог и умел, но на этом все. Прислушиваться к их жеманству, кокетству, сопротивлению для разогрева было ни к чему.

Вот только с Ленор он был уверен, что она не играет.

Она не для вида сопротивляется, для нее это действительно важно, а для него важно, чтобы она хотела его в точности так же, как он хочет ее. До одури, до звона в ушах, до легкого помешательства. До того, когда в голове уже не останется ни единой мысли, не говоря уже о том, чтобы вот так упираться ладонями ему в грудь.

Поэтому он приподнялся, судорожно вздохнул и сел на постели.

— Есть хочешь? — спросил негромко.

— Я... да.

— Вот и я. Зверски.

— Но ужин уже закончился, — она взглянула на свой браслет.

— Для меня это не проблема.

Проблема в другом. А если быть точным, в штанах, которые стали невыносимо узкими. До боли.

— Сейчас закажу нам ужин, и в душ.

В ледяной.

Сбросив привычное сообщение: «Ужин. Как обычно», — Люциан поднялся и направился в ванную. Одежда полетела на пол: пиджак, рубашка, брюки, белье, сам он шагнул в сторону душевой, где, подчиняясь привычным бытовым заклинаниям, вокруг него материализовались матированные, не пропускающие воду стены, а сверху хлынула ледяная вода. Под потоками которой Люциан зашипел как ошпаренный: драконы в принципе не любят холодную воду, хотя даже к тому же самому холоду их организм почти не восприимчив. Тем не менее это чисто драконьи предпочтения, что уж говорить о том, когда потоки ледяной жидкости впиваются в разгоряченную кожу, и...

Он вдавил палец в браслет, и вода перестала течь.

Вода, может, и перестала, а вот напряженно пульсировать ничего не перестало. Судорожно вздохнув, он уперся ладонью в стену, второй обхватил себя там, внизу. Содрогнувшись от самого простого прикосновения и от мыслей об этом. Даже просто от мысли о том, что он собирается это сделать.

Как какой-то лозантиров озабоченный подросток! В период гормональной бури.

У него никогда не было недостатка в девчонках, да ни с одной из них он бы просто не стал так церемониться, и уж точно не из-за одной из них он не стал бы...

Люциан сжал зубы, а потом представил ее. Раскрасневшуюся, с разметавающимися по подушке волосами, кусающую губы. Стонущую. Кричащую под ним.

Эта картина отозвалась острым болезненно-сладким спазмом, и он сильнее уперся ладонью в стену. Так, что казалось, по синему с серебром кафелю сейчас побегут впитывающие капельки воды трещины. Вода стекала и по его телу. Стекала и испарялась, кажется, не успевая сорваться вниз, как с падающих на лицо волос.

Дыхание срывалось, а воздух в замкнутой душевой прогрелся до такого, что, казалось, сейчас затрещит и вспыхнет. Что он сам сейчас вспыхнет, чтобы стать чистым драконьим пламенем, бьющим ввысь в ритме резких сильных движений руки.

До острого, прострелившего пах наслаждения, дрожью пульсирующего в ладони. Отдающегося в плечо, как в рычаг, вливаясь

в пальцы, способные, кажется, раскрошить не только плитку, но и замковый многовековой камень.

— Твоего ж драха, — все еще содрогаясь, выдохнул он, привалившись к стене. Если это только в фантазиях было так, то каково будет с ней?

Будет улетно.

А впрочем, улетно — не то слово.

Люциан по-быстрому принял душ и, обернув вокруг бедер полотенце, вернулся в комнату: Ленор стояла у окна, а, заметив его, тут же повернулась.

— Соскучилась? — усмехнулся он, глядя, как расширяются ее глаза, скользя по его груди к животу.

— Ты любишь ходить без одежды, я заметила, — фыркнула девушка.

— Сегодня я в ударе, но для тебя... — он взялся за полотенце, и Ленор вскинула руки:

— Вот без этого, пожалуйста!

— Без этого я буду не я.

Ларо фыркнула, но прокомментировать не успела: в дверь постучали. Люциан направился к ней и, резко выдернув пакеты из рук собиравшегося что-то сказать Ярда, захлопнул дверь прямо перед его носом.

— Так, что тут у нас? — поставив пакеты на столик рядом с креслами, он заглянул внутрь. — Разбираем.

— У вас тут тоже есть курьеры? — поинтересовалась Ларо. — В смысле, я имела в виду, посреди ночи в Академию работает доставка?

— Для меня нет ничего невозможного, — он усмехнулся, выкладывая коробки на стол. Как только они касались, поверхности, изменяли свою форму, превращаясь в тарелки, которые нужно будет отправить в магический утилизатор. Собственно, пакеты и представляли собой магический утилизатор, растворяющий все, что после еды окажется в нем под воздействием специального заклинания.

Ларо смотрела на творящееся на столе так, будто видела такое впервые. Возможно, и правда видела впервые — кто его знает, какой бюджет им с братом выделяет Хитар.

— Садись, — закончив с блюдами, Люциан отодвинул для нее кресло. — И приятного аппетита.

Ленор ела мало, а вот в него поместилась просто уйма еды. Такое ощущение, что внутри проснулась всепоглощающая бездна, которая никак не могла насытиться. Хотя была и другая: та, которая точно не могла. Глядя на подогнувшую под себя ноги девушку, Люциан не мог не думать о том, что хотел бы с ней сделать... и что сделает. После завтрашней обстоятельной беседы на тему всех ее «но».

На пакеты, с чавканьем поглотившие посуду и приборы, Ларо тоже смотрела широко раскрытыми глазами. А потом поспешно поднялась:

— Мне тоже нужно в душ.

— Мой душ всегда к твоим услугам.

Ленор вздохнула.

— Мне не во что переодеться.

Люциан хмыкнул и, поднявшись, подошел к утопленному в стене магически скрытому (чтобы не нарушать интерьер) гардеробу. Провел рукой, разрушая прячущее заклинание, распахнул двери.

— Выбирай. Мои рубашки тоже к твоим услугам.

Кто бы сомневался, что Ленор выберет самую длинную, которую Люциан обычно носил навывпуск. И кто бы сомневался, что она заберет ее с собой, а из ванной уже выйдет прямо в ней. Правда, тонкая ткань не скрывала упругой груди, просвечивающей заострившимися вершинками, и он даже глаза прикрыл.

Эта девчонка — сплошной ходячий соблазн!

Особенно когда вот так брови приподнимает:

— Ты что, будешь спать обнаженным?

— И тебе советую. Нигде ничего не жмет.

Она фыркнула и покачала головой. Потом все-таки забралась к нему. Поверх одеяла. На это уже Люциану захотелось фыркнуть, вместо этого он просто кивнул:

— Лезь под одеяло, Ларо. Обещаю не приставать, — получилось как-то очень серьезно, и еще серьезнее: — Не хочу, чтобы ты замерзла.

В ответ на это Ленор улыбнулась. Потом все-таки забралась к нему, и он мягко притянул ее к себе. На этот раз просто обнял.

То ли из-за сытного ужина, то ли из-за этой уютной близости веки снова стали тяжелыми. Люциан провалился в сон, так и не выпустив Ленор из объятий. Под стук ее сердца, отдающийся сквозь ладонь прямо в его.

Глава 5

Лена

— Вы переспали что ли? — поинтересовался Невс, за что получил тычок локтем под ребра от меня и убийственный взгляд от Люциана. Впрочем, убийственным он был скорее по привычке, таким довольным я его драконье высочество еще ни разу не видела. Он ухмылялся и разве что не мурчал, как довольный драконокот.

— Так что? — поинтересовался друг моего теперь уже парня, уплетая завтрак.

— Невс! — шикнула Милли.

— Да ладно! Тут всем интересно, — Лиллея сверкнула глазами.

Похоже, неинтересно было только Дасу. Его даже присутствие Люциана не смутило, он смотрел на завтрак и то с большим интересом, чем на происходящее, а на происходящее — с легкой снисходительной драконьей ленцой.

— Не ваше дело, — хмыкнул драконопринц, накрывая мои пальцы ладонью. — Но нет.

— Нет?! — это хоровое разочарование почему-то заставило меня улыбнуться.

Вчера, когда Люциан заснул, я готовилась к первой паре по драконьему языку (нас решили зарядить этим предметом по полной) и просматривала конспекты по истории. Мне как раз не спалось, поэтому по урокам и заданиям я прошла основательно, а еще с удивлением для себя обнаружила, что мне не хочется из постели сбежать. Не хочется отстраниться, отодвинуться, отползти или и вовсе потихоньку вернуться к себе. А засыпать, когда глаза уже начали слипаться, рядом с ним и правда было на удивление уютно.

Проснулась я от бодрого голоса Эвиль, сообщившей мне, что пора вернуться в свою комнату за учебниками, а вместе со мной проснулся и Люциан. Я едва успела выскочить из постели, пока меня не поймали, и, показав ему язык, сказала, что мне нужно успеть собраться. Судя по взгляду, которым драконопринц меня наградил, выскочила я вовремя: рубашка едва прикрывала мне бедра и в целом не настраивала на учебный лад. Зато с утра Люциан уже выглядел отлично и, что самое

главное, чувствовал себя тоже — видимо, целительной силы двух снов хватило сполна.

Сейчас я могла в этом окончательно убедиться: он уплетал завтрак с таким аппетитом, что ему могли позавидовать все сидевшие за столом. Как и ночной ужин, в котором меня больше всего поразила самовозникающая и самоисчезающая посуда. То есть когда упаковка на моих глазах сначала приняла форму тарелок, а потом бесследно исчезла в пакетах, я поняла, что меня вряд ли удастся чем-нибудь еще удивить. С другой стороны, об этом мире я знаю не настолько много, чтобы зарекаться.

Друзья не спрашивали о вчерашнем, и, хотя все без исключения собравшиеся в столовой свидетели вчерашнего косились на него, остальным тоже хватало ума помалкивать. Хотя я не была уверена в том, что это умно, но и как разрулить эту тему, тоже пока не придумала.

Лозантир бы подрал Валентайна Альгора!

— Не забудь сумку, — подмигнула Милли, когда я поднялась — до аудитории, где проходили занятия по драконьему языку идти было дольше, чем до полигона, где драконов гоняли на «Основах боевой магии». Друзья сказали, что вчера приносили ее мне, потом Люциану, но поскольку ни там, ни там им не открыли, смирились и решили, что вернут мои вещи с утра.

— Не забудет, — ответил за меня Люциан и, сгрузив в нее лежащие на столе пару книжек, которые мне посоветовала взять Эвиль, сам подхватил мою сумку. Перекинув через плечо, пояснил: — Я провожу.

Он провожал меня, а нас провожали взглядами: долгими взглядами, которые можно было истолковать по-разному, но мне не хотелось ничего толковать. Мне просто хотелось идти рядом с ним и чувствовать тепло его ладони. Нет, разумеется, ни наша откровенность, ни мгновения, когда я сгорала в пламени его поцелуев и ласк, ни наша совместная ночь, когда мы оба спали, ничего не меняла — ни случившегося на занятиях, ни моей темной магии, ни решения обо всем ему рассказать. Просто говорить о таком после рассказа о его матери я не видела смысла. Мне все равно придется поднять эту тему снова, но я выберу такой момент, когда смогу нормально все объяснить. Без эмоций, и чем скорее, тем лучше.

Тем более что сейчас мне казалось, что Люциан все поймет.

— Удачи на занятиях, Лен, — остановившись возле аудитории, он привалился плечом к стене, но сумку мне отдавать не спешил.

— Не хочешь, чтобы я познавала таинства вашего языка?

— Не хочу тебя отпускать. Особенно после такого утра.

Сегодня под голос Эвиль мы и правда проснулись в объятиях друг друга. Если вчера днем Люциан изображал дракона, поймавшего свое сокровище, то сегодня утром сокровище отомстило и поймало дракона. В смысле, когда мы оба открыли глаза, мы лежали лицом к лицу, моя рука была на его талии, а нога — на его бедре. Возможно, именно этот факт дал мне стратегическое преимущество и вынес из постели драконопринца с удвоенной скоростью. Вовремя и к счастью, потому что как только я об этом вспомнила, сердце забилося как-то очень неровно. А еще слегка бросило в жар.

— Утро было хорошим, это правда, — произнесла я, глядя ему в глаза.

— А было бы еще лучше, если бы кто-то не сбежал.

— Если бы кто-то не сбежал, мы бы опоздали.

Он усмехнулся:

— Сегодня вечером мы точно никуда не будем опаздывать.

Сказано это было многообещающе: с рычащими, низкими интонациями — и с таким говорящим взглядом, прокатившимся по мне бессовестным обещанием, что я быстренько сдернула сумку с его плеча.

— Удачи с боевой магией, — хотела уже скользнуть в аудиторию, но Люциан перехватил меня за талию.

— Что я говорил? Только и делаешь, что сбегаешь, — почти укоризненно произнес он, а потом дотронулся губами до моих губ, мягко их раскрывая в коротком, но удивительно чувственном поцелуе.
— Вот теперь все. Иди.

— Можно, тэрн-ар Драгон? — не удержалась от шпильки, в ответ Люциан только усмехнулся и приподнял брови.

Я же вывернулась из его рук и наконец-то вошла в аудиторию, стараясь не улыбаться так же широко, как... Драконова.

Не улыбаться не получалось. Улыбка будто приклеилась к моим губам, а точнее, их уголки словно кто-то тянул за ниточки при воспоминаниях о вчерашнем вечере-ночи и сегодняшнем утреннем

пробуждении. Сама не представляла, что так могу — после Земскова мне казалось, что я никого из парней к себе на пушечный выстрел не подпущу.

— Привет, — опустилась уже привычно на место рядом с Ярдом и девушками. — Как дела?

— Привет! — отозвались Дана с подружкой.

— Привет. Да нормально, — буркнул парень.

— Не выспался только, — хихикнула Дана. Ярд наградил ее тяжелым взглядом, но ответить ничего не успел: по коридорам прокатился рык, и в аудиторию шагнул преподаватель.

— Naverrar rashedor, draemrt*, — сообщили нам уже привычно. — Etraem dert arhenn tu verder ginn nowlern etr aviern newirres, bet gour vicht nei rrianrt. Ne enlendr chelt poiler duvvis toaundor pe lovari toin.**

— Его нужно было назвать не магистр Доброе утро, — шепнула Дана. — А магистр Начни с порога.

— Velest Lo Dragonerr, draemri Stenna.***

Дана густо покраснела и чуть не сползла под стол, а Ярд укоризненно на нее посмотрел: забыла, что ли, какой у драконов слух? Магистр тем временем прошел к кафедре и заклинанием активировал местную доску. По всем параметрам она больше всего напоминала голографические схемы из фильмов про шпионов или про супергероев, в частности, из Вселенной Марвел. На ней автоматически возникали задания, а тем, кому повезло оказаться у доски, предстояло решать и показывать на примерах, управляя легкими заклинаниями перемещения слов, замены букв или же добавления времен и тех самых особых оборотов драконьего языка.

Этими особыми оборотами назывались фразы, которые не поддавались никакой грамматике, временами с измененными вне правил окончаниями, и так далее. Увы, какой-то логики во всем этом не было, поэтому, как и в случае с английскими неправильными глаголами, или как в старом бородатом анекдоте, это было из разряда «объяснить это нельзя, это нужно запомнить».

Запоминать там, к слову, было что: за долгие тысячелетия драконы наплодили в своем языке более тысячи «особых оборотов». Мы начинали с простейших, но даже на простейших мозг можно было свернуть.

Магистр пробежался взглядом по присутствующим, пальцы его легко покоились на уголке кафедры. В глазах вспыхивали и гасли небольшие золотистые искорки на фоне привычного цвета драконьего пламени, и я невольно задумалась о его происхождении. Если неразбавленное золото — цвет магии королей, то этот дракон явно занимает какое-то высокое положение. Или нет? Стал бы высокородный дракон — зная об их самомнении и прочем, преподавать в Академии? С другой стороны, Альгор преподают.

Не преподают, а милостиво согласился.

— Draemri Drakonova.

София Драконова изящно поднялась и так же изящно и грациозно спустилась по лестнице к шпионской доске. То есть к магической доске.

«Забыл вчера тебе насчет театральной команды напомнить», — всплыло сообщение от Ярда. Заметное только для меня. Кто бы мог подумать, что в магическом мессенджере есть «приватный режим»: когда слова или картинки, или что там хотят отправить, видны только мне. То есть конечно опытный маг преподаватель его сразу почувствует и раскусит на экзамене, но вот так на занятиях общаться — самое то.

Я убрала руки под стол и опустила глаза, чтобы написать ответ. Магическое перышко полыхнуло легко, не привлекая к себе внимания, а я, не особо прислушиваясь к болтовне Драконовой и тому, что она там говорила про особые обороты, написала: «Ничего. После Драконьего поговорим». Собиралась уже развеять перышко и «вернуться» в аудиторию, когда мне пришло еще одно сообщение. На этот раз от Люциана с подписью:

«Готова к огню, Ларо?»

Огнем оказалась магическая гифка, где его драконье высочество задирало и опускало майку, показывая свой идеальный пресс. Литой, с четко обозначенными под кожей мышцами. Этаким магический бумеранг определенного содержания.

Почувствовав, что краснею, а губы снова растягиваются в улыбке, смахнула магвидео в глубины неиссякаемой памяти Эвиль и написала: «Буду любоваться сегодня ночью, а пока я на занятиях».

«Сегодня ночью тебе будет некогда любоваться».

У них там основы боевой магии отменились, что ли?

— Draemri Laro, — взгляд магистра уперся в меня. — Noetra valassarn asdelo****. Ot vial gret?

На меня посмотрели все: начиная от стоявшей у доски Драконовой, управляющей особыми оборотами и уже почти полностью составившей отчет по домашнему заданию, до всех присутствующих даже на «галерке». Я спиной чувствовала иголки взглядов. От полного и безоговорочного провала, как сказал бы Штирлиц, спас стук в дверь. Магистр нахмурился, но все-таки взмахнул рукой, размыкая запечатанную магией аудиторию. Ага, значит, с пожарной безопасностью у них все в порядке, просто «ключи» выдаются исключительно магистрам.

Стоило раздаться привычному легкому щелчку, как в аудиторию влетел невысокий молодой человек, настолько кудрявый, что волосы у него на голове лежали как шапка. Второй отличительной особенностью были очки, как у Гарри Поттера. К счастью, молнии на лбу не было.

— Адептка Ларо! — он отыскал взглядом меня. Потому перевел взгляд на магистра. — Магистр Вьерд. Прощу прощения, но у меня распоряжения ректора Эстре. Адептка Ларо должна срочно явиться к ней в кабинет.

*Доброе утро адепты

**Сегодня мы начнем с проверки ваших знания по особым оборотам, а после перейдем к временам. В конце как обычно будет диктант по словарному запасу.

***Здесь на драконьем, адептка Стенна.

****Нам тоже интересно. Что у вас там?

На этот раз магистр ответил не на драконьем:

— Разумеется.

— Ректор Эстре попросила, чтобы адептка Ларо взяла свои вещи. Что?!

Взглядов, устремленных в мою сторону, стало больше, а по коже пробежал пренеприятный холодок. Чем я вообще могла не угодить ректору? Особенно так, чтобы меня забирали с занятия с вещами?

Магистр кивнул, все остальные продолжали на меня пялиться, а я подхватила сумку. Спустилась по лестнице к ожидавшемуся меня

молодому человеку, разве что не подпрыгивающему от нетерпения.

— Вы не знаете, что... — начала было я, стоило нам оказаться за дверями, но он меня перебил.

— Не сейчас! — ткнул в свой магический браслет, открывая портал прямо посреди коридора, а после чуть ли не втащил меня туда, больно вцепившись пальцами в локоть. От столь резкого перехода я даже слегка пошатнулась, перед глазами замельтешили порталные искры, но уже в следующее мгновение я увидела стоящую напротив меня ректора.

В пламенно-алом костюме, с ярко-рыжими волосами, она выделялась на фоне своего просторного светлого кабинета, как разведенный в лесу костер.

— Свободен, Номбри, — сказала она, и парень тут же метнулся к дверям, чтобы скрыться за ними. Так быстро бежали только на занятиях по физподготовке, что же касается меня, я просто выросла в пол. Потому что, проследив за убегающим парнем, споткнулась взглядом о возвышающегося в кабинете ректора мрачным изваянием Лэйтора.

— Она ваша, гритт Лэйтор, — искривив красивые губы, произнесла Эстре. — Забирайте ее.

Что? Что-о-о?!

— Не смейте ко мне прикасаться! — я выставила вперед руку, как будто это могло меня защитить, но шагнувший было вперед Лэйтор заметно напрягся. Ректор тоже напряглась, я даже увидела, как разгорается в орехово-изумрудной радужке драконье пламя.

Они что, тут все с ума посходили?!

— Я требую объяснений, что здесь происходит, — поразительно, откуда в моем голосе возникла такая сила.

— Все очень просто, тэри Ларо, — голос Лэйтора стал чуть ли не медовым. Хотя нет, если бы мед мог прокиснуть, вот это было бы самое оно. — Ваша причастность к происшествию с темной магией не оставляет нам иной возможности, кроме как вызвать вас на допрос. Где, разумеется, мы все выясним, и, если вы не имеете никакого отношения к тому, что случилось, мы вас отпустим.

— Но мы уже это выяснили, — стараясь не проглотить собственное сердце, которое не желало сотрудничать с показным спокойствием, ответила я.

— В том-то и дело, что нет. У нас нет никакой конкретики. Кроме того, магистр Альгор помешал нам обстоятельно побеседовать.

При упоминании Альгора, или, я даже не знаю, того, что он «помешал нам обстоятельно побеседовать», лицо ректора Эстре скривилось еще сильнее, как если бы она хлебнула того самого прокисшего меда.

— Архимаг, — поправила я.

— Что? — переспросил военный.

— Архимаг Альгор.

Теперь уже скривилось лицо Лэйтора, и, кажется, их так и продолжит знатно перекашивать, если упоминать Валентайна. Остается только понять, как это может помочь мне. Думай, Лена, думай! Времени не так много.

В том, что его не так много, я поняла, когда Лэйтор достал наручники и шагнул ко мне.

Серьезно?!

— Вы не имеете права... — начала было я, но меня перебили.

— Я имею все права, в том числе и на ваш арест, тэри Ларо, если вы будете сопротивляться. У меня приказ, подписанный Верховным архимагом, так что не усложняйте свою участь. Просто следуйте за мной.

— Я требую, чтобы мне предоставили адвоката.

— Чего? — кажется, мыслительный процесс Лэйтора зашел в тупик.

Да что ж за странное общество-то, а! Пожирающие самовозникающие тарелки пакеты они придумали, а об адвокатах не знают! Или они у них просто называются по-другому? Отступать было некуда, в смысле, за моей спиной стояла ректор Эстре, а впереди маячил Лэйтор с наручниками. Причем, судя по тому, как по металлу внутри узоров непонятной вязи прокатывались и гасли искры, наверняка антимагические.

Они же реально меня боятся!

Эта мысль пришла в то же мгновение, как Лэйтор шагнул ко мне, а между разведенных ладоней Эстре полыхнули две огненные молнии.

— Очень педагогично! — я не узнала собственный голос, он просто сочился сарказмом.

— Если подтвердится, что ты не имеешь никакого отношения к случившемуся, я лично перед тобой извинюсь, — хмыкнула Эстре, но что-то в ее хмыке мне совсем не понравилось. Кажется, я даже понимала, что: такие женщины не дают обещания извиниться, если имеют хотя бы капельку сомнений насчет того, что придется это осуществить.

В следующее мгновение на моих запястьях уже защелкнулись наручники, а спустя мгновение в кабинете ректора возник портал, который она же и создала.

— Удачи, гритт Лэйтор!

— Драха с два, — я узнала этот голос и едва успела вздохнуть с облегчением, как портал распался на две половинки, заискрил и схлопнулся. Люциан шагнул в кабинет ректора злой. Очень-очень злой, и я даже физически ощутила бьющую сквозь него ярость и тяжесть магии королевской семьи драконов. Ярость, отразившуюся в золоте его глаз и, кажется, даже замерцавшую на кончиках пальцев.

— Что вы себе позволяете?! — пришедшая в себя Эстре резко шагнула к нему.

— Встречный вопрос, — злой взгляд скользнул по ректору и уперся в Лэйтора, вцепившегося в меня, как оголодавший бультерьер в кость. — Потрудитесь мне объяснить, какого драха здесь происходит, и почему моя невеста в наручниках.

От магии Люциана разве что ректорский кабинет не полыхал. Эстре, например, сама полыхнула ярче, чем ее алый костюм:

— Что вы себе позволяете, адепт Драгон? — повторила драконесса уже резче.

— Сейчас тэрн-ар Драгон. И пока я жду объяснений, вам лучше снять наручники с Ленор.

Последнее относилось к Лэйтору, но его пальцы только сильнее сжались на моем локте.

— У меня приказ Верховного архимага, тэрн-ар Драгон, — раздувая ноздри, как паруса, он спокойно выдержал взгляд принца.

— Ты меня не услышал? — вкрадчиво поинтересовался Люциан.

— Ваша невеста подозревается в манипуляциях темной магией.

Если до этого Люциан просто смотрел на него, то сейчас шагнул вперед, оказавшись с ним лицом к лицу. Магией полоснуло так, что у

меня даже голова закружилась, а ректор Эстре начало было:

— Я сейчас свяжусь с вашим отцом, тэрн-ар Драгон...

— Вон.

Это было сказано тихо, но с очень странными интонациями, из-за чего по кабинету прокатилась волна пугающей подчиняющей силы.

— Ты. Наручники снял и вышел.

Я не представляла, что это было, но Лэйтор действительно снял с меня наручники и вышел, судя по выражению лица, мысленно матерясь на местном так, что все его внутренние фиалки завяли разом. Эстре выходила, сохраняя остатки достоинства, но каким-то стопятидесятым чувством я поняла, что драконессе очень не по себе. Очень-очень не по себе. Дверь за ними закрылась, и Люциан в упор посмотрел на меня.

— Люциан...

— Это правда?

Лицо у него было страшным. Я никогда не видела у него такого лица — не перекошенного в злобе или бессильной ярости, как у Лэйтора, нет, застывшего непроницаемой маской, только в глазах раскалялось золотое пламя сильнейшей магии светлых.

— Я не знаю.

— Не знаешь? — вкрадчиво поинтересовался он. — Ты не знаешь, проводила ли манипуляции с темной магией, или нет? Не знаешь, использовала ли эту дрянь? Как так? Провалы в памяти? Или избирательное восприятие?

Вот теперь от него яростью фонило, как от костра жаром. Меня даже потряхивать начало от обрушившихся на меня всей силой драконовых эмоций.

— Нет. Я не понимаю, что происходит! На прошлой неделе я была в парке, и на меня напали... точнее, кто-то запустил в меня огненным шаром. Тогда все это случилось — то, о чем говорит Лэйтор, я просто вскинула руки, и меня закрыло сетью Грехмира.

— ЧТО? — Люциан произнес это как-то очень странно. Очень-очень странно, как если бы слово «что» можно было произнести по буквам с паузами в несколько секунд после каждой, то именно так оно бы и прозвучало.

— Я... — я глубоко вздохнула, пытаясь унять бушующие в груди чувства, которых было слишком много — отчаяние, напряжение,

желание все ему объяснить, даже странное, примешавшееся к ним чувство вины. — Я хотела тебе обо всем рассказать, но вчера ты сказал про маму, и я...

— Не смей упоминать мою мать, — это прозвучало как пощечина.

Я, собиравшаяся уже продолжать, осеклась, как если бы доступ словам просто магически перекрыли. Возможно, так оно и было, иначе как объяснить, что я ни слово вытолкнуть не могу, ни вдох сделать.

— Я тебе доверял, Ларо, — процедил он. — Ты это понимаешь?! Я. Тебе. Доверял.

Не знаю, что было больнее слышать, «доверял» в прошедшем времени или его голос. Он со мной никогда так не разговаривал и никогда на меня так не смотрел. Никогда. Ни разу в жизни, даже когда свои первые дни пребывания в этом мире я была всего лишь «сироткой» и подставной невестой, до которому ему не было никакого дела. А было ли вообще? Или все то, что сказал Валентайн, правда?

«Если он хоть на мгновение что-то заподозрит — он тебя уничтожит. Он, его отец и твой Люциан».

— Я не лгала тебе, — все-таки вытолкнула из себя пустые, сказанные не своим голосом, слова.

— Да ну? — Люциан посмотрел на меня сверху вниз. — Не лгала мне тогда, когда не сказала о том, что произошло? А может, и на дуэли все было не так просто? Драконову едва откачали, Ларо. Не знаешь, с чего бы?

Он сжал кулаки и шагнул ко мне.

— Зато я теперь знаю. Решила пойти по стопам родителей и расставить приоритеты?

— Люциан, — тихо сказала я, — все не так. Просто позволь мне все объяснить...

— Нет. Мне достаточно того, что я услышал и узнал о тебе, Ларо. С меня хватит.

— Я не использую темную магию! — крикнула, запоздало вспомнив о том, что за эти дверями находятся Лэйтор и Эстре. Поэтому продолжала уже понизив голос до звенящего напряженного шепота, разрывающего грудь. — Она использует меня! Не знаю, почему, не представляю, как... я же рассказывала тебе про Соню! Думаешь, я бы стала заниматься тем, что ее убило? По собственной воле?!

— Нет. Я думаю, что ее убила ты.

Если бы он меня ударил, наверное, и то было бы не так больно. Возможно, именно поэтому в странном оцепенении я смотрела, как Люциан разворачивается к двери.

— Люциан, — позвала я. Не особо надеясь на то, что он обернется.

Он обернулся. Все-таки обернулся, хотя лучше бы не оборачивался. На этот раз маска непроницаемости дрогнула и пошла трещинами, обнажая разочарование, ненависть, презрение, и все это такой силы, что, ударив в меня, оно разлетелось осколками и вонзилось, кажется, в каждую клеточку моего тела.

— Мне плевать, что с тобой будет, Ларо. Что будет с твоей жизнью. Но если ты еще раз попытаешься ко мне приблизиться, ко мне или к моей семье — очень сильно пожалеешь.

Он вышел, распахнув двери с такой силой, что их створки жалобно гроыхнули о стены. Вошедшие Лэйтор и Эстре явно были в полной боевой готовности, и помимо них в кабинет ввалились еще четверо военных. Я мысленно усмехнулась, а потом протянула руки, позволяя антимагическому металлу снова защелкнуться на запястьях. Все присутствующие вздохнули с облегчением, а я, удивляясь собственному сарказму, отравившему голос, произнесла:

— Еще одну минуту, гритт Лэйтор. Пожалуйста.

В наручниках это делать не особо удобно, но всем присутствующим мои манипуляции явно сделали нервы. А я всего-то снимала кольцо, которое положила на край ректорского стола.

— Это собственность тэрн-ар Драгона, — сообщила ректору. После чего повернулась и под конвоем Лэйтора и остальных военных шагнула во вновь открытый Эстре портал.

Глава 6

Где-то капала вода: монотонно, отбивая свой ритм. Я сидела, уставившись на сцепленные на столе руки, запястья по-прежнему охватывал зачарованный металл. Ну или как он тут называется. Мне было все равно. Мне даже было все равно, что в темный каменный мешок, куда меня привели и где оставили, вот-вот войдет Лэйтор или кто-то еще. На самом деле мешок был не такой уж темный: его освещал тусклый магический шарик, который плавал под потолком туда-сюда. Очевидно, чтобы заставить меня нервничать, переживать, а при появлении хороших и плохих «полицейских» сдать с потрохами себя и всех кого попросят, признавшись в заговоре против короны, архимагов и во всем остальном.

Их проблема заключалась в том, что после случившегося волноваться не получалось.

Моя проблема заключалась в том, что у меня включилась заморозка. Такое уже было после разрыва с Земсковым, поэтому я хорошо помнила эмоции. Сначала на тебя обрушивается бетонная плита, и ты ничего не чувствуешь. Потом — дня два-три, кажется, что все норм, что ничего страшного не случилось. И ты даже начинаешь в это верить, ходишь, раздаешь гордые улыбочки, смеешься — картонно, напоказ, потому что смеяться не хочется, но ты же гордая. Зато потом тебя накрывает. Болью: так, что нечем дышать, отчаянием, когда кажется, что все кончено и осознанием того, что кое-что действительно кончено. Окончательно. Безвозвратно.

Я через все это прошла, и сейчас проходила снова.

Потому что обещала себе, что не буду больше влюбляться, но все-таки влюбилась. Обещала, что никогда ни перед одним парнем больше не раскроюсь настолько, но все-таки раскрылась. И ведь всего неделя прошла... или сколько там? Тогда почему я снова чувствую себя так, как под холодной бетонной плитой? Потому что у чувств нет сроков и ограничений?

Прерывая мысли, лязгнул засов. Дверь с интригующим скрежетом распахнулась, снова явив миру... то есть тьфу, камере и мне — Лэйтора. По ощущениям даже разжеванный целиком лимон, запитый

концентрированным рыбьим жиром, сейчас бы не стер выражения довольства с его физиономии. Мне вот интересно, с чего он на меня так окрысился? Я что, спалила его любимые цветочки на газоне в Академии?

— Итак, тэри Ларо... — Дверь захлопнулась, заискрился запирающий магический контур. Военный прошел к столу, за которым я сидела — простенькому, металлическому. — Продолжим наш разговор.

Да мы его еще и не начинали.

Вслух я этого не сказала, зато спросила:

— Что, хорошего полицейского не будет?

Лэйтор остановился. Нахмурился.

— Кого? — переспросил он.

Тебя бы на стажировку в полицейскую академию в наш мир. Посмотрела бы я, как ты там будешь прыгать без магии.

— Неважно, — сказала я. — Важно то, что я не стану с вами говорить без моего защитника.

Про защитника он понял сразу: видимо, просто слово «адвокат» сбило.

— Вам не положен защитник, тэри Ларо. При учете того, что темная магия запрещена, на вас не действуют стандартные протоколы. Я имею право допросить вас один на один.

— А, — сейчас я поняла, что заморозка в данном случае — не проблема. Скорее, счастье, потому что когда стул Лэйтора мерзко скрежетнул ножками по сырому каменному полу, я даже не поморщилась. Нервы под внутренней анестезией в таких ситуациях очень кстати. — В таком случае я имею право сохранять молчание. Потому что все, что я скажу, может и будет вами использовано против меня.

— Не дерзите, тэри Ларо, — гритт сцепил руки, отражая мой жест — тоже известный психологический прием, между прочим. — Я пришел поговорить с вами по-хорошему, по-доброму. Потому что прекрасно понимаю, что девочке вашего возраста легко оступить, особенно принимая в расчет ваших... гм, родителей.

По-доброму.

Я улыбнулась: моя первая прорезавшаяся улыбка по ощущениям больше напоминала оскал.

— То есть вы будете и хорошим, и плохим.

До Лэйтора начало доходить. Уж не знаю, какие у этого гритта умственные способности (подозреваю, что выше среднего, если он все-таки до гритта дослужился), но он нахмурился еще сильнее. Лимон не помог, Ленор помогла. Интересно, что было бы, глотни он «Ленор»?

— Вы, по всей видимости, не понимаете всей серьезности положения, тэри Ларо. В первую очередь вашего. Если вы не пойдете на добровольное сотрудничество...

— Вы будете меня пытаться, — подсказала я. Медленно расцепила пальцы, шевельнула ими, и заметила, как военный дернулся назад. — Правда? Будете? Адептку Академии Драконова?

Дорогие читатели!

Сегодня будет еще одно продолжение чуть позже ;)

Так что надолго не расходимся, вторая часть еще эмоциональнее первой.

— Молчать! — рявкнул гритт, багровея. Каким-то чудом его неприятное лицо не осветило камеру, как фонарик, не поползло по сырым стенам с выпуклыми серыми камнями красным светом.

— Вы же только что хотели, чтобы я говорила, — глядя на него в упор, приподняла скованные руки и резко опустила их на стол. Металл звякнул о металл. — Не хотите предоставлять мне защитника — не надо, но я требую, чтобы о случившемся немедленно сообщили моему опекуну архимагу Равену. До этого момента я больше не стану ни с кем разговаривать. Ни с вами, ни с кем бы то ни было еще.

Я откинулась на спинку стула и убрала руки на колени. Мне отчаянно хотелось бы испытать хотя бы сотую долю ярости, которой полыхал гритт Лэйтор. Разозлиться на него. Возненавидеть. Почувствовать презрение за то, что просто увел самую обычную ни в чем не повинную девчонку на допрос, не разобравшись в ситуации, но нет. Чувства внутри молчали, а вот холод — разрастался, грозя затопить меня целиком.

Незнакомый мне холод. Темный.

Наверное, именно так себя чувствуют те, кому нечего больше терять, и он тоже это понял. Видимо, прочел в моих глазах, или почувствовал, потому что голос его спустился до низин змеиного шипения.

— Вот как вы заговорили, тэри Ларо. Адептка Академии Драконова, говорите? Разве адептка Академии Драконова способна создать сеть Грихмира?

Да будь она проклята, эта сеть!

— Нет. Вряд ли. Такому не учат в Академии Драконова, — Лэйтор распалялся все сильнее, багровые пятна на его лице уже чередовались с белыми, и я в глубине своей бесконечной отстраненности подумала о том, не хватит ли его удар прямо здесь. — Зато у ваших родителей вполне могли остаться наработки. Вы были уже в сознательном возрасте, когда все случилось, и вполне могли получить какие-то инструкции от своей матери или отца. Вопрос в том, какие. Что они поручили вам сделать, тэри Ларо?

Не пообещай я молчать, расхохоталась бы ему в лицо. Это ж просто теория заговора какая-то: родители, собирающиеся убить Верховного Архимага, попались, но оставляют малолетней дочери инструкции и завет учиться темной магии. И она учится, растет, ночами втайне от всех практикуя темные знания, этакая Наташа Романова магического мира, чтобы... чтобы — что?

— Вы это сами только что придумали? — все-таки не удержалась. — Или перечитали шпионских авантюрных романов?

— Не смешно! — Лэйтор вскочил, стул отлетел в сторону, с лязганьем жалобно врезался в стену, чтобы там и упасть.

— Согласна, — сказала я. — Не смешно. Обычно официальные лица, совершающие арест, имеют при себе веские доказательства, которые могут предоставить, показания свидетелей, а не какие-то досужие домыслы в стиле желтой прессы или приключенческих историй.

В следующий момент Лэйтор обогнул стол и с силой вдавил ладонь мне в плечо.

— Ваш арест одобрен Верховным архимагом, тэри Ларо. Но вы никак не желаете осознавать серьезность ситуации. Придется вам ее объяснить.

Лэйтор рывком вздернул меня на ноги, из-за чего плечо прострелило болью, и я вскрикнула, а в следующее мгновение меня уже швырнули животом на стол. От удара о металлическое ребро из груди выбило воздух, в запястья жалящими гранями врезались

наручники. От шока потемнело перед глазами, и еще сильнее потемнело, когда ладонь Лэйтора поползла по моему бедру под юбку.

Вспышка!

Слабый источник света полыхнул и погас. Волны ледяной пугающей магии прокатились сквозь самую мою суть, Лэйтор выругался, а в следующий момент его от меня оторвало.

Именно оторвало, с такой силой, с какой могло бы выдрать стальной каркас из высотки каким-то чудовищным механизмом. Вторил этому звук — звук уже знакомой мне сигнализации, только на сей раз усиленный стократно, взорвал окружающее меня пространство.

Но даже сквозь него раздался отчаянный, полный боли вой, он прокатился по камере, заставляя меня съежиться на полу. Это большее, на что меня вообще хватило, а в следующий миг полыхнуло серебром, и я прикрыла ладонью глаза. На мгновение. Чтобы потом их открыть и увидеть...

Альгора.

Черные крылья. Заполнившие собой, кажется, всю камеру. Они врезались в камень, превращая его в шипящую тлеющую крошку, разрезая стены как раскаленный нож вспарывает масло. Лэйтор болтался в воздухе. Точнее, он был припилен к стене и жалобно дергал ногами, вцепившись в сдавливающую его горло руку. Напитанный серебром воздух дрожал, как от жара, хотя на самом деле от холода. От смертельного противоестественного холода потусторонней силы магии темных драконов, пожирающего, казалось, саму жизнь.

— П-п-п-п... — это все, что получилось сказать у Лэйтора до того, как Альгор сильнее сдавил руку. Он заговорил, но его голос тоже звучал... потусторонне:

— Как ты посмел. Дотронуться. До моей. Женщины.

Мужская ладонь уже совсем не напоминала человеческую, заполненная серебром чешуи с прорастающими из нее когтями. Лэйтор сдавленно захрипел — не знаю, как я это расслышала в крошечном вое сирены, но именно это заставило меня вскочить на ноги.

— Валентайн!

Или не Валентайн?

Обернувшись ко мне мужчина, дракон, непонятно кто смотрел на меня... или в меня? Заполненными тьмой глазами, в котором не осталось ни белков, ни радужки. Серебро чешуи раскрасило скулы, стекая под тлеющий ворот.

— Стой. — Мне показалось, что он меня не услышит, и вовсе не из-за оглушительного звука, от которого захотелось зажать уши. Тем не менее я все-таки продолжила: — Пожалуйста. Остановись.

Миг, растянувшийся в вечность, показался мне каким-то слишком долгим. Или напротив — слишком молниеносным? Он развернулся, и я поняла, что это конец: в смысле, один взмах крыльев должен был располосовать меня, как капусту на разделочной доске, но ничего такого не произошло. Таяла в воздухе дымка — там, где должны были быть темные крылья, серебро чешуи впитывалось в кожу, а его ладонь, которая только что чуть не раздавила Лэйтору трахею, теперь лежала на моей талии. В другой ситуации я бы сказала «ик», но сейчас просто провалилась. В раскрывшийся зев портала, в который мы шагнули вдвоем, или шагнул он, увлекая меня за собой.

Черный портал оказался другим: в момент перехода из меня словно выпили все силы, а на выходе замутило, как после безумной карусели. Я не успела даже вдохнуть, а меня уже подтолкнули к стремительно наполняющейся ванной.

Что?!

— Ты это сейч-час с-серьз-зно? — спросила я, глядя на местную джакузи в местном непонятно где.

— Серьезнее некуда, — его голос уже звучал привычно. — Ты аккумулируешь темную магию, и плюсом впитала еще часть моей. Если это не остановить...

Он не договорил, рывком сдернул с меня пиджак. Я бы попыталась сопротивляться, но со мной и правда творилось что-то странное: затопивший меня холод растекался по телу, пробираясь даже в волосы. Я на всякий бросила взгляд в зеркало вдали — не превращаются ли они в снег, но увидела там только девицу с безумным, горящим серебром, взглядом и мужчину, который ее раздевал.

— А это...

Я взглянула на наручники, которые искрили, как неисправная проводка.

— А, это, — насмешливо произнес Валентайн. — Местная антимагия не способна сдержать силу темных. Но если им так проще, не стоит их разочаровывать. По крайней мере, я не стал.

О... о чем он?

В следующий момент мне стало не до наручников, потому что цепь хрустнула и развалилась, я увидела полуразложившийся металл, а от браслетов меня избавил уже Валентайн. Это была последняя осознанная мысль, потому что дальше он избавлял меня уже от белья.

— Не смей! — зашипела, вцепившись ногтями в его руку.

Моя рука тоже как-то странно засеребрилась, и я ее испуганно отдернула.

— У меня нет времени на реверансы, Лена. Точнее, его нет у тебя. Залезай.

То ли то, что он впервые назвал меня именем, которое знал уже фиг знает сколько, то ли то, что со мной творилось, а может быть, все вместе взятое, считая властный приказ, заставили меня все-таки залезть в ванную. Там было тепло, и я даже забыла о том, что плаваю тут как обнаженный обед для черного дракона, начала соскальзывать в сон...

Вода выплеснулась через края, и в следующий момент я поняла, что лежу уже не на гладкой поверхности, а на Валентайне. Забилась в его руках, но он только крепче прижал меня к себе:

— Я тебя не трону. Одежда мешает восстанавливать энергетический контур и успокаивать магию.

Успокаивать?! Магию?! Это меня тут надо успокаивать, а не магию!

— А вода для создания романтической обстановки?

Со мной определенно что-то творилось, потому что меня бросало то в жар, то в холод, перед глазами все плыло, а позвоночник казался новогодней гирляндой, которую подключили к неисправной розетке, предварительно несколько раз скрутив, вытянув и опять скрутив.

Так же скрутило и меня. От боли. Я выгнулась, хватая ртом воздух, и только ладони Валентайна, удерживающие меня, не позволили что-то себе свернуть.

— Вода — идеальный проводник и отличная среда для сброса излишков магии, — пояснил он, он вообще сегодня на удивление много говорил — не о том, что хочет меня или хочет меня трахнуть.

Его голос казался гипнотическим, и в нем я тонула, только он, кажется, спасал от ледяного выжигающего тела холода. — Все будет хорошо, девочка. Потерпи.

Перед глазами дрожал какой-то совсем другой мир. Новый, которого я не знала — раскрашенный серебром и тьмой, и в этом мире я чувствовала, как Валентайн крепко прижимает меня к себе. В этом мире все это было настолько правильно, настолько естественно, что отступила даже боль, на смену ей пришло дикое, непонятное чувство. Дрожащая во мне магия сгущалась, становилась плотнее, как будто меня заполняло ртутью, а потом... в нее ворвалась черная, насыщенная, яростная, и я задохнулась от этого слияния и единства.

Содрогнулась, словно сквозь меня пропустили ток, а вода из ванной взмыла в воздух.

Это было даже красиво, по-настоящему — весь поток обратными водопадами, струями, каплями — тянулся ввысь к потолку, и в нем отражалось серебро моих и тьма его глаз.

Что-то внутри лопнуло, словно взорвалось, меня окатило безумным, сравнимым с каким-то потусторонним наслаждением жаром, и в лицо полетели шипящие испаряющиеся в воздухе брызги.

Бульк.

Это я сползла в воду. Новую. Которая закрутилась вокруг нас почти сразу же, как магический водоворот.

Мысли стали вялыми и ленивыми, а я бы изобразила рыбку, если бы Валентайн меня не подхватил. Оказавшись над водой, я инстинктивно крест-накрест закрыла руками грудь, и его ладони немедленно накрыли мои пальцы прямо на моих плечах.

— Отпусти-и... — так мог бы разговаривать муравей. С тем же успехом и с той же громкостью, я сама едва расслышала, что сказала. Если вообще сказала это вслух.

Лежать на Валентайне не входило в мои планы, особенно учитывая, что он тоже был голый. Полностью. И я чувствовала под ягодицами его... огурчик? Морковку? Нет, кабачок. Ладно хоть не патиссон.

Горячий патиссон...

То есть тьфу, кабачок.

Хотя какая разница. После того, что сейчас между нами было — а что было? Его магия вошла в мою? — как порядочный темный дракон

он все равно обязан на мне жениться.

Подавив желание хихикнуть, я завозилась в его руках. Что-то зашипело, меня снова окунули в воду. Потом по мне чем-то возили: чем-то мыльным и шершавым. Потом поставили на ноги. Мне не стоялось, я начала заваливаться, и меня мгновенно куда-то усадили. Мокрые волосы стали сухими, я тоже стала сухой, в смысле, завернутой в какой-то теплый уютный кокон. А после мир поменял плоскость и под щекой оказалась прохладная гладкая наволочка мягкой подушки. Я обняла ее, и все остальное стало уже неважно.

Дорогие девочки!

Я очень рада, что вы со мной! Благодарю за ваши эмоции, за вашу поддержку! За комментарии, сердечки и награды!

Вы — мое Вдохновение!

Глава 7

Люциан Драгон

Сказать, что настроение было отвратным — значит, ничего не сказать. На занятия он не вернулся, прямо из приемной Эстре открыл портал в город и схлопотал еще один штраф. Да пусть подавятся. Так он и сказал стражу порядка, который мгновенно изменился в лице и посуровел.

«Выкуси», — хотелось добавить Люциану, но вместо этого он криво усмехнулся и ушел. Драки на улице ему только не хватало для полного счастья. С каким-то стражником. Человечишкой. Возмнившим себя драх знает кем.

Подражаться очень хотелось. Так, что нестерпимо зудели лопатки, а флер призрачных крыльев несколько раз порывался вспыхнуть за спиной, Люциан чувствовал эту силу дракона. Правда, с тем, с кем хотелось подражаться, драться было бессмысленно. Он его укатает в мостовую и не поморщится, и осознание этого бесило еще сильнее. Настолько, что он до скрипа сжимал зубы и до побелевших костяшек кулаки.

Лозантирова Черная тварь не просто так рядом с ней нарисовалась. Нарисовался. Он наверняка все знал. Он-то уж точно все знал, и она — знала, что Альгору все известно, но ему, Люциану, не сказала ни слова. Да и драхи с ней. Пусть катится в темную бездну вслед за прародителем всего этого дерьма. Яйцо от дракона недалеко лежит, вот и Ларо такая же, как ее мамаша. Нечего было ждать от выроodka заговорщиков. Чего он вообще ждал? Высоких чувств? Привязанности? Смешно.

Она прицепилась к нему, чтобы прикрыться его спиной, но вовсе не потому, как изначально подумал Люциан. Именно потому, что была связана с темной магией.

Он шлялся по городу невесть сколько, до темноты. Вернулся не в Академию, в родительский замок, сразу же, первым делом направился в погреб. Дорнар-скар, он же драконье пламя, не пьянит, а вот Дорнар-оррхар, драконье дыхание — очень даже. Выдернув старинную бутылку из ячейки, Люциан огляделся и, не обнаружив поблизости ничего, чем

можно было бы поддеть пробку, выругался. Так грязно, что грязи неумытых углов погреба оставалось только завидовать.

Пришлось подниматься на кухню, хотя видеть кого-то хотелось меньше всего.

— Тэрн-ар Люциан, — Сьерра раздула драконьи ноздри, особенно когда увидела в его руках бутылку. — Ваш отец не велит брать запасы, особенно прикасаться к Дорнар-оррхар.

Да что ж они все испытывают его терпение!

— Так пожалуйста на меня отцу, — хмыкнул он. Подхватил первый попавшийся на глаза инструмент, о назначении которого мог лишь смутно догадываться, всадил в пробку. Она жалобно хрустнула.

— Тэрн-ар! — в голосе драконицы звучали укоризненные нотки, которые, впрочем, тут же смягчились. — Вы бы сестру проведали, а? С того самого вечера девочка сама не своя... расстроилась. Вы поссорились, говорят?

— Врут, — часть пробки улетела в воздух, часть провалилась в бутылку. Люциан повернулся к Сьерре и произнес, четко проговаривая слова: — Нэв просто вела себя как маленькая, эгоистичная дрянь, а у меня достаточно дел, чтобы заниматься этой мелкой оторвой. У тебя, кстати, тоже полно прямых обязанностей. Займись ими вместо того, чтобы раздавать советы.

Сьерра даже пригнулась, а он развернулся, швырнул ставшую ненужной железяку на стол и вышел. Ноги сами принесли его к лабиринту и он, не задумываясь, приложился к узкому горлышку. Огонь напитка ожег горло и, кажется, даже легкие, и он судорожно втянул холодный воздух.

Лозантирова Ларо, чтоб ей сгореть в своей темной магии! Он ведь реально поверил в то, что он ей нужен. Что она что-то к нему испытывает...

— Varr-r-r-rha*! — вырвалось с рычанием на драконьем. Он почти запустил бутылкой в живую, тянущуюся к темному небу изгородь, но вовремя опомнился. Идти за новой бутылкой было лень, еще больше не хотелось слушать очередное нытье Сьерры или смотреть ей в глаза. Поэтому Люциан сделал еще глоток, все больше и больше углубляясь в запечатавающий, отрезающий его от мира лабиринт.

Как давно Альгор все знает? Не просто же так он вокруг нее терся...

Флер крыльев снова полыхнул за спиной, и не просто флер, Люциан чувствовал, как они набирают силу, готовясь перейти в полуоборотную, частичную боевую форму.

— Ненавижу! — женский голос прозвучал так отчетливо, что он замер. Знакомый женский голос, доносящийся... справа? Слева? В этом и был прикол лабиринта, никогда не понятно, откуда идет звук. В детстве он любил сюда приходить, чтобы побыть в одиночестве. Особенно — после смерти матери.

Он. Рассказал. Ей. Все!

Все самое сокровенное... а она смотрела ему в глаза — и смеялась!

Ярость полыхнула снова, чуть не отрезав воспоминания о том, что здесь есть кто-то еще. Интересно, кто? Желание развернуться и уйти было сильным, но еще сильнее было желание на ком-то выместить свою злобу, поэтому он зажал горлышко бутылки большим пальцем, оттолкнулся и взмыл ввысь.

Обычно полет дарит дракону незабываемые, яркие эмоции и вдохновение, но сейчас он только разжигал злобу, ярость, какой-то полубезумный азарт. Лабиринт уменьшился, и Люциан бросил взгляд вниз, чтобы определить, где девчонка, которая кого-то ненавидит. Долго искать не пришлось, в одном из коридоров мелькнуло ярко-красное пятно платья. Хм-м-м...

Он рухнул вниз, сложив крылья, и приземлился за ее спиной так резко, что она взвизгнула и обернулась:

— Совсем сбрендил?!

— Драконова, — это была констатация факта. — Все интереснее и интереснее.

— Что тебе интереснее? — сложив руки на груди, она посмотрела на него в упор. Явно уже оправилась от первого потрясения: глаза метали молнии. Покрасневшие глаза, благодаря драконьему зрению он мог улавливать такое даже в темноте.

— Все. Например, как ты здесь оказалась.

— Я же не спрашиваю, почему ты с бутылкой, — огрызнулась София.

— И правильно. Не спрашивай. Хочешь? — он протянул Дорнар-оррхар ей. Драконова вскинула брови:

— Считаешь, что я буду пить из горла?

— Ну прости, бокалов не захватил, — хмыкнул Люциан. И, не дожидаясь комментария, сделал еще несколько глубоких глотков.

Мир подернулся легкой дымкой новых впечатлений. Если человеческое вино и пламя было так, на побаловаться, то оррхар брало даже самых сильных драконов. Самое то, что сейчас нужно, чтобы забыть одну маленькую лживую темную тварь. Ухмыльнувшись, он посмотрел на Драконову:

— Ничего так прикид.

Прикид, надо признаться, был очень даже чего. Ярро-красное платье подчеркивало ее внешность: темные волосы, темные глаза, легкий загар. Его не обошла информация, что Драконова обожает отдыхать на островах и что каждые выходные проводит в шезлонге на берегу океана — благо, папочкины средства позволяют. Осталось только понять, что она делает тут.

— Стой, — Люциан снова ухмыльнулся. — Кажется, я понял. Платье, прическа, туфельки... с Сезаром ужин не удался.

— Скотина, — огрызнулась София.

— Сезар-то? Еще какая. Та еще тварь, — равнодушно пробормотал он и снова приложился к бутылке. Братец у него сейчас ярких чувств не вызывал: даже несмотря на то, что был кувшином с концентрированной темной магией на ножках.

— Ты пьян, — усмехнулась девушка. А потом мстительно добавила: — С Ларо что-то не задалось?

Он сам не понял, как оказался рядом, сжимая ладонь на ее шее.

Пока еще мягко.

— Не смей о ней говорить.

— Или что? — раздув ноздри, Драконова сверкнула глазами. Потом рывком выдернула из его ладони Дорхар-оррхар, сделала глоток и... С минуту Люциан просто ржал, глядя на то, как София, икона стилия Академии, с выпученными глазами хватает губами воздух и кашляет. Он даже по спине ее похлопал, но ржать, правда, не перестал.

— Ч-ч-то это за дрянь? — спросила она, прокашлявшись.

— Драконье дыхание.

— Я чуть не задохнулась!

— Не повезло, — Люциану даже стало интересно, как дыхание подействует на нее — людям такое вообще не стоило пить, и спустя мгновение он получил отличную возможность это узнать. Драконова

слегка пошатнулась на своих шпильках, вцепилась пальцами в его локоть:

— Ой.

— Ай, — фыркнул он, увлекая ее за собой.

Все еще цепляясь за его руку, София наклонилась, чтобы снять туфельки. При этом весьма соблазнительно оттопырив свою аппетитную задницу.

— Что-то я... на ногах не держусь, — призналась она.

— Так садись.

Сказал бы ему кто, что он будет сидеть в кустах с Драконовой... ну ладно, не совсем в кустах, в лабиринте, тем не менее за спиной сейчас выростала могучая стена растений, впереди, справа и слева тоже — так вот, Люциан не просто не поверил бы, но еще и бы и поржал. Впрочем, сейчас ржать хотелось не меньше, особенно когда Драконова всхлипнула:

— Ненавижу твоего брата, — сказала она.

— О, так мы можем создать команду, — запрокинув голову, Люциан смотрел на кружащиеся в темноте звезды. На них смотреть было проще, так перед глазами не стояли лица Ларо и Альгора, застывших друг рядом с другом в лабиринте.

— Ты тоже его ненавидишь?

— Еще как.

— Почему?

— Потому что. А ты?

— Потому что он заносчивый, самовлюбленный, напыщенный...

— Да, детка. Продолжай, мне это нравится.

София ткнула его в бок. Точнее, хотела ткнуть в бок, но видимо промахнулась и попала в ребра. Весьма ощутимо.

— Твоего ж...

— Ты смеешься надо мной?! — обиженно спросила она. Так обиженно, что впору заподозрить, что эту надменную и мерзопакостную девицу тоже подменили.

Лозантирова Ларо!

Он попытался сделать еще глоток, но в бутылке не осталось ни капли. Когда успел? Или это они вдвоем успели?

— Драгон!

— Нет, что ты. Мне правда нравится слушать, как ты оскорбляешь моего брата, — Люциан заглянул ей в глаза. Ее лицо было так близко и в то же время так далеко, и в этот момент он подумал, что неплохо бы попробовать на вкус ее губы. В конце концов, на них еще точно оставался Дорхар-оррхар.

О да. Он там точно оставался. Он почувствовал терпкий, обжигающий вкус на пухлых девичьих губах, стоило только накрыть их своими. Накрыть, разомкнуть, врываясь в ее красивый рот. Драконова уперлась ладонями ему в грудь, а потом, неожиданно, ответила. Они вместе рухнули на траву, Люциан на спину, София сверху.

Звезды над ними устроили какие-то сумасшедшие пляски, небо вращалось и двигалось, как черное полотно...

В глаза ударил ослепительный солнечный свет. Зажмурившись, Люциан приложил ладонь к лицу и поморщился: голова напоминала пустую бочку, по которой всю ночь колотили ногами и железяками.

— Твоего ж драха, — выдохнул он.

Было холодно. Очень холодно, и, хотя замерзнуть ему не грозило, трава и земля неприятно обжигали спину и голый зад. А вот сверху было тепло и приятно, и, убрав от лица руку, Люциан обнаружил на себе Софию Драконову. Тоже голую. Вся их одежда в беспорядке была разбросана по земле, ее трусики почему-то висели на ветке над его головой, а его форменный пиджак комом валялся на каменной дорожке.

Пару минут он пытался осознать себя в этом мире, а потом снова прикрыл глаза, повторив (уже гораздо более эмоционально):

— Твоего ж драха!

*Дрянь

Глава 8

Я открыла глаза из-за непривычно тяжелого покрывала, придавившего меня к постели. Открыла — и тут же их закрыла, потому что на меня разом обрушились все воспоминания и спящий рядом Валентайн Альгор. К счастью, он на меня не обрушился, а просто спал, к несчастью, мужчины здесь не особо заморачивались с одеждой, а спал он поверх покрывала.

М-да, Лена. Просыпаться каждое утро рядом с новым мужчиной — это... скажем так, дурновкусие.

— Хотел бы я знать, о чем ты сейчас думаешь.

Я чуть не подскочила, потому что этот мирно спящий темный дракон на поверку оказался не таким уж спящим.

— А то ты не знаешь.

— Нет. Не знаю, — Альгор повернулся ко мне и приподнялся на локте.

Я старательно смотрела ему в глаза. Очень старательно. Казалось бы, после всего, что вчера случилось, можно уже и ниже, но нет. Не можно.

— Я размышляю о смысле жизни, — сказала, наконец. — И жду, когда ты мне все объяснишь.

Кажется, его мой ответ удивил. Или позабавил — с этим мужчиной никогда и ни в чем нельзя быть уверенным. С другой стороны, с каким вообще можно? Воспоминания о Люциане пришли некстати, впились в сердце жалами, и я задвинула их подальше. Я так поступала всегда, и это значительно облегчало мне жизнь.

— Что именно тебе объяснить, Лена?

Я поморщилась. Сама же не хотела, чтобы меня звали не-Ленор, а теперь вот пожалуйста, получите и распишитесь. Морщусь от звучания собственного имени, которое знаю с детства.

— Все, — ответила я и добавила: — Оденсья, пожалуйста.

Я не особо рассчитывала на содействие, думала, что придется самой вылезать из постели, топать к ближайшему креслу и там смотреть в окно, которое пока было занавешено плотными темными портьерами, но нет. Валентайн меня удивил — одно движение руки

раскрыло портал. Второе — когда он сдернул халат, похожий на тот, в котором я спала, прямо из ванной комнаты, заставило задуматься о его истинной силе. Это ж сколько всего он может, если для него открыть портал и вытащить оттуда халат, как два пальца об асфальт? В то время, как архимагу Равену приходится везти меня к portalу через полгорода, потому что открыть самостоятельно из дома в Академию — слишком затратно, и даже Люциан за одеждой ходит...

Так, все. Никаких мыслей про Люциана. Не сейчас.

Тем более что теперь уже можно было смотреть и вниз, и наверх, и куда душа пожелает. Валентайн не просто набросил халат, он поднялся, приблизился к окну и, в кои-то веки не магией, распахнул портьеры.

В комнату брызнуло утреннее солнце.

— Сколько я спала?! — вырвалось у меня.

— Достаточно долго, чтобы оставить вчерашний день в прошлом.

Вот и что это значит?

Теперь уже я села на постели, а он развернулся ко мне. Длинные темные волосы странными рваными прядями взметнулись за спиной. Это что, местный аналог стрижки «лесенкой», только для мужчин?

— Что у тебя с волосами?

Он приподнял брови.

— Самый актуальный вопрос. Темной магией слегка зацепило. Теперь о тебе, — ко мне он не приближался, за что я искренне была ему благодарна. После вчерашнего, да и в принципе после всего мне было жизненно необходимо личное пространство. — В любом драконе и даже в человеке уровень магии постоянно меняется, но магический фон присутствует всегда — разумеется, если дракон или маг не выгорел и не опустошен. В тебе фон величина переменная.

— И что это значит?

— Это значит, что он то есть, то нет.

Ну разумеется. Когда у меня все было просто?

— Так. А при чем тут темная магия? Точнее, как она у меня появилась?

— С наибольшей вероятностью, ты получила ее при переходе из своего мира в наш. Умерла там, возродилась здесь, в теле тоже погибшей девушки. Заклинание переноса, очень мощное, создало вокруг тебя магический потенциал небывалого уровня, который ты

впитала и перенесла в тело Ленор. Это моя гипотеза, основанная на твоей истории и на всем, что мне известно.

— Но магия во мне то есть, то нет?

— Совершенно верно.

— Почему?!

— Хотел бы я это знать. — Валентайн все-таки приблизился ко мне, и в холоде его глаз я уловила совершенно незнакомые мне оттенки эмоций. Что-то настолько... новое, что лучше бы оно никогда не появлялось. Если раньше на меня смотрели как на девицу, которую запросто можно раздеть и потискать, то теперь — как на научно-экспериментальный образец. Или мне так показалось? Драг его знает, что в голове у этого мужчины!

— Что произошло вчера? — постаралась быстро переключиться с раздеваний и опытов на более насущные темы.

— Как я уже говорил, твоя магия нестабильна, и она проявляется в момент возникновения угрозы твоей жизни. Первые два всплеска...

— Два?

— Сеть Грехмира и зарождающаяся вспышка на ужине Драгонов.

А, это когда меня хотели просветить королевским сканером!

— Мне сказали, что этот королевский взгляд мог меня убить, — произнесла, глядя на него в упор. — Ты этого не сказал.

— Я и так много сказал в тот вечер, — теперь уже поморщился Валентайн. — Так вот, первые два всплеска были слабыми. Последний, спровоцированный Лэйтором, раскрыл в тебе твой истинный потенциал. Мне пришлось плавно его погасить, чтобы он не уничтожил тебя и половину Хэвенсграда. Для этого я сначала соединил твою и мою магию, а после смог ее приглушить, управляя твоей силой через свою.

Я поморгала.

— Ладно. Предположим, я все поняла... но во мне не только темная магия. Я использовала обычные заклинания, и у меня даже пару раз срабатывало то, что не вызывало ни у кого истерики и облысения. Прости! — подняла руки с нервным смешком. — Я сейчас не про тебя, а про то, как все здесь реагируют на темную магию. Так вот, я уверена, что у меня была светлая. То есть я как-то разозлилась, и...

— В этом нет ничего удивительного.

— Да?

Валентайн кивнул.

— Тело Ленор наделено унаследованной от родителей магией. В момент перехода две силы соединились, образуя убийственную комбинацию, которая — отчасти еще и поэтому — ведет себя нестабильно, проявляя то одну, то другую сторону.

— И в этом нет ничего удивительного?

— Для меня нет. Для тебя... да.

— Почему?!

— Потому что ты не дракон, Лена. Ты человек, ты носишь в себе две силы и все еще жива.

Ты не дракон, Лена. А для драконов такое нормально?

Нет. Не нормально, но прецедент есть. Я поняла это то ли по взгляду Валентайна, то ли, скорее, просто нырнув в закрома собственной памяти небогатых сведений по этому миру. До меня сочетать в себе две магии умудрялся только королевский наследник.

Сезар Драгон.

Вот только если у Сезара в качестве гаранта безопасности за спиной есть папа-Ферган, то у меня шиш с маслом. И он, этот шиш, в смысле Хитар Равен, с наибольшей вероятностью сам снова отдаст Ленор Лэйтору, только чтобы удержаться на своем благословенном посту архимага.

— Рабочая схема, но еще в ней есть я.

— Как?! — Я подскочила на постели, взвилась, оказавшись рядом с Валентайном. — Ты же сам сказал, что не читаешь мои мысли.

— Не читаю. Не все, — очень многозначительно ответил он.

— Но?! — во мне кончилось терпение.

— Но так же, как и с твоей магией, это иногда происходит спонтанно. Я склонен предположить, что ты открываешься мне сама. И кстати.

«Попробуй не смотреть на меня так, словно пытаешься мысленно придушить».

То, что слова прозвучали у меня в голове, я поняла уже постфактум.

«Это одно из преимуществ темных, которого очень боятся светлые. Ментальное общение на любых расстояниях при должном магическом созвучии. Существенно облегчает ведение войн и

стратегические задачи, в том числе делает практически невозможным перехват информации. Таким образом гораздо проще отдать приказ командующим, особенно когда это срочно и требуется мгновенное принятие решения».

— Это же не мысли, — сказала я. — Это то, чем кто-то хочет с другим поделиться.

— В принципе верно. Но на начальном этапе это иногда то, что ты хотела сказать вслух, но не сказала. Вернемся к тому, что ты все-таки подумала, Лена. Как я уже сказал, в этом уравнении есть я.

— И это значит, что меня никто никогда не обидит и даже косо не икнет в мою сторону?

— Я не настолько наивен, чтобы тебе это обещать. Но Лэйтор к тебе больше не приблизится, ни он, ни кто-либо еще по приказу Керуана. Об этом я позабочусь. Так же я сделаю все для твоей безопасности и, если ты будешь следовать моим правилам, все будет хорошо.

— А если не буду?

— Будешь. Ты будешь им следовать, Лена.

Теперь косо икнуть захотелось мне. Валентайн произнес это привычно буднично-отстраненным тоном, но как-то многообещающе. Как если бы то, что я буду следовать его правилам, был уже решенный вопрос. Решено где-то там, в местном божественном самоуправлении, и записано на скрижалях Тамеи и Лозантира. Вот что меня больше всего в нем бесит — так это то самое! Хотя сейчас не время беситься, сейчас время впитывать информацию.

— Так, а...

— На сегодня достаточно, — произнес он. — Сейчас мы позавтракаем.

Эм.

— Мы? — уточнила я.

— Мы. Или ты думала, что я питаюсь исключительно кровью невинных жертв и темной материей?

Судя по свойствам темной магии, скорее уж антиматерией, но вслух я этого говорить не стала. К счастью, и не «подумала громко», потому что обсуждать нашу Вселенную и философски-отвлеченные темы с Валентайном Альгором в мои планы не входило. Завтракать, в общем, тоже.

— Кровью питаются вампиры, — ответила механически, пока не придумала, как изящно обогнуть тему завтрака.

— Кто?

— Это такие вымышленные монстры в нашем мире. Они пьют кровь и убивают людей. Некоторые не убивают, но они хорошие.

— Зачем выдумывать монстров?

И правда, зачем.

— Валентайн, я не буду с тобой завтракать, — сказала я прямо, потому что поняла, что изящно не получается. А может быть, и не надо. — Несмотря на все, что произошло... и на все, что еще произойдет, у меня нет ни малейшего желания переходить эту черту. Поэтому давай оставим все как есть, и...

— Нет.

А я что говорила? Бесит!

Только сейчас поняла, что стою я очень близко к нему — после того, как спрыгнула с кровати. Очень-очень близко. Настолько, что не мешало бы отступить на пару шагов. Стоило мне об этом подумать, как его ладонь легла мне на талию, вызывая состояние, близкое к панике. Я тут думала про Хитара, про Лэйтора и про всех разом вместе взятых, а между тем как передо мной самый опасный монстр этого мира. Не считая его папашу.

— Превосходно, — голос Валентайна с хрустом крошащегося льда надломился, переплавляясь в металл. — Хочешь считать меня монстром, я стану им для тебя. Только для тебя, Лена.

Глава 9

Валентайн Альгор

Неожиданно это оказалось больно. Боль — это то, что он не испытывал очень и очень давно: отец постарался. Сначала приучал к физической, потом — к той, которая гораздо сложнее.

— Человеческому выродку положено быть слабым, — как-то сказал Адергайн. — Человеческому выродку, но не моему сыну.

Долгие годы его воспитания привели к полной потере чувствительности, и это не было образом речи. Тело защищается от любого стресса, особенно от того, что испытывает постоянно. По сути, у него было два выхода: сойти с ума или утратить чувствительность. Адергайн знал, что делает. Лишиться рассудка ему не позволила кровь сильнейшего темного, а утратить чувствительность помогла человеческая составляющая, раз за разом корчащаяся в агонии.

И вот теперь, спустя столько лет странное чувство. От слов девчонки, даже не от слов, от мыслей, полоснувших когтями по сердцу. Сколько у него было женщин, но ни одна не сумела вот так походя ударить. И попасть в цель.

Темная тварь — клеймо, с которым он жил с первого дня своего появления в Даррании. Ему было плевать. Им — нет. Сколько их проходило мимо него с ненавистью, со страхом, и сильнейших магов и слабых людей, высокородных и не очень драконов. Они боялись и от этого ненавидели еще сильнее. Их попытки вывести его из себя, спровоцировать, ударить, рассыпались о тренировки Адергайна, как разлетается тленом все, чего касается истинная суть темной силы.

Она же...

Она плотно сжала губы и сложила руки на груди.

— Думаешь, что можешь меня напугать? После всего, что было?

Нет, он не хотел ее напугать. Он хотел сделать ее своей, и при том во всех смыслах. Опасное чувство возникло в тот миг, когда Валентайн увидел ее впервые. К сожалению или к счастью, его суть не подразумевала глубоких привязанностей. К сожалению — потому что он упустил этот первый момент, когда желание ею обладать еще не впиталось в кровь, распространяя эту отраву по венам. К счастью,

потому что какие бы то ни было чувства не для него. Чувства — это суть человека, человек не способен их контролировать, зато легко поддается влиянию темной магии, которая, как и желание обладать этой женщиной, отравляет его кровь, день за днем набирая силу.

Впервые он задумался об этом сходстве, когда захотел оторвать голову младшему отпрыску Фергана. При одной мысли о том, как Драгон касается ее кожи, как обнимает ее, внутри разрасталось темное, черное зло, способное на любую жестокость. Мальчишка сам не догадывался, сколько раз рядом с ним ходил по краю.

Не догадывалась и она. О том, что могла бы кричать под ним не раз и не два, о том, насколько — до дрожи — ему необходимо чувствовать ее страсть, чувствовать, как натягивается между ними невидимая дрожащая нить созвучия, от прикосновения к которой можно порезаться. Насколько близко она стоит от того, чтобы он впитывал ее стоны губами, от единства их обнаженных тел, от сплетающейся воедино магии: не как вчера, а уже в качестве дополнения к тому, когда она по-настоящему станет его. Не догадывалась она и о том, что именно ее присутствие, именно мысли о ней останавливали его в полушаге от жесткого предупреждения золотому мальчишке.

Ни его статус.

Ни Ферган.

Ни все, что осталось за спиной, ни все, чего он добился.

Именно она.

— Думаю, что тебе стоит помолчать. — Это прозвучало резко, но так и хотелось.

Она широко распахнула глаза:

— Помолчать?! Отлично! С удовольствием. Верни мою одежду, и я больше ни слова тебе не скажу.

— Одежда тебе в ближайшее время не понадобится.

Ее глаза сверкнули, знакомо: нет, Лена никогда его не боялась. Ее ярость была такой силы, ее внутренняя сила была такой, что хотелось немедленно впиться губами в ее непокорный рот, вплетая в волосы пальцы и рывком притягивая к себе.

— Очень многообещающе. Но мне нужно в Академию.

— В Академию ты не вернешься.

Можно было добавить «Пока я не решу вопрос с Керуаном», но он не стал этого делать. Развернулся, направляясь к дверям, когда услышал:

— Не хочешь возвращать одежду, пойду так.

И ведь пойдет. Он понял это даже не по ее интонациям и решимости, а по тому, как она обогнула его, направляясь к дверям. При мысли о том, что кто-то может ее увидеть такой — с растрепанными волосами, уютно-домашнюю, босую, в его халате, внутри что-то коротко дернуло. Ужалило разрядом страшной знакомой черной искры. Знакомой очень хорошо, и от этого страшной.

Она уже рванула дверь на себя, когда Валентайн произнес:

— Doormard nierrhen.

Заклинание подчинения ударило в ее сознание неожиданно, поэтому Лена споткнулась и замерла. А он, указав на кресло, стоящее у окна, командовал:

— Сядь.

Его полоснуло — тонко — ее болью, обидой. По хрупкой нити зарождающейся связи к нему потянулось что-то еще, но Валентайн решительно отмахнулся, разрушая первые попытки темной силы создать созвучие. Когда-то давно это называли именно так, по крайней мере, на темных землях. Созвучие — это нечто за гранью влечения, непостижимое ни уму, ни сердцу. Полная ему противоположность — черная страсть. Обратная сторона созвучия, когда все светлое оборачивается умопомрачением, желанием обладать любой ценой, несмотря ни на что. Созвучие — история для двоих, черная страсть — неизменно для одного. Но в его случае не будет ни первого, ни второго.

Ни с кем. Никогда.

Ощущение пришло — и растаяло, оставив после себя легкую дымку горьковато-тленного послевкусия. Девушка прошла и покорно опустилась на стул, по-другому и быть не могло. Без вариантов.

Doormard nierrhen гораздо мощнее заклинания, которые используют светлые для облегчения участи тяжело раненых. Оно создано в самом сердце темных земель, первыми драконами Лозантира, его сила проникает в самую глубину сознания, превращая дракона или человека в марионетку. Почему-то последняя мысль заставила поморщиться.

Тем не менее Валентайн приблизился к опустившейся на стул девушке и произнес, глядя глаза в глаза.

— Мне некогда с тобой возиться, Лена. Завтрак тебе принесут. Еще принесут мазь, которую нужно нанести на запястья. Следов почти не осталось, если хочешь, чтобы их не осталось совсем, рекомендую сделать это сразу же как увидишь склянку.

При воспоминании о следах от наручников на хрупких запястьях ему снова нестерпимо захотелось свернуть Лэйтору шею. Впрочем, для него есть гораздо более интересный вариант, и Валентайн знал, что Керуан на него согласится. Он будет вынужден согласиться.

На шее девушки отчаянно билась жилка, и на миг от желания коснуться ее губами перед глазами стало темно. Так темно, как не было никогда даже в самые темные ночи, даже в самых темных практиках, в которые он заходил на тренировках с Адергайном. Еще нестерпимо хотелось дотронуться до запястий. Повторить подушечками пальцев тонкие оставшиеся от порезавшего кожу металла следы. Вчера, когда он втирал исцеляющую мазь в рваные ранки, внутри схлестнулись два совершенно непохожих чувства.

Незнакомое, щемящее сердце желание сделать все, чтобы стереть этот кошмар с нежной кожи, и черное, раздирающее на части чувство, подталкивающее к тому, чтобы вернуться в камеру. Чтобы рвать Лэйтора на части до тех пор, пока он не перестанет хрипеть. Эти две силы столкнулись внутри такой дикой вспышкой, с которой пришлось справляться давно знакомыми методами контроля. А после, сидя рядом со спящей девушкой и глядя на нее, он и придумал то, что собирался воплотить сегодня.

— Ты меня поняла? Кивни, если да.

Она кивнула.

— Отлично. Заклинание я сниму, когда вернусь. Ты можешь делать все, что угодно, в рамках этой комнаты и ванной. Все, что тебе необходимо. Но за пределы их ты не выйдешь. Можешь говорить все, что хочешь.

— Ненавижу тебя, — она замахнулась, но он перехватил ее руку. Все-таки поднес раскрытую ладонь к губам и коснулся самой ее середины.

После чего оттолкнулся от подлокотника и вышел. Несколько минут ушли на то, чтобы одеться и отдать приказы, стянуть

искромсанные тьмой волосы в хвост, а потом Валентайн шагнул в раскрытый портал прямо в кабинет Керуана. И без малейшего удивления обнаружил там Равена и Драконова.

Интересно, Равен уже в курсе, что вчера пытались сделать с его подопечной?

Валентайн подумал об этом с какой-то нездоровой злостью. Хотя бы потому, что рыжеволосый хмырь, называющий себя архимагом, должен был решать вопрос с Лэйтором и Керуаном. Сейчас же они все, как по команде, повернулись к нему: Драконов — оглаживая густую черную бороду, Равен — сцепив руки за спиной, и Керуан, раздувая ноздри.

— Валентайн, — сухо произнес последний, если бы не звенящие нотки ярости в его голосе, скрепившие эту сухость, сейчас его имя осыпалось бы пылью тлена. — Насколько я знаю, портал в кабинет Верховного архимага открывать запрещено, и протокол одинаков для всех.

Керуан еще умудрялся злиться. Но нет, злиться здесь положено не тебе.

— У меня безотлагательное дело. Касается нарушения защитных контуров на границе с Темными землями.

Драконов и Равен напряглись, что касается Верховного, он снова в ярости открыл рот, но тут же его закрыл. Да, именно так его вчера отправили из Хэвенсграда, разбираться с нарушенным приграничным защитным контуром, вот только теперь становилось ясно, кто его нарушил. И зачем.

При мысли об этом ярость снова заструилась по венам, а запертая внутри темная сила оскалилась и радостно вскинула голову.

— Мне говорить при всех? — отражая ее, Валентайн улыбнулся, и эта улыбка, судя по взгляду Керуана, выглядела довольно жутко. — Тогда начнем с...

— Минуту, — резко произнес Керуан. — Драконов. Равен. Я освобожусь и вас приглашу.

Если мужчинам это и не понравилось, они ничем не выдали своих чувств. Просто вышли, оставив их наедине.

— Какого Лозантира ты намеренно противопоставляешь себя остальным? — почти прорычал Керуан. Ноздри его раздулись так, что любой дракон позавидует.

— Я противопоставляю? — тихо и очень спокойно спросил Валентайн. Привычка неосознанно приглушать всплески того, что могло превратить его в подобие отца, уже стала инстинктом, поэтому и сейчас тьма улеглась, уступая место ледяной отстраненности. — Не помню, чтобы меня извещали о сборе Совета. Или ты не собирался этого делать?

Керуан снова полыхнул яростью. Будь в нем хоть частица первозданного пламени Тамей, наверное, превратился бы в костер, а так искрил, как надорванный магический контур.

— Ты что вчера устроил в застенках? Мне придется объяснять, что произошло, почему сработали защитные заклинания, весь район на уши поставили. Не говоря уже о том, что ты сотворил с Лэйтором...

— Насчет защитных заклинаний — тебе не привыкать врать.

— Довольно! — Керуан громыхнул ладонями по столу, но Валентайн только шагнул ближе.

— И насчет Лэйтора. Ты приказал ему арестовать девчонку, ради чего даже убрал меня из Хэвенсграда. Мне очень хотелось бы верить, что методы допроса, которыми он воспользовался, не были одобрены тобой. Или были?

Тьма снова вскинула голову, надеясь обрести столь долгожданную свободу, и снова была укрощена, сворачиваясь внутри кольцами силы, как лишенная ядовитых зубов змея. Взгляда в упор, глаза в глаза, оказалось достаточно. Керуан отступил первым — разумеется, отступление выглядело так, что он просто садится за стол.

— Давай уберем лишние эмоции, Валентайн. Садись, — он кивнул на кресло.

— Вопрос был простой.

— Нет! — вскинулся Верховный. — Нет, я не содействовал ему в его методах! Больше того, Лэйтор уже получил выговор...

— Выговор? — Валентайн спросил это очень мягко, но получилось страшно.

— За превышение полномочий, — добавил Керуан. — Он уже получил по заслугам, ты ему чуть гортань не раздавил, у него вывих плеча и раздроблены кости в тазу. Есть ему теперь, пока целители не закончат работу, не светит, и говорить тоже.

— Бедняга, — он хмыкнул, а после произнес: — Ты отдашь его мне.

— Что?! — вот теперь Верховный просто взвился из-за стола.

— Давай уберем лишние эмоции, Керуан. — Валентайн повторил его же слова. — Начнем с того, что арест Ленор Ларо официальным не был. Насколько я понял, Драконов и Равен не в курсе. В результате у нас есть кто? Девушка-адептка Академии Драконова, которую арестовали благодаря твоему попустительству. Ректор, которая не умеет защищать вверенную ей территорию и адептов, и тебя, который очень здорово прокололся на своем желании сделать все за моей спиной. Насколько я понял, мои объяснения тебя не устроили?

— Закон един для всех! — прорычал Керуан. Вцепившись пальцами в край стола, он подался вперед. — А для наследницы Ларо тем более.

— В этом все дело? В ее родителях?

Керуан скривился.

— Я должен предотвращать угрозы в зародыше. Именно этим я и занимаюсь.

— Как по мне, ты просто пытаешься прикрыть собственную задницу. Достаточно неумело. Лэйтор и его команда, которые уводили Ларо, секретарь и ректор без мозгов... — Последнее он почти выплюнул — разговор с Эстре вчера получился не из приятных. — Как думаешь, что будет, если обо всем этом станет известно? О том, что адепта самой престижной Академии могут просто забрать на допрос без объяснения причин?

— Причина была...

— Только в твоей голове. Мне плевать, что ты там себе надумал по поводу этой девочки.

— Ты сказал, что в ней нет темной магии. Это так? — Керуан посмотрел на него в упор.

— Нет. Угрозы в ней нет.

То, что можно было сказать другу, Верховному архимагу говорить бессмысленно и опасно. Особенно сейчас.

— Ты обещал найти причину появления сети Грехмира!

— И я ее найду. Когда я ее найду, ты узнаешь об этом первым. Я сказал, что я закрою любую угрозу от темной магии, и я ни разу тебя не подвел.

Верховный глубоко вздохнул и снова опустился в кресло. За его спиной в окне солнце раскрасило Алую площадь и Хэвенсград

теплыми осенними красками, но тепла в собственном взгляде в отражении Валентайн не увидел.

— Хорошо. Что ты предлагаешь?

— Ларо я займусь сам. Эстре будет молчать и ее секретарь тоже. Военными занимайся сам, кроме одного. Лэйтору придется исчезнуть: в отличие от остальных, у него личный интерес. Если его не устроит то, что ему предложишь ты, он пойдет дальше. Возможно, к Фергану,

— Валентайн смотрел не на Верховного, а в глаза своему отражению.

— Думаю, не стоит объяснять, как это может сказаться на твоём авторитете?

На авторитет Верховного ему было плевать. На то, что гритт сделал с Леной и на то, что он не оставит ее в покое — нет.

— А ты? — этот взгляд он почувствовал и подхватил. Наградив Керуана ответным сверху вниз.

— Я верен тебе, — Валентайн оттолкнулся от стола кончиками пальцев и направился к двери, — и останусь верен, если ты не станешь снова играть за моей спиной.

— Ты мне угрожаешь? — ударило в спину.

— Нет. Надеюсь, ты достаточно умен, чтобы не угрожать мне.

Он толкнул дверь и прошел мимо ожидающих Равена и Драконова, даже не взглянув в их сторону. Разочарование всегда имеет мерзкий привкус, возможно, именно поэтому сейчас отчаянно хотелось сплюнуть. Тем не менее впереди ждал еще один переход и нерешенное дело с Лэйтором, которое стоило закрыть сразу.

В доме гритта стояли заклинания, оповещающие о любом входящем портале, но все, что Лэйтор успел — это вытаращить глаза и вскочить. Целители за вчерашний день постарались на славу: горло уже не было опухшим, руки-ноги и все остальное тоже цело. Валентайн вытолкнул его в портал на границе с темными землями: на безлюдной отдаленной линии, похожей на ту, где вчера якобы случайно был разрушен контур, и где отчаянно суеились выдвинутые туда приграничные войска.

— Твои постарались? — усмехнулся он, а потом раскрыл внутреннее плетение, размыкая защиту. Невидимая граница задрожала, стираясь. Живое протянулось еще вплоть до самого леса, захватывая его в тиски жизни с одной стороны и смерти с другой. Валентайн хорошо помнил этот лес, и точно так же отлично помнил, как перед

истинной границей тускнеют краски, а живое становится неживым. Стволы деревьев, иссушенные, выпитые досуха, ни шелеста лап, ни шуршания крыльев, даже дыхание ветра едва различимо.

— Ты... ты что делаешь? — кажется, Лэйтор понял, что его ждет. — Керуан тебя уничтожит, когда узнает, он...

Вместо ответа Валентайн вскинул руки, и хлесткие плети тьмы швырнули военного в открывшуюся брешь, которая спустя мгновение сомкнулась, запирая гритта по ту сторону.

— Интересуешься темной магией? — хмыкнул он. — Изучай с удовольствием.

Слева полоса границы проходила через горную гряду, справа — через Штормовой океан. Ни то ни другое в одиночку преодолеть невозможно, и выход у Лэйтора только один: Мертвые земли. Приграничный лес за чертой тьмы не радуется звуками или дыханием, но он обитаем. И те, кто выйдет его встречать, очень обрадуются неожиданному гостю.

Развернувшись, Валентайн снова шагнул в портал, оставив за спиной и границу, и несущиеся ему вслед проклятия.

Глава 10

Лена

После ухода Валентайна я осталась одна. Разок ко мне заглянула горничная или служанка: она принесла еду и ту самую мазь, о которой он говорил, но, когда заговорить с вошедшей попыталась я, та только метнула в меня извиняющийся взгляд и быстро испарилась. Вот и думай что хочешь.

Хотя, по большому счету, думать долго мне не пришлось. Первым делом я попыталась выйти, но, стоило мне приблизиться к двери, как меня натурально разворачивало. Я пробовала взяться за ручку, но не получалось: пальцы становились тяжелыми, ноги отказывались подчиняться и шагать дальше. Куда бы то ни было дальше этой проклятой комнаты!

Или ванной и пристроенной к нему туалетной, и на том спасибо. С другой стороны, может, Валентайн просто не хотел, чтобы я ему на ковер нагадила. Стоило об этом подумать, как меня пробило на дикий ржач, который грозил перейти в истерику. Вот только этого мне сейчас не хватало для полного счастья!

Исследовав комнату вдоль и поперек, я обнаружила, что мне не светит из нее выйти даже через окна (потому что это тоже было против его приказа). Все, что оставалось — мазать себе запястья, есть и рассматривать пейзажи, открывающиеся из спальни Валентайна.

То, что жизнь у него не сахар, становилось понятно по цветам, которые он выбирал: черное давило со всех сторон, смягченное лишь платиновыми вставками подлокотников, узоров на обоях, виньеток на мебели, ну и солнцем, вливающимся сквозь огромные окна. Хотя что это я, постельное белье тоже было серебристо-платинового цвета, оно и освежало эту комнату, и еще такое же покрывало, сброшенное на одно из кресел.

Мне прямо даже страшилку захотелось сочинить: в черной-черной спальне жил черный-черный дракон, и похищал он попаданок с черными-черными намерениями. В смысле, черными были намерения не у попаданок, а у дракона, хотя, если так подумать, насчет черных

намерений... Он же сказал, что я могу делать все что угодно в пределах этой комнаты.

— Получай! — в стену полетел кофейник, оставив на ней некрасивое пятно и рассыпавшись на пол сотней безобразных осколков. Потом полетела чашка, следом — все, что стояло на подносе. Закончив с едой, к которой не прикоснулась, я расшвыряла стулья, завязала узлом покрывало и закинула на люстру подушку. Правда, она там не удержалась, свалилась вниз, мне на голову, и я колотила ее кулаками до тех пор, пока из нее не посыпались перья.

— Ненавижу тебя! Ненавижу! Ненавижу!

Я продолжала ее колошматить, пока она не превратилась в плоский подголовник или вообще нечто непонятное, отшвырнула с воплем. Запрыгнула на кровать, от души попрыгала, игнорируя жалобный хруст матраса под ногами. Если бы у меня была Эвиль, я могла бы хотя бы что-то найти, хотя бы что-то почитать про это заклинание, как от него избавиться, а так оставалось только вымещать злость на ни в чем не повинных предметах мебели.

И я вымещала.

Хрустнул матрас. Вздрогнула люстра от прилетевшей в нее второй подушки, столик с треском ударился об пол. На этом мои силы иссякли, наверное, проще было бы, если бы я смогла зарыдать. Прореветься, как тогда, после лабиринта, у Люциана... но Люциан от меня отказался. Просто потому, что я намекнула на темную магию. Даже ничего не спросив, ему было вообще все равно.

На этой мысли я продолжила громить комнату, а остановилась только тогда, когда не осталось ни одного целого, не изодранного, чистого места, а у меня — сил. Я уселась, а если быть точной, сползла на подоконник, подтянув колени к себе. Окна Валентаиновой спальни неожиданно выходили на реку. То есть на набережную, по которой вдоль узорчатого парапета прогуливались люди. Судя по тому, что высокий забор обзору не мешал, находилась эта спальня на втором, а то и на третьем этаже.

Никаких местных магмобилей или как они там называются, здесь видно не было, из чего я сделала вывод, что эта часть набережной и улицы исключительно пешеходная. Река бурлила, сильное течение качало солнечные блики, то и дело подбрасывало их ввысь, когда вода ударялась о камень. Неожиданно я вспомнила родной Петербург:

шуршание шин по асфальту на Дворцовой набережной, гудки, многолюдные толпы... Сейчас казалось, что все это было безумно давно.

В другой жизни.

По набережной прошли двое девушек, и я прижалась щекой к стеклу.

— Знаешь, Сонь... я бы хотела, чтобы все было иначе, — прошептала я. — Чтобы мы просто пофоткались, потом выпили кофе. Сейчас, наверное, сидели бы у тебя или у меня, или гуляли где-нибудь, обсуждая перспективы учебы и примеряя новые роли студенток. Ты бы говорила про фотографию, а я бы слушала, и не было бы ничего этого. Никакого другого мира, никакой магии смерти, а ты бы...

Я хотела сказать «была жива», но тут меня опять отбросило на магию смерти. На магию темных драконов. Которая есть во мне: непонятно как, непонятно откуда, куда уходит, откуда приходит, но она во мне есть.

Значит ли это, что я... могу вернуть Соню?

Эта мысль настолько меня захватила, что из головы вылетело все остальное. Я вскочила с подоконника и начала прикидывать варианты: если магия смерти способна перетащить душу и сознание из другого мира, значит ли это, что она способна перенести ее и из-за той самой грани? Да, такие сведения явно не найдешь в учебном материале Академии и методичках, и даже в книгах. Но, что хуже всего, с девяностодевятипроцентной вероятностью, их не добудешь даже у Альгора.

Напрямую.

А если не напрямую?

Я закусила губу. Факт остается фактом: мои недремлющие способности могут вылезти в любой момент, а это значит, что мне так или иначе придется с ним видаться, чтобы этого не допустить. Если я хочу узнать, как вытащить Соню, я должна просто учиться. Пока. Да, есть множество подводных камней, но я буду не я, если не узнаю, как это сделать. Что я могу для этого сделать. И сделаю: все, что в моих силах.

Дальнейшее время я провела на кровати посреди полнейшего разгрома в составлении стратегического плана. Во-первых, Валентайн. С ним можно играть только по его правилам.

Во-вторых, какие мне нужны данные для того, чтобы хоть немного прояснить вопрос с возвращением Сони? Возможно ли такое в принципе. Возможно ли призвать душу, ушедшую за грань. Далее — что для этого нужно, но говорить Альгору про Соню нельзя. Зато можно сказать, что я расследую случившееся с родителями Ленор. И ведь что самое главное, я действительно собиралась это узнать! После того, как узнала о своей связи с темной магией. Наверняка отчасти это поможет разобраться в том, почему наши магии объединились.

Точнее, откуда во мне заряд темной магии, которая то прячется, то появляется, и как она так мирно уживается с магией Ленор. Гораздо более мирно, чем в случае Сезара, насколько я поняла. Валентайн предположил, что это от заряда накрывшего меня в нашем мире купола, но это — всего лишь предположение. Буду давить на то, что мы должны проверить все гипотезы. Да, решено. Именно так и поступлю.

Ну а если совсем упрется, скажу, что я в долгу перед ней. Перед девушкой, чье тело я заняла. Ни слова лжи, просто не вся правда.

На миг меня накрыло неприятным таким ощущением, что я превращаюсь в аналог Альгора, только в юбке, но я от него отмахнулась. Мне не просто нужно выжить с темной магией в этом мире, мне нужно выжить в мире драконов, для которых я не девушка, а лакомый кусочек, который при желании можно облизать, а когда надоест — выплюнуть. Что ж, значит, стану девушкой, которая жует драконов.

Горничная принесла обед, когда я продумывала разговор с Валентайном. При виде масштабов бедствия, которое я учинила, глаза ее округлились, а с губ сорвалось невольное:

— Ох!

— Когда вернется ваш наниматель? — уточнила я, задумчиво пошкрябав пальцем пятно от чего-то на простыне. Его точно поставила я, и, кажется, это был соус.

Горничная хотела было ответить, но потом плотно сжала губы. Поставила поднос на пол и ретировалась. Что касается меня, от обеда я отказываться не стала: у меня появился аппетит. Больше того, я как следует проголодалась со вчерашнего дня и только что об этом вспомнила. Если бы не вспомнила, мне бы подсказали — желудок

отозвался обиженным урчанием, поэтому я поднялась, притащила поднос на кровать и приступила к еде.

Как раз выковыривала ложечкой остатки похожего на ягодный пудинг десерта, когда в комнату вошел Валентайн. Я почувствовала его по ставшему уже привычным холоду и мурашкам, которые бестолково собирались на плац всякий раз при его приближении. Я не собиралась потакать этому безобразию, поэтому вскинула голову, собираясь начать разговор первой, и застыла.

Для начала, Валентайн постригся. Ну или что там драконы делают с пожженными тьмой волосами. Вместо длинных его волосы теперь были по плечи, и странным образом он выглядел моложе, чем когда уходил. Вместе с лишним возрастом ушла и надменность, или это просто игра света? Как только я задумалась о том, что он не выглядит привычным злобным черным драконом, Альгор произнес:

— Успокоилась? — окинув взглядом творящийся в комнате кошмар и меня сверху вниз. — Хорошо.

И я разом перестала считать, что прическа что-то меняет, потому что в глубине его глаз по-прежнему клубились холод и смерть. А в глубине его сути — отношение ко мне, да и, пожалуй, ко всем остальным — безразличие, граничащее с привычкой повелевать и смотреть как на ничтожеств, не говоря уже о том, что я по-прежнему под заклинанием.

— Заклинание снять не хочешь? — уточнила я.

— Зависит от того, что ты намерена делать дальше.

— Поговорить. Одеться. Получить назад свой браслет. Вернуться в Академию.

— Если именно в таком порядке... — Он что-то прошептал — разумеется, так, чтобы я ничего не услышала, и магические оковы спали. Сама не знаю, как я это почувствовала, просто внутри что-то лопнуло: должно быть, с таким звуком рвутся магические кандалы. — Твой браслет, по всей видимости, у военных. Не знаю, цел ли он, но распоряжусь узнать. Если с ним что-то случилось, у тебя будет новый.

«Не надо мне от тебя ничего», — хотела рыкнуть я, но вовремя прикусила язык. Если мне нужно найти способ вернуть Соню и научиться управлять темной магией — значит, вариант у меня один. После случая с Люцианом понятно, что Сезар ни разу не вариант. Да и

с Валентайном придется как-то договариваться и взаимодействовать, поэтому молчим. Молчим, Лена, и делаем выводы.

Хотя внутри все равно кольнуло при мысли о том, что я больше не увижу Эвиль. Надсадно, так, будто она была моей мамой.

— Что касается Академии, — Валентайн перешагнул через опрокинутый стул, приблизился ко мне и без малейших церемоний сел рядом, — ты вернешься сегодня вечером. Никто не будет знать, что случилось.

Кроме Люциана...

Я отмахнулась от мыслей о нем так же, как он отмахнулся от меня.

— Для всех тебя вызывали по семейным обстоятельствам, разглашать которые ты не обязана. Что касается темной магии, все остается в силе. Наши занятия после занятий. Надеюсь, тебе не нужно объяснять, почему это важно. И еще это, — он достал из кармана два браслета-пластинки с выгравированными на них узорами.

— Это что?

— Металл из гор Нивелира. Единственное, что на самом деле способно сдерживать темную магию.

Я поморгала.

— И это вот прям совсем ни для кого не заметно, да?

— Это знание давно утеряно, а горы Нивелира находятся в самой глубине Мертвых земель. Сдерживает магию не только металл, но и рунические заклинания древности, выгравированные на внутренней и наружной сторонах. Для всех остальных это просто узоры, а браслеты из этого металла темные драконы дарят своим избранницам.

Ну все. Приплыли. Прилетели. Приползли, и дальше по тексту.

— То есть теперь я твоя невеста? — выделила интонациями слово «твоя».

— Я не сказал «невеста», Лена. Два браслета означают, что ты моя женщина и принадлежишь мне.

Вот как? Как, скажите, в этом мире учиться и вообще добывать знания, если их источник — непробиваемый темный монстр? Я даже надеялась, что он прочитает сейчас мои мысли, или как он там это называл, но нет. Лицо оставалось бесстрастным и непроницаемым, значит, канал закрылся. Прямая связь Лена-Валентайн не работает, антенна погнулась, космос молчит.

— Я свободная женщина, Валентайн, — произнесла максимально спокойно. — Я не могу никому принадлежать.

Его бровь слегка приподнялась, как бы говоря: «Ну-ну, вольнодумие и мракобесие», — а я продолжила:

— Если тебе этот момент непонятен, общения у нас с тобой не получится. Да, я зависима от тебя, потому что со мной что-то произошло — кто-то призвал меня в этот мир зачем-то...

— Мой отец.

На этот раз ему удалось лишить меня дара речи.

— Мой отец, Лена. Призыв души из другого мира, сквозь пространство — на заклинания такого уровня способен только Адергайн Ниихтарн. Что касается «зачем», я над этим работаю.

Только усилием воли мне удалось собрать разбегающиеся в разные стороны мысли. Они вели себя как броуновские частицы, беспорядочно метались, прыгали с одной на другую. В частности, с имени, которым пугают местных, как Гарри Поттера пугали Тем-Кого-Нельзя-Называть, на слова «заклинания такого уровня». На мысли про Соню. И обратно.

— А... ты? — вырвалось у меня.

— Я тоже. В теории. Но я на сто процентов уверен в том, что я этого не делал, остается только мой отец. За последнее время я изучил эту тему вдоль и поперек и могу сказать, что после обращения к такой магии требуется восстановление в Море Усопших. Не говоря уже о том, сколько сил нужно, чтобы разорвать связь с одним телом и перенести его в другое между мирами. Это за пределами сил обычного темного дракона или даже приближенного ко двору вассала, здесь нужна хотя бы частица королевской крови.

Я прокашлялась. Еле слышно. Прочистила горло.

— У светлых драконов хорошая родословная, не думаю, что у вас там все обстоит с этим хуже. Наверняка...

— Отец позаботился о том, чтобы престолонаследников не осталось. Лишняя кровь нам ни к чему, это его слова, — Валентайн усмехнулся. — Он считает, что бесчисленное множество заговоров возникает на пустом месте только потому, что кто-то возомнил себя более достойным. Кто-то, наделенный пшиком королевской крови.

Да, поэтому лучше сразу залить ею все окрестности. Какой милый человек! Тьфу, дракон.

— Исключение — Тэйрен, его сестра-близнец. Если он до сих пор ее не убил. Но Тэйрен вряд ли смогла бы проверить это в обход Адергайна. Точнее, смогла бы, тогда в этом случае мертв должен быть он, а если бы он был мертв, я бы об этом знал.

Сколько раз я давала себе зарок не удивляться ничему в этом мире? Столько же раз моя уверенность разбивалась о какой-то очередной факт. Если у Валентайна в семье такие милые дружественные отношения, то, простите, он еще относительно адекватным вырос. Неудивительно, что ему по десять раз приходится объяснять то, что женщина — это не вещь и не постельная игрушка.

С другой стороны, до Люциана я же этот факт донесла, есть вероятность, что и с Валентайном сработает. Правда, небольшая, но она есть.

При мыслях о Люциане настроение окончательно испортилось. И когда мне показалось, что это «окончательно», меня догнало еще более «окончательным». Значит, вернуть Соню способны только Валентайн, его папа и тетя. Ни с одним из них в теории лучше не связываться. И уж тем более лучше не связываться с его папой, которому я понадобилась — зачем?!

— Вижу, до тебя дошла вся серьезность твоего положения, — хмыкнул он и положил браслеты рядом со мной.

— Что, связь заработала? — ехидно поинтересовалась вслух, и тут же прикусила язык.

Не думать про Соню.

Не думать про Соню.

Не думать про Соню!

Валентайн молчал, а между нами лежали браслеты. Хотя по большому счету, между нами много что лежало. Стояло. Висело. И все в том же ключе.

— Я не хочу быть твоей женщиной, Валентайн.

— Даже если от этого зависит судьба всего мира? — Я открыла рот, чтобы возразить, но он меня перебил: — Мой отец никогда ничего не делает просто так. Вряд ли он бы стал затевать столь затратное предприятие ради того, чтобы просто развлечься. Так что думай, Лена. Решай. В том, что ты достаточно взбалмошна, чтобы отказаться, я не сомневаюсь, но у любых поступков есть последствия. Последствия твоих могут быть катастрофическими.

Раньше я все время думала, как чувствуют себя избранные вроде Нео из «Матрицы» или еще кого-то. Так вот, что бы там в кино не показывали, первая мысль: «Вот дерьмо». Вторая примерно в том же ключе. Третья и четвертая — тоже. Так, шаг за шагом и набирается куча дерьма, разгребать которую кому? Правильно, мне.

— Что изменят эти браслеты? — я кивнула на железяки из непонятого металла. Хотя вру, понятного, «металл из гор Нивелира».

— Или план твоего отца не реализуется, если я буду ходить, гордо ими позвякивая?

— Для начала, «эти браслеты» не позволят тебе в очередной раз подставиться.

— И позволят очередному невесть откуда запущенному огненному шару прожечь во мне дырку, — пробормотала я.

Валентайн усмехнулся.

— Нет. Темные драконы заботятся о своих избранницах, поэтому эти браслеты нейтрализуют любую магическую атаку, направленную на тебя.

Ну супер.

— А мне позволят выиграть время. Я действительно всерьез занялся твоей темой, Лена, но у меня ощущение, что я что-то упускаю. И пока я не пойму что, пока не увижу картины в целом, мне достаточно сложно будет принять контрмеры.

Звучало разумно. Более чем. Но я еще помнила о том, как он ко мне прикасался, и не только об этом.

— Хорошо, — сказала я и подхватила браслеты. — Принято. Но у меня два условия.

Валентайн снова приподнял бровь.

— Ты не настаиваешь на сексуальных отношениях между нами. И никогда больше не применяешь на мне то заклятие, которое применил сегодня. Если это повторится, ни о каком доверии между нами больше не будет и речи. Не будет доверия — не будет и всего остального. Надеюсь, нам больше не придется возвращаться к этому вопросу.

В подтверждение своих слов посмотрела на него в упор. Готовясь к очередной битве, а может быть, и к войне. Вместо этого Валентайн кивнул и ответил моими же словами:

— Хорошо. Принято.

Глава 11

Удивительно, но Валентайн и правда не стал меня доставать. После того, как я в его присутствии надела браслеты: по каждому на руку, согласно традиции, меня оставили одну. Спустя несколько минут служанка принесла мне форму. Чистенькую, выглаженную... или новую: судя по тому, как она выглядела. В принципе, в Академии Драконова форма была изначально симпатичная, но в этой хоть на показ мод топай. На показ мод под названием «Современный адепт — икона стиля». На юбке складочка к складочке, пуговики на пиджаке сверкают, блузка пахнет так, что Гуччи с Зелински просто удавятся от сознания собственной неполноценности.

Единственным, что осталось прежним, был полыхающий огнем значок дракона. Он действительно выглядел так, словно металлическую фигурку бросили в огонь, но пламя, струящееся вокруг него, не обжигало.

Магия в действии!

Пока я приводила себя в порядок посреди полного беспорядка, который учинила сама, никто меня не беспокоил. Что, признаться честно, все-таки слегка беспокоило меня. Все бы хорошо, но Валентайн как-то слишком легко согласился. Хотя главным было даже не это, а то, на что согласилась я.

Женщина Альгора?

Серьезно?!

Да, в сложившейся ситуации у меня особо не было выбора. Учитывая, что Люциан меня... будем откровенны, послал, у ста процентов населения Даррании стойкая аллергия на слова «темная магия», а на ее наличие у всех в арсенале магия, заклинания, огненные шары, то дальше мне оставалось только соглашаться на предложение Валентайна, либо переезжать в Мертво-Темные земли, к Адергайну Ниихтарну на ПМЖ. Но что-то мне подсказывало, что если с той стороны мне и выдадут гражданство, то на гораздо менее лояльных условиях, и узнавать на каких, мне совсем не хотелось.

Поэтому... поэтому остается двигаться в выбранном направлении.

Учиться светлой магии.

Учиться темной магии.

Разрабатывать план о том, как спасти Соню.

И забить, наконец, на всех лиц мужского пола в пределах моей досягаемости. Последнее будет очень в тему, потому что несмотря на все свои мысленные внутренние обещания, несмотря на печальный опыт с Земсковым, я не могла перестать думать про Люциана. Про Земскова я тоже не сразу забыла, и это обнадеживало, потому что страдать по какому-то там золотому дракону, который от тебя отказался в таких обстоятельствах — просто верх идиотизма.

Да даже просто думать о нем — верх идиотизма!

Но почему-то думалось. В частности, о том, как он отреагирует на браслеты. Об этом — в первую очередь. Несмотря на все, что произошло, я чувствовала себя отвратительно по этому поводу, и, пока нарезала по комнате круги, додумалась до того, что должна все ему рассказать. Попросить его никому об этом не говорить, и...

Как думаешь, Лена, это вообще реально?

Почему-то мне не казалось, что Люциан тут же побежит кому-то рассказывать, поэтому я уже почти смирилась с этой мыслью, когда в комнату снова впорхнула служанка:

— Тэри Ларо, вам просили передать.

Мой браслет! Браслет с Эвиль! На этот раз моей радости не было предела, и я даже на миг забыла обо всем и обо всех, особенно когда уже привычно включила ее и увидела знакомое лицо матери Ленор.

— Добрый день, Ленор! Мне пришлось пережить несколько не самых приятных минут, — сообщила она. — Когда из меня пытались достать информацию обо всех твоих перемещениях и прочем. К счастью, Эвиль Ларо снабдила меня особым защитным заклинанием, способным уничтожить меня раньше, чем кто-то доберется до твоей жизни через меня.

Ого!

— Также должна сообщить, что архимаг Альгор перевел в накопитель двадцать тысяч единиц магии, которой ты можешь оплатить любые покупки.

Этого мне только еще не хватало!

— Двадцать тысяч — это много или мало, Эвиль? — сурово поинтересовалась я, забыв, что собиралась сообщить голограмме,

насколько я рада ее видеть. Правда, сразу же вспомнила, но сейчас важно было другое.

— На двадцать тысяч ты вполне можешь купить квартиру в центре Хэвенсграда или маленький домик на окраине.

Ну все.

Я подлетела к двери, распахнула ее, и моему взору открылся широкий коридор, уводящий вперед и в пределах нескольких метров поворачивающий влево.

— Валентайн! — заорала я. — Валентайн!!!

Ответом мне было эхо, заметавшееся между стен пугливым «Тайн-Тайн-Айн-Айн». Я уже набрала в грудь побольше воздуха и даже вышла из комнаты, чтобы найти Альгора и высказать все, что думаю по поводу его капиталовложений в мой, между прочим, браслет, когда создавший сей прецедент темный дракон шагнул ко мне из соседней комнаты. Так стремительно, что я только чудом успела отпрыгнуть обратно, чтобы не поцеловать его рубашку.

— Что опять не так, Лена? — холодно поинтересовался он, глядя на меня.

Все!

— Вот это! — Я сунула ему под нос браслет, и теперь уже Эвиль была вынуждена сместиться в сторону, чтобы не напаяться прямо на голову Альгора в стиле своеобразной шляпы. — Мне не нужны твои деньги... твоя магия! Не смей меня покупать!

— Зачем мне тебя покупать, Лена? — насмешливо поинтересовался Валентайн. — Ты уже и так вся моя.

Его взгляд недвусмысленно скользнул по браслетам, но раньше, чем я успела их сдернуть и ими в него запустить, он добавил уже совсем другим тоном — холодным, отстраненным и официальным:

— Моя женщина не будет ни в чем нуждаться. И, раз уж мы об этом заговорили, в Академии ты тоже переезжаешь. Будешь жить в другой комнате, чтобы для тебя это не стало сюрпризом. Как представляю, что ты еще и там развопишься на эту тему, возникает нехорошее желание.

Что?!

— Это у тебя возникает нехорошее желание? — процедила я. — У тебя, значит? Мы договорились...

— Что я не стану к тебе приставать и не применяю к тебе заклятие подчинения. Но мы не договаривались, что ты будешь ходить в обносках и жить в комнате, которая по размеру в три раза меньше моей гардеробной. Если у твоего опекуна не хватило совести и мозгов за этим проследить, значит, прослежу я. И на этом, надеюсь, мы тему закроем, — он отступил, и за его спиной, в проеме полураспахнутой двери я увидела нечто напоминающее голографическую карту из шпионских фильмов. Правда, здесь все создавалось с помощью магии, и черно-серый дымок с редкими алыми вкраплениями наводил на не самые приятные мысли.

Как и то, что этот раунд остался за ним.

Надо было уйти в раздолбанную комнату и захлопнуть за собой дверь, но врожденная любознательность победила.

— Что это? — поинтересовалась я.

— Карта Мертвых земель.

— Зачем она тебе?

— Изучаю, с какой позиции отцу будет выгоднее начать вторжение. И думаю о том, почему он этого еще не сделал.

Его умение говорить о таких вещах в стиле «что-то прохладно стало, надо закрыть окно» уже не повергало меня в шок. Тем не менее я выглянула в коридор, чтобы рассмотреть карту получше. Валентайн, заметив мой интерес, отступил, приглашающим жестом указав в кабинет.

Это был самый обычный кабинет, в разы больше того, что достался ему в Академии. Справа расположились стеллажи с книгами, занимая все пространство от пола до потолка: такая своеобразная импровизированная библиотека. Слева, над камином — картина, на которой была изображена очень странная местность: живописная деревушка или даже небольшой городок в зеленой долине осторожно взбирался в горы, чем-то напоминая пейзажи Швейцарии. Но только до определенного момента, потому что вершины этих гор не утопали в снегах, они были поглощены клубящимся черным туманом.

— Одна из зон приграничья, — заметил Валентайн, проследив мой взгляд. — И родной город моей матери, Харонсвилл.

Хэвенсград, Харонсвилл. У них тут есть города, начинающиеся не на Х? Понимаю, что из-за темных здесь все Х, но не настолько же.

Комментировать я не стала, тем более что история его матери (точнее, та ее часть, о которой говорила Лика) не располагала к сарказму.

Карта Мертвых земель пугала и... завораживала. Я даже подавила желание коснуться ее рукой, провести по магическим линиям, подчеркнувшим горные хребты, черное (не путать с Черным) море, изломы речушек и костяные иглы темных лесов.

— У вас нет городов? — уточнила я.

— Нет. Они не нужны. Есть родовые замки, отцовский, — он ткнул в схематично обозначенную крепость в самой глубине тьмы, — и еще восемь. Раньше было двенадцать, но как я уже сказал, мой отец не терпит конкуренции.

— Да. Я поняла. Не надо уточнять! — Я подняла руки и отвернулась от массивного стола, над которым плавала карта. Здесь тоже было достаточно темно, только черный сменил темно-синий, густой и насыщенный, как ночное небо, тронутое лишь искрами мутно-лунных узоров и вкраплений в обстановку. — Уволь своего дизайнера.

Валентайн прищурился. Дизайнеров у них тоже нет, шутка не засчитана?

— Это все, — я обвела руками кабинет, — слишком мрачно.

— Ну прости, — он почему-то улыбнулся, и я поспешила выйти.

— Можно осмотреть дом? Все равно мне нечего делать, а в Академию я возвращаюсь вечером, если я правильно поняла.

— Здесь больше нечего осматривать.

— То есть?

— Так и есть. Здесь больше нет жилых комнат.

В этой махине?! Нет больше жилых комнат?!

— Исключение — крыло для прислуги и кухня, но там ты вряд ли найдешь что-то интересное.

Я покачала головой:

— У тебя дом размером с Зимний дворец! И ты говоришь, что у тебя здесь только кабинет и спальня? Нет даже гостиной? Куда ты приводишь всяких там серьезных архимагов и где принимаешь гостей?

Валентайн усмехнулся.

— Я сказала что-то не то?

— Относительно. Лена, у меня не бывает гостей.

Я не нашлась, что на такое сказать. Спросить — совсем не бывает? — и получить ответ: совсем — было бы еще более странно. Поэтому я промолчала и ретировалась в разгромленную спальню, за которую в этот момент почему-то стало невыносимо стыдно. Вот так, на пару со стыдом, я засела на кровать с помощью Эвиль готовиться к завтрашнему дню. То есть к урокам по расписанию, чтобы не терять время даром, но в голову, как назло, ничего не влезало.

Зато лезли мысли о том, что я не просила Валентайна о помощи, но он мне помог. Для начала просто вырвал из рук Лэйтора. Помог справиться с магией. Потом... вот потом спотыкалось о его заклинание, приказавшее мне сидеть тут, но, если я правильно поняла, идти здесь особо было некуда. Самого факта заклинания это, конечно, не отменяло, но и то, что я так и не сказала ему спасибо за вчерашнее, мне чести не делало.

И ладно бы только это!

В довершение ко всему в моей памяти снова заискрились угольки прошлой жизни. Жизни Лены Харитоновой, так странно перешедшей в жизнь Ленор Ларо.

Обычно я приходила в класс одной из последних, и то утро не стало исключением. Мы договаривались встретиться с Соней перед школой, но они с мамой встали в пробку, и она сказала, что может опоздать, и чтобы я ее не ждала. Вот я и не стала ждать, влетела в класс и не сразу обратила внимание, что на меня все как-то странно косятся, и даже на то, что вокруг мгновенно повисла удивительная тишина. Только плюхнув сумку на стул и повернувшись к доске, замерла.

«Харитонова, мы расстаемся, — гласила надпись на доске. — Прости, но твой темперамент для меня чересчур».

Написано это было рукой Земскова, и, хотя я сначала не поверила глазам, потом до меня дошло. Оно до меня доходило, доходило и доходило: что меня бросили вот так, даже не по смс, а просто... по доске. Передо всеми.

Я обернулась, чтобы посмотреть ему в глаза, но Земсков был занят. От своего лучшего друга Сивкина он пересел к Оле Суховой, которая давно строила ему глазки, и вообще делал вид, что он не при делах.

Я все-таки поднялась. Подошла к нему. Остановилась возле парты.

Оля потыкала его в бок, и он поднял голову:

— Ну, что смотришь? — поинтересовался. — Просто по-другому с тобой не получается. Не хотел лишних сцен.

Лишних сцен и не получилось, я просто сжала кулак и врезала ему в нос. Под истошный визг Суховой и звонок в класс влетели двое: учительница и Соня. Потом нас с Земсковым вывели в коридор, математичка сокрушалась о том, что это просто кошмар, что девочки не должны себя так вести, а Соня плюнула на все и побежала следом за нами. Земскова отвели в медпункт, меня к директору, точнее, нас: Соня категорически отказалась уходить, пока не приехала тетя Оля.

Ее выдернули с работы, и она рыдала прямо в кабинете Алексея Григорьевича, заставляя чувствовать меня последней неблагодарной сволочью. Хотя в тот момент у меня включилась заморозка, о которой я говорила, и на Земскова мне было плевать (относительно), но вот на тетю Олю — нет.

Соня же просто молча сидела рядом, сжимая мою руку в своей.

Я должна научиться владеть темной магией так, чтобы все исправить.

Мысли сделали круг и вернулись в разгромленную мной комнату, к Эвиль и занятиям. И, пожалуй, к Валентайну. Уж насколько тетя Оля не любила гостей, к ней и то иногда приходили коллеги с работы, да и дни рождения она мне устраивала. Как умела.

Каково это вообще — жить так, как он?

Страхнув с себя холодную паутину этих мыслей, я все-таки углубилась в уроки, и на этот раз мне удалось полностью погрузиться в учебу. До тех пор, пока мне не принесли местный полдник. Спустя полчаса появился Валентайн и сказал, что нам пора.

— Впрочем, если хочешь, ты можешь остаться.

Это было сказано именно так, именно в таком небрежном тоне из разряда: «Хочешь остаться — оставайся, не хочешь — вали».

— Мне не составит труда открывать для тебя порталы каждое утро.

— Нет, спасибо, — тактично отозвалась я. И не менее тактично добавила: — Спасибо. За все.

Валентайн никак не отреагировал, он просто шевельнул пальцами, и на моих глазах пространство расползлось зияющей черно-серой раной. В такой портал я еще не ходила... или нет, ходила вчера. После него меня затошнило.

Затошнило и сейчас после перехода. Слегка.

То, что мы оказались в приемной ректора Эстре, я опознала по слегка сползшему за стол секретарю, шапка кудрей которого испуганно колыхнулась.

— У себя? — коротко спросил Валентайн.

— Д-да.

— Вперед, — это было адресовано мне.

— Темная магия же запрещена везде, кроме твоего кабинета и учебной аудитории, — заметила я.

— На контуры моего портала работает настроенный амулет. На него защита не срабатывает.

У — Удобно.

Стоило нам войти, Эстре поднялась из-за стола, раздувая ноздри. В отличие от своего секретаря она просто воплощала праведный гнев и разве что не искрилась от ярости.

— Ты хотела что-то сказать, — напомнил Валентайн, обращаясь к ней. — И вернуть Ленор вещи.

После такого заявления ее лицо знатно перекосило, а я вспомнила про сумку. Которую у меня отобрали Лэйтор и Ко, но вернули ее, оказывается, сразу в Академию. Вон она лежит, родненькая. Я хотела было сцапать свои вещи и по-быстрому слинять в неопознанном направлении, то есть в сторону своей новой комнаты, но меня остановил Валентайн. Рука-шлагбаум возникла на моем пути так резко, что мне оставалось лишь отступить.

Взгляд ректора метал убийственные молнии, Валентайн стоял с привычно-непробиваемым лицом. Стоял и молчал так, что даже мне было не по себе, и Эстре, наконец, произнесла:

— Я прошу прощения, тэри Ларо, за то, что вчера повела себя крайне непедагогично. Больше такое не повторится.

Вот зачем он это делает, а? У нее же сейчас пар из ушей повалит или драконий инфаркт случится.

— Извинения приняты, — ответила я, мечтая как можно быстрее отсюда уйти и остаться одной. Под пристальным взглядом ректора мои

браслеты только чудом не загорелись, но мне было как-то без разницы. Пусть сами между собой разбираются.

К счастью, шлагбаум руки опустился, и я смогла беспрепятственно добраться до собственной сумки. Схватила ее и вылетела из кабинета.

— Я вас провожу, — тут же поднялся секретарь, имени которого я как ни старалась, вспомнить не могла. То ли оно потерялось за всеми событиями, то ли его вообще никак при мне не называли, но на знакомства и реверансы у меня сейчас не было настроения, поэтому я молча кивнула.

На этот раз мы шли без портала, через Академический парк, потом коридорами-коридорами-коридорами. Адептов навстречу нам попадалось мало, но даже те, что попадались, опять на меня тарасились. Причем настолько явно, еще до того, как успевали заметить браслеты на моих запястьях, что впору думать что-то... странное.

Секретарь явно торопился от меня избавиться, потому что несколько раз чуть не споткнулся в беге. В крыле, где мне теперь предстояло жить, было пустынно — очевидно, после занятий все отдыхали, либо готовились к урокам, либо собирались на ужин.

— Так. Та-ак, вот ваша комната. Сейчас настроим на вас контур. — Остановившись перед высокой дверью, парень вытащил амулет, немного похожий на компас. — То, что осталось в вашей прошлой комнате, уже принесли сюда, поэтому бегать вам не придется. И-и...

Перед глазами мелькнула сиреневая искра магического заклинания, запечатывающего и открывающего дверь.

— Положите руку вот сюда, — мне под нос сунули «компас», и я подчинилась. Ладонь слегка защекотало. — Да. Все! Теперь можете открывать!

Разомкнуть контур получилось с первого раза, и я, облегченно вздохнув, скользнула туда. Правда, тут же вынырнула обратно за дверь:

— А мой опекун... — Я хотела спросить у секретаря, поставили ли Хитара в известность обо всех переменах, но секретаря в коридоре не оказалось. Зато там оказался Люциан Драгон. Он о чем-то оживленно беседовал с Драконовой, а если быть точной, привычно на нее рычал. Или, правильнее будет сказать, они рычали друг на друга? Драконова меня не видела, а вот Люциан...

Его взгляд ударился в меня с такой силой, что я чуть было не отшатнулась обратно за дверь: злой, яростный, ненавидящий. Полыхнувший золотом, когда он увидел браслеты на моих запястьях. Драконова начала оборачиваться, но в этот момент он рванул ее на себя и впился поцелуем в губы. А после втолкнул в комнату — очевидно, ее — и захлопнул дверь.

Глава 12

Люциан Драгон

Да чтоб ее драхи драли, эту Ленор Ларо! Но судя по тому, как она выглядела, драл ее всю ночь Валентайн Альгор. Это была первая мысль, когда он увидел ее браслеты. А вторая — что несмотря на все это, несмотря на темную магию, да вообще ни на что, он готов был втолкнуть ее в комнату, заткнуть рот поцелуем и больше вообще никогда ни о чем не спрашивать. Ну а что? Если Альгору можно, то чем он хуже?

Остановило только присутствие Драконовой, которая очень вовремя попала под руку. В смысле, очень вовремя решила высказать ему все, что думает по поводу и без: хотя он сегодня весь день это слушал. Больше зануды в жизни своей не встречал! Разве что Сезар, какая идеальная была бы пара! Но Сезар как послушный сынок женится на Женевьеве, а Драконовой светит разве что роль официальной любовницы. Это еще в лучшем случае. Хотя Женевьев тоже та еще зануда, было бы у них расчудесное трио.

— Да отпусти! — Драконова уперлась ладонями ему в грудь, с силой отталкивая. — Что на тебя нашло?!

— Мы с тобой теперь как бы встречаемся, детка.

— Я не сказала, что я на это согласна!

— Хочешь во всем признаться Сезару? Давай, валяй. Только вместе пойдем, я хочу посмотреть.

— Какая же ты все-таки мразь, Драгон!

— А ты у нас сестра благочестия, по всей видимости, — он ухмыльнулся. — Нет, стой. От нее тебя отделяет сегодняшняя ночь и трусики, которым позавидуют в домах удовольствий.

— Которые ты часто посещаешь! Потому что на трезвую голову и по своей воле тебе никто не дает.

Так, все. С этим фарсом пора заканчивать.

— Напомнить тебе, что это и в твоих интересах тоже? — холодно поинтересовался он. — Как я уже сказал, я тебя не держу. Можешь прямо сейчас топать к своему несостоявшемуся парню.

«Несостоявшийся» парень был причиной того, что творилось сегодня. Он и, пожалуй, еще дорнар-оррхар, который людям вообще нельзя. То, что Драконову с него унесло в каком-то смысле его вина, но мучиться от стыда Люциан явно не собирался. Равно как и не собирался переживать по поводу случившегося. Подумаешь, трахнулись. С кем не бывает.

Вот только Драконова, открыв глаза, сделалась такая в лице, как если бы проснулась не на красивом обнаженном парне, а в куче драконьего дерьма. Будь у Люциана силы (а главное, желание) он бы попытался оскорбиться. Но сил не было, желания тоже, а главное, спустя пару минут после его эпичного пробуждения и немой сцены проснувшейся на нем Софии, миру явился Сезар.

Его физиономию просто надо было видеть!

Привыкший держать себя в руках этот умник выглядел так, словно у него из ушей и из носа вот-вот пойдет дым, а мощный половинный оборот снесет пол-лабиринта размахом крыльев и двойной магией. Именно это выражение лица брата и заставило Люциана притянуть к себе Драконову и чмокнуть в приоткрытые пухлые губы.

И на вопрос Сезара:

— Что здесь происходит? — заданный привычным непробиваемо-ледяным тоном, чуть ли не копией тона Альгора, из-за чего крышу снесло еще сильнее, ответить:

— Тебе нужны детали или описание процесса того, чем мы занимались с моей новой девушкой?!

После этих слов Драконова ощутимо напряглась, явно собираясь возразить. И, насколько за сегодняшний день Люциан успел ее понять, возразила бы, если бы Сезар с высоты своего положения не брякнул, цедя слова, насквозь пропитанные презрением:

— Подобное притягивает подобное.

И все. Софию как будто подменили, она его обняла и чуть ли не замурлыкала:

— Именно так, Сезар. Почему бы тебе не заняться своей Женевьев и не дать нам продолжить?

В эту минуту Люциану показалось, что лабиринт все-таки снесет, но снесло Сезара. Из лабиринта. А Драконова, вывернувшись из его

объятий, рывком вскочила (насколько позволяли последствия употребления дорнар-оррхар) и принялась одеваться.

Люциан наблюдал за ней с исследовательским интересом. В конце концов, там было за чем понаблюдать: и задница аппетитная, и фигурка на высший балл. До Ларо и Драконовой он вообще не связывался с человеческими женщинами, а тут нате вам, сразу две. На мысли про Ларо настроение испортилось, и он решил последовать примеру Софии. Во-первых, зад уже начинал подмерзать, а во-вторых, все, что было интересного, здесь уже случилось.

— Что вы не поделили с моим братцем? — поинтересовался он у Драконовой, которая рванула платье так, что оно только что по швам не затрещало.

— Тебе какое дело?! — Она пошатнулась, и Люциан едва успел ее подхватить. Софию основательно повело, поэтому она даже сопротивляться не стала.

— Праздный интерес, — он пожал плечами. — Ну и еще любопытство.

— А не пойти бы тебе со своим любопытством...

— Куда я еще не ходил? — уточнил Люциан, насмешливо опустив ладонь ей на ягодицы.

Драконова рванулась и попыталась вlepить ему пощечину, но он перехватил ее руки. В голове сквозь развеивающийся дурман дорнар-оррхар зрел план. Явиться в Академию после расставания с Ларо в одиночестве как-то не очень, да и у папаши будет отличный шанс в очередной раз попытаться навязать ему невесту. А вот если рядом нарисуеться Драконова...

— Мы теперь с тобой связаны, — хмыкнул он. — Ты подтвердила этому чудовищу, читай Сезару, что мы встречаемся.

— Мы не можем встречаться! Ты помолвлен с Ларо!

— Уже нет.

Драконова приподняла брови.

— Мы вчера расстались, — подтвердил Люциан под ее взглядом.

— С чего бы? — София сложила руки на груди.

— Не твое дело.

— Точно. Ну тогда я, пожалуй, скажу Сезару, что я не твоя девушка, и на этом закончим.

Люциан закатил глаза:

— Она постоянно врет.

— О чем?

— Обо всем. Могу рассказать интимные подробности, но тогда с тебя — твои про Сезара.

Драконова плотно сжала губы, и Люциан мысленно усмехнулся. Девчонка, что с нее взять. Вытрясти подробности про парня, на которого она запала — а она, очевидно, запала, иначе не выглядела бы сейчас такой расстроенной — просто нереально. Он взял девушку за подбородок и приподнял голову:

— Ну так что? Мы договорились?

В какой-то момент ему показалось, что она откажется, настолько яростно сверкнули ее глаза, но потом Драконова только вздохнула, стряхнула его руку с подбородка и сказала:

— Да. Но руки ты распускать не будешь!

Чем снова напомнила ему про Ларо. Поэтому вместо привычной язвительной шуточки или напоминания о том, что прошлой ночью он распускал не только руки, Люциан ограничился коротким кивком. После они закончили одеваться, относительно привели себя в порядок. Он провел ее порталом в Академию и ушел к себе, договорившись, что на завтраке они появятся вместе.

А у себя... у себя все было пропитано запахом Ленор. Он даже не представлял, что этот аромат может так кружить голову, даже после всего что было, даже после всего, что было с Драконовой. Раньше Люциан расставался с девчонкой (а если уж говорить проще, он с ними просто надолго не сходилась) и сразу выкидывал ее из головы. Из головы, из постели, отовсюду. Да и девчонки ему попадались чаще всего смышленные: понимали, что ничего особенного не светит. Аникатия вот, правда, не слишком умная оказалась, но там был прикол со статусом.

Она считала, что она более чем достойна отношений с ним, а не короткой интрижки, и ему вдруг отчаянно захотелось, чтобы Ларо постучала в его дверь. Постучала, начала объясняться... на этой мысли он себя и прервал. Какие могут быть объяснения после того, что случилось?! Темная магия, Альгор, все ее закидоны — нет, с ней однозначно все кончено. А комнату надо отмыть и выкинуть все, к чему она прикасалась.

Такое распоряжение он и отправил в хозяйственную часть Академии, демонстративно сбросив рубашку, в которой ходила Ленор, на пол, а заодно потребовав сменить белье и провести полную уборку с нейтрализацией запахов.

На завтрак они с Драконовой явились вместе, чем произвели немалый фурор. Не только среди подружек Софии: Клавдия так отвесила челюсть, что грозила залить слюной весь завтрак, но и среди его друзей. На вопросы со всех сторон Люциан просто пожал плечами и объявил, что с сегодняшнего дня у него новая девушка. Нэвс и Милли хмурились, Лиллея задумчиво по привычке накручивала на палец темные волосы, только Дасу было без разницы. С ним Люциан и предпочитал общаться, особенно после того, как тот при попытке Милли поинтересоваться:

— А Ленор...

Перебил драконессу и сказал:

— Наконец-то ты избавился от этой девицы. Она совершенно не соответствовала твоему статусу, Люц.

Его яростно поддержала Клавдия и остальные подружки Софии, что же касается самой Драконовой, она до сих пор пребывала в каком-то полузаторможенном состоянии. То ли из-за дорнар-оррхар, то ли из-за Сезара, что вернее. Она вообще выпала из разговора, тщетно пытаясь запихнуть в себя хотя бы кусочек еды, чтобы не возникало еще больше вопросов, но зеленела всякий раз, когда что-то жевала.

А в перерывах между занятиями устроила ему настоящий допрос: что он вчера пил, какого он позволил это пить ей, и в целом основательно подсела на уши на тему, что все случившееся не случилось бы, если бы она не глотнула этой дряни. Люциан даже отвечал, пусть и весьма невпопад: Ларо не просто не явилась на завтрак, она не явилась еще и на занятия. Что касается него, он, как последний идиот, не мог перестать о ней думать.

О том, почему ее нет, и что там вообще произошло.

Занудство Драконовой немного спасало положение, а еще, разумеется, мысли о темной магии. Но чем дальше, тем больше он думал о том, что Ларо просто исчезла из Академии. Судя по всему, вчера, из кабинета Эстре, и так и не вернулась. От желания заявиться к ректору и встряхнуть из нее, что же на самом деле случилось, останавливала только гордость.

К тому самому моменту, когда Ларо так неожиданно возникла в коридоре, он уже готов был послать все к Лозантиру: все, включая гордость, темную магию и Драконову, но... тут появилась она. Из своей новой комнаты. Вся такая воздушная, свежая, сияющая. С браслетами Альгора на запястьях! И все, что он думал только что, осыпалось прахом и тленом, внутри, снаружи, к драхам.

Она действительно водила его за нос все это время.

Использовала — Лозантир знает зачем.

И щемящее, давящее, надсадное чувство в груди ушло. Взамен него поселилась холодная ненависть. Желание причинить ей такую же боль, как причинила она. Первое, что пришло в голову — поцеловать Драконову. Второе... второе нужно было обдумать, но пока что нужно было решить вопрос со своей новой «девушкой».

— Так что? — еще холоднее поинтересовался он. — Продолжаем или расходимся?

— Смена двух девушек за два дня — даже для тебя перебор, — хмыкнула Драконова.

— Я как-нибудь переживу. А вот что касается тебя...

— Давай обойдемся без взаимных угроз, — она нахмурилась. — Нам выгоднее быть союзниками, чем врагами. Продолжаем, Драгон. На каких условиях?

— Да все на тех же. Мозг друг другу не выносим. В Академии ни на кого больше не вешаемся...

— За кого ты меня принимаешь?! — ее возмущение было вполне себе искренним, не наигранным, и он поднял руки.

— Ладно. Пролетели. В общем, старательно делаем вид, что мы пара... недели две. Может, месяц. Потом — на твое усмотрение. На мое усмотрение. На наше общее усмотрение. Может, нам даже понравится.

Драконова покачала головой.

— Поверить не могу, что соглашаюсь на такое.

Люциан усмехнулся.

— Это не самое страшное, на что ты могла согласиться.

— Я больше не стану с тобой спать, Драгон.

— Скажем так, рядом с девушками я предпочитаю не спать.

София закатила глаза, и он легонько коснулся ее щеки, убирая за ухо темную прядь.

— Так что подумай, Драконова. Возможно, стоит все повторить, только когда мы оба будем помнить процесс.

Она перехватила его руку.

— Нет, Люциан. Нет. Не сейчас. Никогда больше. Ты меня понял?

— Да. Понял, — скептицизма в его голосе было столько, что Драконова даже поморщилась. Правда, он тут же добавил совершенно другим тоном: — Сезару мы устроим классную нервотрепку. Обещаю. Что бы он ни сделал, он об этом пожалеет, увидишь.

Во взгляде Софии мелькнуло что-то знакомое, до боли — но Люциан так и не смог понять, что. Она прикрыла глаза, а когда открыла, в них плескалось привычное спокойствие надменной девицы, привыкшей повелевать и указывать всем и вся.

— Мне нужно заниматься, — сказала она.

Как с одного магического слепка виритт их с Ларо создавали, что ли? Он прищурился, но потом только кивнул — коротать вечера с ней не входило в его планы. Все остальное можно обсудить и потом, тем более что видеться они теперь будут каждый день. Помногу. Подолгу. М-да...

Выходя из ее комнаты, он старался не смотреть в сторону закрытой двери. Двери, за которой была Ларо. И тем более не думать о том, что он с удовольствием потрепал бы нервы именно ей, а не Сезару. Вот только Сезар, в отличие от нее, кажется, искренне запал на Софию, тем приятнее будет над ним издеваться. Что же касается Ларо, про нее лучше вообще не думать. Нельзя заставить ревновать ту, которой нет до тебя дела. Нельзя сделать больно той, кто чувствовать не умеет.

Ничего, он найдет способ напомнить ей о себе.

Тогда, когда она меньше всего будет этого ожидать.

Глава 13

Традиционное утро в Академии началось еще более традиционно, чем я могла бы себе представить. Голосом Эвиль, побудкой... Которые, в общем-то, меня не разбудили, потому что проснулась я задолго до этого и лежала, глядя в темный потолок. Нет, на самом деле потолок был светлый и красивый, украшенный лепниной, да и в целом комната, которую мне выделили благодаря Валентайну, была роскошная. Этакая мечта принцессы: просторная, с высокими арочными окнами, персиковые обои, пудровая обивка мебели, разве что единороги, рассыпая радугу и блески с радостным ржанием всю ночь не скакали туда-сюда.

Хотя для ржания мне вполне хватит всей Академии. Какой же я была душой, когда думала, что Люциану есть хотя бы малейшее до меня дело. До меня, до того, что происходит в моей жизни, до того, что я надела браслеты Альгора. А я ведь еще ему рассказывать собиралась!

Зато причины того, что вчера на меня таращились, теперь стали ясны как день: Люциан Драгон завел себе новую девушку. Вот и таращились, чтобы посмотреть, а как отреагирует старая. Правильный ответ — никак. Я не собиралась доставлять удовольствие всем, кому только можно, и хоть как-то на это реагировать. Пусть даже сердце превратилось в раскаленный камень и грозило рассыпаться на куски: из всех девиц Академии Люциан выбрал именно Драконову!

Ту, что травила Ленор.

Ту, что над ней издевалась. И сейчас это было сделано явно с тем же самым посылом, я ни на секунду не сомневалась, что Драконовой плевать на Люциана. Ей просто нужно было показать Ленор козу, или, как говорили в современном простонародье моего родного мира, эпический фак.

То, что Драконова стала официальной девушкой Драгона узнала я, разумеется, не после одного ласкового поцелуя. Ко мне вечером наведалься Ярл, чтобы спросить, как у меня дела. Он вообще был единственным, кто поинтересовался, куда я исчезала, а главное — как я себя чувствую. Он же старательно прятал глаза, когда я все-таки (за

что хотела себе откусить сейчас язык) спросила, что случилось, и почему на меня все так смотрят.

Ладно хоть формулировка была такая, и в ней не фигурировали Драконова и Люциан. Но мы оба прекрасно понимали, о чем я спрашивала. Точнее, о ком.

— Он просто явился с ней утром в столовую и сказал, что она его девушка. — Ярд сочувственно посмотрел на меня. — А вы... расстались, да? Или вроде того?

— Расстались, — ответила я, раз и навсегда поставив в этом всем точку.

Ярд еще немного помялся: он явно чувствовал себя не в своей тарелке, потому что вроде как был в кругу приближенных Люциана, а у меня на руках красовались браслеты Альгора. В общем, нормального разговора у нас так и не получилось, хоть он и сказал, что завтра после занятий ждет меня на прослушивание в театре. То есть выбрасывать из общественной жизни после расставания с Драгоном меня никто не собирался.

Это уже плюс.

Существенный минус — так это то, что придется постоянно лицезреть его и Драконову на занятиях. Наверняка вместе, она уж точно ломаться как я не будет. Ну да ничего, справлюсь. В конце концов, у меня была отличная школа: лицезрела же я как-то Земскова с его новой пассией, и ничего, все живы остались. Хоть он и шарахался от меня после того эпичного удара и сломанного носа.

Люциану, что ли, в нос зарядить?

На этой мысли я распахнула дверцы шкафа, а если быть точной, шикарной гардеробной, увидела там зияющую пустоту, и, кажется, даже услышала ветер. Тот нехитрый «багаж», что переехал из каморки Ленор, которая жила под крышей, выглядел просто жалко. С одной стороны, на занятия мне надевать ничего особо не требовалось, кроме формы — а она у меня была отличная. С другой стороны, надо будет основательно обновить себе гардероб.

Не на деньги, тьфу, не на магию Альгора, разумеется. Нет. У нас на этой неделе должны состояться расчеты с дядюшкой-опекуном, вот после них и пройду по магазинам. Говорят, хороший шоппинг способен нивелировать расставание с парнем, так что убью сразу двух драконов. Обзаведусь классными платьями и забуду про Драгона.

Нечего ему делать в моей голове и в моей жизни!

Оптимизм — наше все, поэтому на завтрак я собиралась сияющая, с гордо расправленными плечами и вздернутым подбородком. Оценив свое отражение, осталась полностью довольна, и, несмотря на требования, не стала сегодня стягивать волосы в хвост или как-то еще убирать. Оставила распущенными, струящимися по плечам, пригладила и, подхватив сумку, решительно вышла в коридор.

Чего я не учла — так это того, что я теперь соседка Драконовой.

Ну и того, что у ее комнаты помимо самой Софии собралась драконовская свита, и вся их команда разом повернулась ко мне.

Клава сложила руки на груди, остальные последовали ее примеру и перегородили коридор. Типа: ты не пройдешь! Как во «Властелине колец».

Да ну, правда. После Лэйтора, Альгора и вчерашнего дня напугать меня сим действием можно было примерно как попу пальцем. Я поправила сумку и направилась в сторону женского кружка по интересам, искренне радуясь тому, что на мне браслеты Валентайна. По крайней мере, мне не грозит жахнуть по собравшимся темной магией в случае чего.

— Так-так-так, и куда это мы собрались? — поинтересовалась Клава, потряхнув своей доморощенной (а может, магиерощенной?) гривой.

— Не поверишь, но на занятия. Освободите проход, а то вас тут слишком много, и вы не сказать чтобы худенькие.

Кажется, я все-таки жахнула, потому что в любом мире, в любом пространстве и времени намек на то, что девушке надо похудеть (а в данном случае — девушкам) воспринимается как смертельное оскорбление. Глаза Драконовой фрейлины сверкнули, она даже кулаки сжала:

— Да ты...

— Пусть идет, — голос Софии прозвучал как приказ.

Я обернулась: она стояла, глядя на меня сверху вниз, как на нечто среднекопашащееся, вроде букашки-таракашки. И мне бы пройти мимо, но я неожиданно вспомнила Люциана. Вспомнила, как он впился поцелуем в ее губы и втолкнул в комнату, и внутри неожиданно проснулось нечто очень злое. Очень-очень злое. Уж София-то вряд ли

ломалась вчера, и при мысли о том, чем они занимались за этой самой дверью, тормоза сорвало окончательно.

— Они у тебя дрессированные? — поинтересовалась я. — Смотрю, команды выполняют на «ура». Это здорово, поэтому давай, разгони их всех. Пока этим не занялась я.

Вот теперь сквозь снисходительность в темных глазах Софии полыхнула ярость. Она шагнула ко мне вплотную и жестко произнесла:

— Что, нацепила браслеты Альгора, и думаешь, что ты неприкосновенна?

— Да я и без браслетов Альгора отлично справляюсь, — хмыкнула я и приподняла брови. — Насколько ты помнишь. Насколько мы обе помним.

Не знаю, были ли в курсе дуэли ее лучшие подружки, но Драконова явно поняла, на что я намекаю, и плотно сжала губы. От злости даже побелела, кажется, ее ровнехонький загар, или что у нее там, малость поблек. Я не стала дожидаться продолжения, повернулась к замершим фрейлинам и скомандовала:

— Разойдись! — после чего просто шагнула сквозь строй.

Строй разлетелся в разные стороны, а я прошествовала по коридору, не забыв мысленно поздравить себя с победой. К слову, о победах: сейчас мне нужно было понять, какую линию поведения выбрать с остальными, и, направляясь в столовую, я незаметно поглядывала по сторонам. Адепты продолжали на меня коситься, преимущественно на браслеты, а, замечая мой взгляд, поспешно отводили глаза. Некоторые даже шарахались, будто замараться боялись.

Когда я вошла в столовую, то, разумеется, оказалась в центре всеобщего пристального внимания. Друзья Люциана уже собрались и, хотя его самого еще не было, предпочли сделать вид, что со мной незнакомы. Остальные тоже старательно делали вид, что меня не существует, на свободных стульях неожиданно появлялись сумки, книги и прочие атрибуты студенческой жизни. Я уже думала, что мне придется есть, сидя прямо на полу, в центре зала, когда вдруг раздался голос Ярда:

— Ленор! Ленор, иди к нам!

Их столик располагался в самом невыгодном месте, которое только можно представить — на проходе, между дверями в коридор, порталом, где «выдавалась» еда, и порталом, куда уплывали использованные подносы и посуда, поэтому здесь кто-то постоянно туда-сюда ходил. Дана и ее подруга явно были не в восторге от того, что меня пригласили, но переживать по этому поводу я не собиралась. Спокойно заняла пустующее четвертое место и улыбнулась Ярду:

— Спасибо.

— Да не за что.

— Я тоже к вам, — неожиданно раздалось за моей спиной.

Я обернулась и увидела Лику. Драконесса выглядела худой и осунувшейся, а еще почему-то очень несчастной.

— Можно? — неуверенно спросила она. Почему-то у меня.

Я пожала плечами.

— Да, не вопрос, — Ярд кивнул. — Только стула лишнего нет... ну возьми мой.

— Спасибо! — Лика подтянула стул к себе, так, чтобы оказаться рядом со мной. — Ленор, слушай, я не знаю, что между вами произошло, но я... я правда сожалею о том, что произошло между нами. Мне бы очень хотелось, чтобы мы снова могли нормально общаться. О большем я не прошу.

— Мы и так нормально общаемся, — ответила я. — Разве нет?

Лика закусила губу, и в этот момент на спинку моего стула легли ладони Люциана. Не знаю, что я поняла раньше — то, что это именно его ладони, или то, что меня окутало его резковатым парфюмом, тем запахом, который за наше недолгое помолвочное представление успел не просто перекочевать в мои воспоминания, он успел впитаться в меня, проникнуть в каждую клеточку тела и превратить меня в его невесту по-настоящему. Особенно наше последнее утро: тогда я чувствовала все это особенно ярко, поэтому сейчас мне стоило немалых усилий остаться на месте, а не шарахнуться из-за стола.

— Так, — произнес Люциан тоном, не предвещающим ничего хорошего. На этот раз, как выяснилось, не мне. — Ярд, Дана, Джа, почему вы сидите с ней?

Брюнетка вскочила, Дана метнула на друга испуганный взгляд. Драгона я не могла видеть, он стоял за моей спиной, что же касается Ярда, он мрачно сжал губы и как-то весь подобрался.

— Не помню, чтобы я спрашивал тебя, с кем мне можно сидеть, а с кем нет.

В столовой стало очень-очень тихо. Настолько тихо, что скрежетнувший о тарелку чей-то нож или вилка прозвучал как внезапно заведенная бензопила.

— Повтори, — тихо произнес Люциан. Тихо, но так, что у меня волоски на коже приподнялись. Я не знала, с чем это связано — должно быть, такая реакция на звериную суть, или как там называется драконья часть в принце, когда она активизируется, тем не менее Ярл на моих глазах побледнел.

Все, пора прекращать этот спектакль!

Я резко поднялась: настолько резко, что не ожидавший Люциан получил стулом под коленку, и вряд ли он ожидал оказаться со мной лицом к лицу, потому что мгновенно прищурился. В прорезях глаз заискрило золото королевской магии, и я с трудом удержалась от того, чтобы сказать ему все, что о нем думаю. В частности, о том, что магию ему бы стоило проявить позавчера, когда меня забирал Лэйтор, а не наседа на парня, который виноват только в том, что пригласил меня за столик.

— Тебе заняться больше нечем? — холодно поинтересовалась я.

— Я не с тобой разговариваю, Ларо.

— А мне плевать. Отвали и дай нам поесть спокойно, — я сложила руки на груди. — Потому что при взгляде на тебя мне блевать хочется, а запасной формы мне выдали.

— Ничего, твой покровитель тебе новую купит.

Я улыбнулась:

— Ты подозрительно много знаешь о покровительстве. Есть опыт?

Ух, как его перекосило.

— Следи за своим языком, Ларо, — процедил он.

— А ты следи за собой. И желательно — подальше от меня, — я указала за столик, где сидели его друзья, уже вытягивающие шеи. Поверить не могу, что мы еще недавно общались, а сегодня они смотрят на меня, как на пустое место. Точнее, смотрели. До этой минуты. — Давай, Люциан. Будь хорошим мальчиком и просто оставь меня в покое. Договорились?

Да, я его провоцировала, но по-другому не получалось. В-первых, мне все еще хотелось заехать ему в нос — особенно, когда я вспоминала поцелуй с Драконовой, а во-вторых, он наезжал на тех, кто за меня вступился. На лице его сейчас заиграли желваки, но сделать Люциан ничего не мог. По крайней мере, при всех — поэтому он сверкнул глазами и отступил. Развернулся так резко, что чуть не сбил с ног девушку с подносом, выругался и направился к своим, а я опустилась за столик.

Меня слегка трясло.

— Мы покойники, — простонала Дана и уронила голову на руки. Брюнетка, которую Люциан назвал Джиа, опустилась за стол совершенно белого цвета, что касается Ярда, он так и застыл, напрочь забыв про еду.

— Он нас убьет, — прошептала Джиа. — Уничтожит. Размажет...

— А может быть и нет, — этот голос принадлежал Лике, и все повернулись к ней. Все, включая меня. За себя я как-то совершенно не боялась, а вот за Ярда с подружками... с Люциана станется устроить им веселую жизнь. Он их и до этого ни во что не ставил, а теперь вообще всего можно ожидать.

— Ну? Не томи, — сказала я драконессе, которая задумчиво вертела стакан с напитком то по часовой стрелке, то против часовой.

— Да так. Есть у меня одна идея...

— Лика!

— Расскажу после занятий, — драконесса загадочно улыбнулась. — Но можете мне поверить, вам значительно полегчает.

Мне бы хотелось, чтобы ребятам полегчало уже сейчас, но не тянуть же из нее слова клещами.

— Почему сейчас не хочешь рассказывать?

— Потому что надо еще кое-что обдумать. И кое с кем поговорить.

Я приподняла брови: оказывается, Лика полна сюрпризов. Но настаивать не стала — пусть думает. Мне вот тоже надо кое о чем подумать, в частности, как не допустить повторения истории. Если каждого, кто будет со мной общаться, ждет гнев Люциана Великого и Ужасного, то мне проще вообще ни с кем не общаться. Но ведь вполне очевидно, что именно этого он и хочет. Хочет, чтобы Ленор Ларо снова стала изгоем, иначе не было бы этой показательной порки. Да, пока

что мы выстояли, но следующий ход за ним, и хорошо бы, чтобы Лика поделилась своими соображениями раньше, чем он его сделает.

Я снова покосилась на драконессу, но она казалась полностью погруженной в свои мысли. Все молчали, поэтому я сказала, обращаясь к Ярду, который стоя мрачно жевал булку.

— Спасибо за то, что заступился.

Парень поперхнулся, и Дана сунула ему в руки стакан.

— Ты так пошутила, Ленор? — поинтересовался он, сделав пару глотков. — По-моему, вступилась за меня ты.

— Ты первый начал.

На мрачном лице все-таки мелькнуло подобие улыбки.

— Ладно. С твоей легкой руки буду считать себя героем.

Дана не выдержала и фыркнула.

— Главное, чтобы ты не стал мертвым героем.

Теперь поперхнулась Лика, а я поинтересовалась:

— У вас всегда такое чувство юмора?

— Нет, только когда дело касается Люциана, — Дана подперла подбородок руками и посмотрела на меня в упор. — Может, ты забыла Ленор, а может, те дни, которые вы провели вместе, отбили тебе мозги, но Драгон задает тон в Академии. С того самого дня, как мы пришли на подготовительные курсы. Он решает, кому с кем общаться, а кому нет. Среди драконов. Среди людей. А еще есть Драконова, и теперь они объединились. Знаешь, что это значит? До того, как вы с ним начали встречаться, он был просто невыносим. Он умеет, а главное, может, сделать жизнь любого в этой Академии невыносимой. Про Софию я молчу.

— Не нагнетай, не в девяностых, — сказала я.

Собиравшаяся что-то сказать Дана осеклась:

— А?

Пора бы мне уже перестать мыслить категориями моего мира.

— Я хотела сказать, что Люциан Драгон — такой же первокурсник, как и мы. — Снова посмотрела на Лику, и та кивнула, поддерживая меня. — И что он нам ничего не может сделать.

— Тебе, — поправила Джиа.

— С чего бы?

— С того, — девушка указала на мои браслеты. — Тебе он ничего не сделает. Потому что ты с Альгором.

— Я не с... — прикусила язык. — Не считаю. Я так не считаю.

— Хватит, девочки, — устало произнес Ярд. — Что сделано, то сделано.

— Не знаю, как насчет вас, но я еще могу извиниться, — брюнетка подхватила сумку. — Что я и сделаю!

Она поднялась и направилась к Люциану, на ходу стряхнув пальцы ошарашенной Даны, попытавшейся ее остановить.

— Пусть идет, — махнул рукой Ярд, опускаясь на свободный стул. — Дана, ты тоже иди, если хочешь.

Девушка вздохнула.

— Ну уж нет. Я ставлю на команду Неудачников.

— Если кто-то считает мой голос важным, то я против, — я подняла руку, — названия.

Первым хохотнул Ярд, за ним прыснула Лика, мы с Даной присоединились невольно. То ли напряжение было слишком сильное, то ли я просто впервые за долгое время расслабилась, но хохотала я знатно. Мы хохотали. Так, что нас обжигали взглядами, врезающимися в нашу четверку со всех сторон, но сильнее всего меня жег тот, который горел золотой ненавистью.

Глава 14

Из-за всей этой ерунды я никак не могла сосредоточиться на занятиях. Чуть не словила отработку по теории магии за невнимательность, потом на истории назвала алтарь Горрахона алтарем Горбачева. Ладно хоть в этом мире никто не знал, кто такой Горбачев, и на том спасибо. Словом, сидеть в одной аудитории с Драгоном, который всячески тискает Драконову, отрицательно сказывалось на моих умственных способностях и внимательности. И ведь не первый раз, проходили уже! Но то ли в первый было попроще, то ли я не знаю что еще, но я как никогда обрадовалась, сбегая на физподготовку, на которой Драгона не ожидалось. Правда, ожидалась Драконова, но отдельно от него она не вызывала таких странных чувств, когда совершенно иррационально хочется макнуть ее головой в унитаз!

Что самое смешное, я никогда не относила себя к разряду девушек, которые вот так вот реагируют на бывших, а тут на тебе, получи и распишись, Лена. Я всегда считала, что если у двоих не хватает сил и мозгов быть вместе, то им и не надо быть вместе, но в случае с Драгоном во мне включался какой-то животный инстинкт, и я намеренно делала все, чтобы оказаться подальше от Драконовой. Настолько, насколько это возможно, потому что не хватало мне еще стать зачинщицей драки. К счастью, у нее хватало мозгов до меня не докапываться, и свою команду она тоже держала на коротком поводке, поэтому обошлось без эксцессов.

Мне бы радоваться, что никто не цепляется к браслетам Валентайна, но радости не было. Наоборот, настроение стремительно портилось, а в душевой еще и выяснилось, почему так сильно. Как ни парадоксально, но в крутом магическом мире у женщин тоже бывают эти дни. Печаль по этому поводу я оставила на потом, а вот по поводу гигиенических принадлежностей пришлось приставать к Дане.

Та посмотрела на меня, как на сумасшедшую:

— У тебя что, не стоит заклинание предохранения?

Э-э-э. Вот именно так мне и полагалось выразиться, но я, уже наученная горьким опытом, что в этом мире все через опу, вздохнула и

покачала головой.

— Нет.

— Понятно, — сочувственно сказала Дана. — Дорого слишком, да? Но можно же простенькое найти, которое надо раз в два-три месяца обновлять. Необязательно у ведущих целителей на несколько лет ставить.

Я пожала плечами.

— Ладно. Сейчас что-нибудь придумаем.

«Что-нибудь придумаем» оказалось бинтами, на которые я смотрела, как местные жители могли бы смотреть на самолет. С мысленной пометкой «визит в женскую клинику» перед шоппингом, я потащила к себе в комнату управляться с имеющимся расходным материалом. Нет, ну вот что, порталы изобрести можно, а прокладки нет? Это же жесть какая-то! Средневековье!

Что самое печальное, в комнате не нашлось никакого уплотнителя, который мог бы помочь, в итоге я разрежала маленькое полотенце на несколько частей, свернула кусочек в несколько слоев и, проклиная местных дикарей, отправилась на поиски театральной группы, в которую меня звал Ярд.

Спасибо Эвиль, долго бродить не пришлось: актовый зал, или как он здесь назывался, театральный зал, располагался в жилом крыле, на первом этаже. По размерам не уступающей бальной зале, в которой начались мои приключения, он сверкал хрустальными каплями пока что не работающей магической люстры, переливался платиной отделки в солнечных лучах, проникающих через огромные арочные окна. Темно-синяя обивка кресел мерцала какими-то искринками (видимо, ткань была такая), справа на стене висел герб дракона, объятая оранжево-алым пламенем, слева — иссиня-белым. Сделав себе очередную пометку окончательно разобраться в том, где я учусь, и почему у меня значок дракона горит как костер, а у кого-то — как газовая горелка, я спросила у первой пробегающей мимо девушки:

— Как мне найти Ярда?

— Кого? — она прищурилась. — А, этот... который от первокурсников был. Уже никак.

— То есть?

Она опустила взгляд на мои запястья и прищурилась еще сильнее.

— А вот так, Ларо. Драгон сказал, что он не достоин возглавлять театральное сообщество первокурсников, — голосом ее можно было колоть лед. — Еще вопросы?

— К тебе нет.

А вот к Люциану... Я развернулась и направилась к дверям, все ускоряя и ускоряя шаг. Разогналась до такой скорости, что чуть не врезалась во внезапно распахнувшуюся створку, еле успела отскочить.

— Ленор! Везде тебя ищу, — Лика схватила меня за руку. — Пойдем!

— Куда?

— Ты что, забыла, о чем мы договаривались?

Разумеется, я не забыла. Но желание высказать Люциану все, что я думаю о его методах воздействия, перекрыло все остальное. Правда, сейчас я все же слегка затормозила свое стремление переговорить с Драгоном по душам и внимательно взглянула на Лику:

— По нашему вопросу?

— Да! Да. Идем.

Заинтригованная дальше некуда, я поспешила за ней. Сейчас занятия уже закончились, поэтому адептов в коридорах было мало, и эхо подхватывало звук наших шагов. Швыряло его о стены, подбрасывало к потолку, заставляя метаться по анфиладам и вырываться на свободу на балконах-переходах.

Очень скоро я поняла, что мы идем, куда изначально собиралась я, то есть в драконье крыло. То есть туда, где живет Люциан, и даже на тот же самый этаж, но поинтересоваться, что же, собственно, происходит, не успела. Даже когда увидела знакомый коридор: Лика открыла дверь раньше, чем я успела открыть рот.

А мгновение спустя у меня вообще слова кончились, потому что мы оказались в комнате Аникатии Эльдор.

Да они издеваются, что ли? Не лучшее они выбрали время, чтобы надо мной издеваться, потому что в первый день извечного женского счастья страшнее меня только Адергайн Ниихтарн, и то спросонья.

Правда, озвучить собственные мысли мне не позволили, Аникатия выступила вперед:

— Хорошо, что ты пришла, Ленор. Значит, мозги у тебя все-таки есть. У меня к тебе предложение...

— Вообще-то это я предложила... — начала было Лика, но под взглядом Аникатии стушевалась и даже отступила.

— Так вот, — тоном королевы, говорящей с подданными, сообщила драконесса, — твои браслеты явно намекают на то, что у тебя тоже новый парень. Поэтому пока Люци не разогнался и не настроил всех против тебя, я предлагаю первой нанести удар. Мы пустим слух, что ты кинула его первая, что, вне всяких сомнений, скажется на репутации нашего золотого мальчика. Поскольку он привык бросать и не привык к тому, что бросают его, это будет отличным ударом по самолюбию. Ну и не только. По авторитету в том числе, ты сама понимаешь. Быть брошенным принцем совсем не прикольно, и, таким образом, ты получишь отличную возможность не просто отомстить, но и утереть ему нос передо всеми. Разумеется, еще ты получишь мое покровительство, если вдруг Драконова все же решит взбрыкнуть.

Я слушала эту девицу и поражалась. Во-первых, тому, с какой непробиваемой уверенностью она мне все это выдала, с полной и безоговорочной, что я вот прямо сейчас подкину в воздух трусы от счастья и, теряя тапки, побегу лишать Люциана авторитета и получать ее покровительство. А во-вторых... во-вторых, Лика! Вот уж от кого я точно не ожидала такого, это от нее. От девушки, которая знает, что такое быть персоной нон-грата.

— Так, — сказала я. — Это все? Или вы хотели еще о чем-то меня спросить? Конспект там по уроку попросить, книжечку?

Аникатия моргнула. В ее голове, очевидно, не укладывалось происходящее.

— Ты что, не слышала, что я сказала? — уточнила драконесса. — Не поняла, что я тебе предложила?

Да, точно не укладывается. Судя по всему, в этой (а точнее, на этой голове) укладываются только волосы.

— Слышала, — сказала я. — Ну а сейчас, надеюсь, вы послушаете меня и раз и навсегда усвоите, что я не с вами. Я не участвую в ваших заговорах. Не подставляю друзей, даже бывших, и в ваших интересах держаться от меня подальше.

Вообще не дипломатично, но я никогда не претендовала на звание дипломата. Соня — да, она могла любую ситуацию разрулить. С другой стороны, Аникатию она бы тоже послала безо всякой

дипломатии, и эта мысль придала мне новых сил на выходе, из-за чего дверь громыхнула с такой силой, что у меня зазвенело в ушах. Ненадолго.

Дверь снова открылась, и в ушах зазвенел теперь еще и голос Лики:

— Ленор! Ленор, да стой же ты! погоди!

Она вцепилась мне в руку, которую я резко отняла.

— Серьезно? — прорычала ей в лицо. — Аникатия?!

— Да! Но она правда может помочь! Она дочь королевского советника, у нее авторитет и своя компания! Ты не понимаешь, Ленор. — Лика и так говорила торопливо, а теперь вообще затараторила, правда, перед этим воспользовавшись *Cubrire Silencial*. — Ты же знаешь, на что способен Люциан. Или думаешь, он будет играть в благородство, как ты? Нет! Он тебя размахнет. При первом удобном случае, а Аникатия предлагает возможность этого избежать.

Лика вскинула руки, когда я уже собиралась ответить.

— Да. Понимаю. На тебе браслеты Альгора, и, может быть, тебе он и не сделает ничего, но... Ярды. Девчонки. Все, кто осмелится с тобой разговаривать или общаться... Ты правда хочешь остаться совсем одна? Или чтобы твоим друзьям делали больно? Чтобы выбрасывали их из жизни только потому, что они осмелились с тобой заговорить, предложить тебе сесть за столик?

Я действительно собиралась сказать ей все, что думаю, собиралась, но поняла, что это бессмысленно. Мы с ней просто на разных языках говорим, вот и все, и тут можно спорить, ругаться до посинения или объяснять до завтрашней побудки.

— Да. Понимаю. Понимаю, что будет нелегко, — сказала я. — Но я как-нибудь справлюсь. И уж точно без Аникатии, ее интриг и прочей гадости.

Лика скривилась и покачала головой:

— Теперь понятно, почему на тебе все ездили! Потому что ты сама шею подставляешь!

Она убежала в комнату Аникатии и хлопнула дверью. Правда, до моего «хлопнуть дверью» все равно не дотянула, а я... я вспомнила о том, что здесь совсем недалеко комната Люциана. Вспомнила рубашку, которая пахла им. Наше утро. Развернулась и пошла к себе, потому что говорить с ним сейчас про Ярда не было сил. Ничем хорошим это

точно не кончится, а еще сначала я хотела поговорить с Ярдом. Возможно, я вообще лезу туда, куда не надо. Точнее, хочу залезть.

Хотя, если уж быть до конца откровенной, сейчас мне хотелось залезть исключительно под одеяло. Погреться, да. Еще и грелку бы где-нибудь найти, так вообще было бы супер, но у меня по расписанию стояли занятия у Альгора, поэтому следующий пункт назначения после собственной комнаты — его кабинет. Буду внимательно слушать про темную магию и изучать феномен Лены-Ленор. Может, когда-нибудь даже моим именем его назовут.

Остановившись у своей комнаты, я даже толком не поняла, зачем сюда шла. Надо было топать сразу к Альгору, а так еще и живот разболелся. Раздраженная дальше некуда, злясь на себя, я разомкнула контур, толкнула дверь и споткнулась сначала взглядом — о стоявшего у окна Валентайна, затем — о порожек. Чтобы услышать холодное:

— Ты опоздала.

Ну разумеется, где ж ему еще быть, как не в моей комнате. В первый день! Я почему-то покраснела, судорожно вспоминая, не оставила ли чего-то лишнего в ванной, но вспомнить не смогла, поэтому зарычала:

— Личные границы, Валентайн! Нет, не слышал? Как ты вообще здесь оказался?!

— Браслеты, — он кивнул на оковы на моих запястьях. — То, что ты моя женщина, дает мне допуск в твою комнату.

А можно я сейчас дам ему в глаз?

— Мы так не договаривались, — сказала я, пнув валяющуюся на моем пути сумку в угол. Она с грохотом туда улетела, а Валентайн прищурился. Или, правильнее будет сказать, принюхался? Что он тут нюхает-то? Тоже мне, поисковый дракон!

— У тебя не стоит заклинание предохранения, — выдал он с таким видом, как будто у меня выросла вторая голова. Спасибо Дане, я хоть не смотрела на него так, будто у него выросла вторая голова.

— Кэп, — заметила ядовито. Правда, когда до меня дошло, по какому поводу он принюхивался, я покраснела еще сильнее. И зарычала, соответственно, тоже: — Мне нужно место, где я могу побыть одна! Это ты понимаешь? Мне нужно место, куда никто не войдет. Внезапно. Никогда. Куда я смогу прийти и просто отдохнуть

ото всех! Хотя бы пять минут. Это тебе понятно?! Я что, многого прошу?

Физиономия у Валентайна Альгора была не то чтобы ошарашенная, я бы сказала, изумленная. В другой день порадовалась бы такому факту, но сейчас просто глубоко вздохнула.

— Ладно. Прости. Я сейчас приду к тебе в кабинет и будем заниматься, просто...

— Это ты меня прости.

Я моргнула. У меня что, в довершение ко всем прелестям этого мира еще и слуховые галлюцинации начались? Валентайн Альгор извиняется?!

— Я действительно не должен был так к тебе приходить. Просто после того, как закончились занятия, тебя не было достаточно долго, и я решил, что ты снова взялась за старое.

Ну точно слуховые галлюцинации. Он еще и разговаривать умеет нормально. Ртом. Объяснять. А не только приказывать.

— Все в порядке, Лена?

Я подняла руку.

— Прежде чем сказать что-нибудь еще, хорошо подумай. Ты сегодня ведешь себя так, будто сошел с ума. Или я сошла с ума, что тоже не исключено, поэтому...

— Никто не сошел с ума.

— Спасибо, что объяснил, — я обхватила себя руками, потому что Валентайну вздумалось подойти ко мне ближе. Я снова отметила, что с этой прической он выглядит моложе, но у меня в голове и так творилась совместная постановка: японская чайная церемония гейш и кордебалет, поэтому я пропустила эту мысль как само собой разумеющееся.

— Сегодня тебе лучше отдохнуть, — произнес он, остановившись рядом со мной. Я бы с ним согласилась. Впервые безоговорочно и на все сто, но у меня было слишком много белых пятен в знаниях о темной магии, и слишком много темных в знаниях о светлой, поэтому покачала головой.

— Нет. Мне надо работать. Если я хочу выжить в этом мире, мне нужно как можно скорее узнать все о себе, о магии и о том, как все это работает. Переменную твоего отца пока не трогаем, но у меня нет времени валяться в постели.

— Просто валяться в постели возможно нет. Но если я буду рассказывать тебе теорию, вполне.

Низ живота скрутило судорогой, и я поморщилась. Кажется, мой организм был согласен внимать теориям под теплым одеялком, но выглядеть слабой перед Альгором не хотелось. Тем более не хотелось хоть как-то сочетать себя, постель и его рядом, поэтому я покачала головой.

— Нет. Давай заниматься, как собирались...

— К целителю ты тоже, разумеется, не ходила. Обезболивающие зелья не спрашивала. Заклинания тоже.

Низ живота скрутило опять, и я, подавив желание свернуться клубочком, процедила:

— Для мужчины, который искренне изумился отсутствию заклинаний предохранения, ты поразительно много знаешь о процессе.

— Мои знания простираются гораздо дальше, чем ты можешь себе представить, Лена. Мне отвернуться, пока ты раздеваешься и ложишься?

— Да, — буркнула я.

Понимая, что идти сейчас куда-то, хоть пешком, хоть порталом, я не способна, пришлось принять предложение Альгора, потому что второго могло не последовать. Он и впрямь отошел к окну и отвернулся, а я так быстро скинула с себя одежду и нырнула под одеяло, что по комнате пронесся ветерок. Валентайн не спешил поворачиваться, что-то комментировать или хоть как-то обозначать, что он не превратился в манекен, поэтому я кашлянула.

— За окном происходит что-то очень интересное?

— Не то чтобы, — он приблизился к кровати и, когда я ощутило напряглась, просто подвинул к ней кресло магией. — Ты гораздо интереснее, Лена.

— Еще бы. Тебе, наверное, давно так весело не было: иномирянка с непонятно откуда взявшейся темной силой и предположительно зачем-то понадобившаяся твоему отцу.

Валентайн наклонил голову:

— Ты всегда защищаешься? Даже когда никто не нападает?

— Скажем так, я предпочитаю заранее поставить прочные щиты, которые никто не пробьет.

Он задумчиво постукивал пальцами по подлокотникам. Видеть Валентайна таким было, мягко говоря, стремно, особенно в кресле пудрового цвета. Когда я подумала, что они совершенно не сочетаются, меня снова скрутило в рогалик, и на этот раз я не удержалась от того, чтобы закусить губу.

— Сильно болит?

— Терпимо. Может, мы уже...

— Не дергайся, — последнее он произнес уже одновременно с прикосновением ладони к низу моего живота. К счастью, через одеяло. Миг — и боли как не бывало. Я бы вряд ли позволила ему это сделать, но он двигался настолько стремительно, что я даже не уловила момент, когда Валентайн поднимался. Если честно, впору действительно сомневаться в своем рассудке, потому что сейчас он уже снова опустился в кресло, контрастируя с пудровым настроением моей комнаты настолько, насколько это вообще возможно.

— Что ты сделал?! Я думала, исцеляющая магия только для светлых.

— Исцеляющая возможно. Какое-то время ты не будешь ничего чувствовать, Лена, к вечеру это пройдет.

Я проверила его слова, ущипнув себя за руку и ничего не почувствовав. Совсем.

— А меня такому научишь?

— Это заклинание не первое, что тебе стоит знать.

— Стой, — я прищурилась. — погоди. То есть ты сразу мог так сделать? Зачем тогда было загонять меня в постель?!

Валентайн приподнял брови и подался назад. Сцепил руки на уровне груди и произнес:

— Приступим.

Глава 15

Общение с Валентайном открыло мне глаза на много нюансов темной магии. В частности, я наконец-то осознала, почему ее так сложно обнаружить. Все магические процессы: плетение и разрастание контуров, формирование силовых полей и мощи звуковых и мысленных заклинаний происходили именно в подпространстве, а реализация ее в момент была настолько молниеносна, что зачастую даже прикрыться щитом было некогда.

На самом деле, я надеялась, что мне и не придется, но знать это было полезно. Так же, как понимать, что для владения темной магией и полноценного взаимодействия с ней мне нужно будет научиться видеть подпространство. Видение открывалось при обращении к источнику силы внутри себя, но поскольку в моем случае я вообще не понимала, что это за источник и откуда он взялся, и, что самое обидное, Валентайн тоже, обратиться к нему не получилось.

Для начала, когда я сняла браслеты, я должна была почувствовать магию, но я ее не почувствовала. Не почувствовала ее и хьерра, темная ищейка Валентайна. Это существо, напоминающее призрачного дракона, было создано им для обнаружения темной магии в ком бы то ни было. Или в чем бы то ни было, например, как в том предмете, с помощью которого мои родители якобы покушались на Керуана.

Подумав «мои родители», я поняла, что мне пора отдыхать, но Валентайну об этом не сказала. Сейчас мне гораздо важнее было узнать все, что можно, о моем двойном источнике магии. То, что он не похож на источник Сезара, я уже разобралась. Нормальный источник магии внутри человека или дракона функционировал следующим образом: он генерировал магию. Сезар генерировал магию темную и магию светлую, и они у него вступали в конфликт, в моем случае источник магии Ленор — светлый, ни с чем не конфликтовал, потому что темная магия во мне проявлялась от случая к случаю. И, разумеется, пользоваться ей, пока она не проявилась, я не могла, поэтому теоретические занятия были очень в тему.

— У меня есть несколько гипотез о том, в каких ситуациях проявляется твоя тьма, — сообщил Валентайн. — Но проверять мы их

будем, когда ты почувствуешь себя лучше.

Я чуть не сказала, что для женщин такое состояние это нормально, но тут он меня добил:

— В условиях смертельной опасности или серьезной угрозы твоему здоровью.

И мне как-то разом расхотелось с ним спорить. Я еще от предыдущих угроз не отошла, поэтому проверять себя таким образом было бы чересчур.

— Возможно, она еще себя покажет, и нам не придется этого делать, — обнадежил меня Валентайн.

И на том спасибо. Я покосилась на хьерру, которая на меня никак не реагировала, и предпочла дальше внимать теоретическим знаниям. На следующий день мы договорились тоже заниматься теорией, правда, уже у него в кабинете. Валентайн слово держал, и никаких намеков на то, что между нами может быть хотя бы что-то, кроме обучения, я не видела, не слышала и не чувствовала.

Это позволило немного расслабиться и уйти в учебу, а заодно и основательно погрузиться в мироустройство. Для начала я выяснила, что означает красное и синее пламя значков Академии: факультеты. В Академии Драконова не было такой кучи специальностей, как в нашем мире, точнее, они были, но не подразделялись по факультетам. Юриспруденцию, например, изучали все в обязательном порядке — а те, кто планировал стать защитником, просто на последних курсах изучали ее углубленно. Та же история была с медициной (целительством), искусством и архитектурной магией. Иными словами, любой адепт Академии Драконова оказывался весьма и весьма подкованным во многих направлениях, от знания законов и умения накладывать исцеляющие заклинания до первичных основ как возвести каркас дома на магическом узловом фундаменте. Мне все это еще предстояло постигать, а в процессе определяться, куда двигаться дальше.

В дарранийских школах занимались тем же, чем и в наших: чтением, математическими расчетами, письмом, физподготовкой, основами искусства. На третьей ступени (так здесь называлась старшая школа) девочек еще учили стилю и макияжу, а мальчиков — управлению маджикарами. Что касается узкоспециализированных направлений, все это изучалось уже в Академиях.

Правда, на всю Дарранию Академий было всего четыре. Самая известная — Академия Драконова, местный МГУ, куда рвались все кому не лень, и кто мог себе это позволить. Еще одна Академия располагалась на севере Даррании, в Портуале. В отличие от нашей, она не парила в облаках, а была окружена горами с заснеженными вершинами и вполне себе здорово стояла на земле. Там специализировались на научно-исследовательской деятельности: то есть если вы хотели посвятить всю жизнь изобретению новейших заклинаний, то вам стоило отправляться туда.

Что касается двух остальных, они были исключительно для людей, и обучали тоже по всем направлениям, на двух факультетах, как и в Академии Драконова, задающей тренды в образовании.

Красный дракон означал факультет общего профиля, синий — силовиков, или, если переводить на наш мир, военнообязанных. Сначала я удивилась, потому что Лика еще в самом начале объяснила мне, что все драконы военнообязанные, включая женщин, но потом все-таки разобралась. Военный факультет был для тех, кто изначально хотел связать свою жизнь с армией даже в мирное время. Впрочем, у выпускников этого факультета еще было время определиться: армия или стражи порядка.

Сезар Драгон явно выберет первое. Почему-то я так подумала, когда утром увидела его в дверях нашей столовой. Он, судя по всему, искал его младшее высочество, но его младшее высочество еще не изволило явиться, поэтому его тяжелый взгляд лег на Драконову. Настолько тяжелый, что по моим ощущениям ее должно было сплющить и раскатать по натертому сверкающему полу столового зала, но София только вздернула подбородок и отвернулась.

У них теперь были два сдвинутых столика: компания фрейлин и друзья Люциана за один не влезали, вот к ним она и повернулась, делая вид, что ни Сезара, ни его взгляда не существует.

Спустя полминуты его уже и правда не существовало — по крайней мере, в столовой, но мы с ним успели зацепиться друг за друга. На меня он посмотрел коротко, резко, зло — и слинял. Я мысленно пожелала ему счастливого пути и брата по дороге забрать, чтобы дал нам поесть спокойно, но мои надежды не оправдались. Потому что еще до того, как пришли Ярл и Дана, явился его драгонейшество, Люциан первый.

Явился и направился прямо ко мне.

Вот же, и не боится, что его новая девушка ревновать будет.

— Что ты делала в комнате Аникатии? — поинтересовался Драгон, сверкая глазами.

— И тебе привет. Почему бы не спросить сразу у того, кто тебе это рассказал? — я повернулась к нему. Сидел бы со своей Драконовой, и не рыпался, а так только пальцы сильнее зачесались врезать ему в переносицу.

Люциан оперся о стол, распластав по нему ладони. Учитывая, что он опять подкрался со спины и сейчас нависал надо мной, получилось почти интимно.

— Вздумаешь играть против меня — закопаю, Ларо. Не только твоих дружков-прихлебателей, но и тебя, и твои браслеты... — Он хищно раздул ноздри. — Тебя не спасут.

— Прихлебатели — это у тебя, — я кивнула на Клаву. — У меня друзья. И да, встречное предложение, Драгон. Ты перестаешь их преследовать и живешь спокойно. Иначе я тебе все чешую повыдираю и в задницу засуну. Договорились?

Неизвестно, до чего бы мы на самом деле договорились, если бы не появилась Дана. Она прошла, не взглянув на Люциана, плюхнула сумку на стол и поинтересовалась, как если бы мы были вдвоем:

— Доброе утро. Или не очень?

— Сейчас кое-кто отвалит, и будет самое замечательное утро в мире, — я ткнула Люциана в запястье локтем. — А у тебя как?

— У меня нормально. — Дана не поднимала глаз, и что-то мне подсказывало, что не так уж все и нормально, но продолжать этот разговор, пока Люциан не отлетел, было не самой лучшей идеей. Слишком велико было искушение познакомить его нос с моими костяшками.

Спасибо Тамее и всем местным божествам, он отошел. Оттолкнувшись так, что я на стуле врезалась в стол и наверняка заработала себе синяк на ребрах, но что возьмешь с Люциана. Как умеет, так себя и ведет, если по-другому не научили.

— Дана? — я посмотрела на девушку, которая изучала поднос с едой без малейшего признака аппетита.

— Меня выперли из театрального кружка. Ярда тоже.

Я покачала головой.

— Где там Лика со своими предложениями? Где она вообще? — Девушка завертела головой, озираясь, и, пока я думала над тем, как бы потактичнее сообщить о том, что вариант Лики отпадает, когда мимо нас прошел Ярл. Мрачный, как грозовая туча перед первыми молниями — сначала за едой, потом к столу. Молча швырнул сумку на свободный стул, молча сел сам.

В это же время в столовую вошла Аникатия со своей свитой. Пренебрежительно фыркнув, демонстративно обошла наш столик по пологой дуге, повторяя ее маршрут просочились остальные драконессы. Замыкала шествие Лика, которая в нашу сторону даже не посмотрела.

Зато на нее посмотрел Ярл. Откинув косую фиолетовую челку, перевел взгляд на меня и поинтересовался:

— Я что-то пропустил?

— Похоже, и я пропустила, — вклинилась Дана.

Я кивнула.

— Да. Вчера, когда я пришла искать тебя в театральном кружке...

Я рассказала обо всем без прикрас, и Ярл помрачнел еще сильнее. Дана только кусала губы, пока слушала, а после решительно произнесла:

— Ты все правильно сделала. С Аникатией связываться себе дороже. Да и не по-человечески это.

Я не особо рассчитывала на поддержку, особенно после того, что им устроил Люциан, но это было приятно. По-настоящему приятно, что рядом оказались те, кто не испугался авторитета моего бывшего жениха и не сбежал, как, например, Джиа. Но все-таки я не могла не уточнить:

— Ребята, если вас это напрягает, я отсяду, и...

— Да не заморачивайся, Ленор. — Ярл неожиданно посветлел, в темно-серых глазах отразилась улыбка. — Напрягало меня отношение Драгона. Мы с самого начала были у него на побегушках, и сначала это было круто... вроде как приближаешься к королевской семье, а потом... Потом понимаешь, что ты для него просто мальчик, которого можно выдернуть в любое время, послать, наплевав на чувства, над которым можно поржать с друзьями. Долгое время я просто боялся портить с ним отношения, а потом появилась ты, в смысле, вы начали мутить, и...

— И?

— Что — и? Я смотрел, как ты с ним общаешься. Спокойно. Не заискивая. С достоинством. А ведь тебе гораздо хуже, чем нам было изначально из-за... — Ярд осекся. — Ладно, давай закроем эту тему. Я просто к тому, что это давно пора было сделать. И с тобой мне нравится общаться просто потому, что нравится, а не потому что ты там чья-то невеста. Ты смелая девчонка, Ленор, и мне явно есть чему у тебя поучиться.

Вау. Такое признание от парня дорогого стоит, поэтому я улыбнулась.

— Взаимно, Ярд.

— Ну и ладно, — он кивнул на подносы. — Может, поедим уже?

— А как же театр?

— А что театр? — он пожал плечами. — Это не единственное мое хобби. Мы с Даной еще работаем в женском салоне, я занимаюсь стилем, она — макияжем. Так что заскучать точно не получится, ну это еще не считая уроков, которые нам наваливают. Правда, Дан?

— Правда, — девушка улыбнулась.

Вот так незаметно наш разговор развеял последствия люциановой тирании, а после мы переключились на другую тему и больше не возвращались к случившемуся. Ни за завтраком, ни на занятиях, ни в обед, ни после.

Когда все уже разбегались по домам через специально организованные порталы, я отправилась в кабинет к Валентайну. У меня в планах тоже было возвращение домой, в смысле, к Хитару, Макс, предстоящему завтра шоппингу и делам насущным, но, благодаря дополнительным занятиям по темной магии (азы для всех были раз в неделю), я успевала только на вторую волну порталов, со старшекурсниками. У них занятий было побольше, поэтому и разъезжались (или распорталивались?) они вечером. Вот с ними я и планировала уйти, а пока что шла в магистериум через парк, уже совершенно спокойно разглядывая магический Оксфорд.

Академия оказалась больше, чем я представляла ее изначально, она напоминала небольшой город — судя по тому, что мне удалось почитать и изучить. Первокурсникам здесь, разумеется, изначально устраивали полноценную экскурсию, но память Ленор мне не

досталась, или досталась какими-то урывками, поэтому на следующей неделе я собиралась обойти здесь все в компании Эвиль.

Знакомые, выложенные камнем дорожки, пестрели недавно опавшими листьями, и я рассматривала их, представляя, какой могла бы быть осень в моем мире. Наверное, очень дождливой, или, наоборот, очень солнечной: почему-то Петербург привыкли измерять дождями, хотя на самом деле он умел быть разным. Хмурым, пасмурным или теплым, раскрашенным яркими красками.

Сколько лет пройдет, прежде чем я перестану его вспоминать?

И перестану ли когда-то вообще?

С Валентайном сегодня тоже все шло быстро и профессионально: проверка на темную магию — никакого ответа — теория. Теория, поскольку он даже не мог мне показать, как создается плетение, потому что я не видела подпространство. Что же, мне хватало и этого, хотя я и не переставала надеяться, что моя странность проявится сама. Очень не хотелось подвергать свою жизнь угрозе или серьезной опасности, которая должна была спровоцировать новый выброс силы.

В определенный момент нас прервали, постучал тот самый секретарь и попросил Валентайна заглянуть к Эстре по какому-то срочному и неотложному вопросу. Судя по выражению лица, Валентайн собирался послать секретаря далеко и надолго, но тот что-то поспешно зашептал, и Альгор, бросив на меня какой-то странный взгляд, вышел. Оставшись одна, я приблизилась к шкафу, который уже успел тут появиться со дня моего последнего визита. Красивый, тяжелый, с узорчатыми створками, предсказуемо из черного дерева, с массивными отливающими бронзой ручками.

Парящая в воздухе хьерра лениво следила за моими передвижениями, но не проявляла ко мне ни малейшего интереса — ищейку интересовала только темная магия.

Помимо шкафа, в кабинете еще появились картины: укутанные в снега горы, черного цвета море, над которым светило тусклое серое солнце и падал странный, напоминающий хлопья вулканического пепла, снег. Да, у Валентайна куда ни посмотри — сплошное позитивное мышление и визуализация на высшем уровне. Я уже хотела отвернуться, когда увидела, что написано на корешках стоящих за стеклом книг.

«Воскрешение. Обряды, ритуалы и их последствия». Но больше всего меня поразило не это, а имя автора.

Валентайн Альгор.

Написана книга, насколько я могла была судить по корешку, не на драконьем, а на человеческом. Написана, напечатана... как тут правильнее сказать? Дабы не разводить гадания на пустом месте, я открыла шкафчик и, под ленивое шипение хьерры, вытащила тяжеленный том. Открыла: никаких входных данных вроде «Издательство ЭКСМО, Москва, год такой-то, тираж такой-то» обнаружено не было, только в обрамлении хищно-черных узоров повторялось название, поэтому я перелистнула дальше.

Книга была напечатана. Но что самое главное, она содержала информацию, которая могла мне помочь вернуть Соню. Я поняла это по оглавлению, раскинувшемуся на две страницы. Да даже по самой первой главе «Заново рожденные Древнего Эрда»...

— Ни на минуту одну оставить нельзя, — книга захлопнулась, взмыла с моих рук и вернулась на полку, с треском закрылись дверцы шкафчика. Валентайн выглядел не то чтобы довольным, а если быть честной — совсем недовольным. — Что ты здесь искала, Лена?

— Вообще-то ничего. Ты не сказал, что ты тоже книги пишешь, я удивилась, увидев твое имя на корешке. — Вот, даже врать не пришлось: уверена, что ложь Валентайн бы почувствовал. Чтобы окончательно сместить акценты с Сони, поспешно добавила: — Мог бы сразу сказать, что ты тоже писатель.

— Тоже? — Валентайн криво усмехнулся и прошел к столу, жестом указав на кресло. — Мне казалось, мы с тобой разобрались, что ты ничего не писала, Лена.

В его словах вроде не было ничего обидного, в интонациях же звучало продолжение «и не сможешь написать». А вот и смогу! И напишу. Правда, пока еще не знаю что, но я что-нибудь придумаю. После чего посмотрю на физиономию архимага-шовиниста.

С этой мыслью я уселась в кресло, вперив в него прищур. А твоим именем назову главного злодея и жестоко покараю в конце. Да!

Не знаю, «слышал» ли Валентайн мои мысли, но он, кажется, окончательно расслабился, и я выдохнула. Правда, не ожидала, что я окажусь настолько ближе к тому, чтобы вернуть Соню, как сегодня, и это просто заставило меня расцвести. Я-то думала, что придется

выуживать информацию из Альгора по кусочкам, по крупичкам, сопоставлять всякие заклинания, проверять самой... а он, оказывается, книгу об этом написал. Не спросить я просто не могла, это было бы подозрительно:

— Это вообще в честь чего? — указала на шкаф.

— Я не готов об этом говорить, — отрезал он. — Зато с удовольствием поговорю о том, что происходит в Академии.

— А что происходит в Академии?

— На тебя поступила жалоба, что ты угрожала девушкам. Используя тот факт, что на тебе мои браслеты.

Чего?!

— Девушки эти не из последних семей, поэтому ректор Эстре очень расстроилась.

Сказала бы я, из-за чего она расстроилась, но мне все равно.

— И ты поверил? — уточнила я. — Что я угрожала твоими браслетами?

— Разумеется, нет, — Валентайн произнес это так, будто я сказала вообще непонятную чушь.

— Но?

— Но у тебя появляются серьезные враги, Лена.

— Дай угадаю, кто на меня пожаловался. Драконова.

— Нет. Но горячо. Клавдия Лузанская.

Лузерская она, а не Лузанская.

— Тебе разве не говорили, что как педагог ты должен гасить конфликты, а не раздувать их?

— Еще мне говорили, что как педагог я полное днище, — изрек Валентайн, и я, сделавшая глоток воды, чуть не выплюнула ее обратно. Особенно когда вспомнила, при каких обстоятельствах это было сказано. Кабинет как-то разом перестал быть просторным и прохладным, как будто кто-то в невидимый камин поддал жару. Я даже глянула в сторону видимого, но с видимым все было окей. То есть он не горел.

— Как бы там ни было, я не сторонник утаивания информации и считаю, что врагов нужно знать в лицо. Даже если они не враги, а мелкие вредители, но иногда с этого начинаются большие неприятности.

Вот тут я была согласна. И не сказать даже, что я не знала о том, что Клавушка меня подсидит при первом удобном случае, а после прикроется Драконовой. Хотя тут непонятно, кто и кем прикрывается, поскольку София у них там главная заводи́ла, и без ее пука никто не посмеет ничего сделать. Чужим ртом гадости говорить безопаснее, ну да ладно.

— Все. К сведению приняли, идем дальше.

И мы пошли. Валентайн переключился на углубленное объяснение нашего странного созвучия: такая магия, когда он слышит мои мысли, была парадоксом. То есть у темных драконов существовало заклинание, благодаря которому главнокомандующие могли «говорить» в головы своих генералов, с его же помощью можно было отдавать приказы слугами в огромном замке, но я этого заклинания не знала. А начать заклинание мог именно тот, кто транслировал желаемое в голову другому (другим), этакая темная Останкинская телебашня.

Самое интересное заключалось в том, что предварительно созвучие еще и настраивалось с помощью другого мысленного заклинания, и Валентайн все это проделал под носом у Лэйтора. В этом не было ничего необычного. А потом он начал слышать меня.

— Получается, мне надо дождаться всплеска темной магии, потом произнести два заклинания, и я смогу транслировать тебе свои мысли? А когда темной магии во мне нет, не смогу?

— Это мы сможем проверить, только когда в тебе снова проявится темная магия, но я больше чем уверен, что дело не в этом. Ты не знала темных заклинаний, ты вообще пришла из другого мира.

А Ленор?

— Они как будто встроены в тебя и срабатывают при определенных обстоятельствах. Но тоже без какой-либо системы, поскольку иначе при попытке Лэйтора на тебя надавить, ты должна была выкинуть сеть Грихмира.

М-да. И правда никакой системы.

— А в тебе просто заклубилась магия, которая, к тому же, чуть не поглотила тебя.

Я вспомнила про наши посиделки в ванной, и камин еще слегка «подкрутили».

— Поэтому пока мы этот вопрос оставим, но я продолжу исследования. Предварительные выводы таковы.

— И... разве можно «встроить» заклинание в человека без его ведома?

— Я с таким не сталкивался. Встроенные заклинания — только для артефактов. И, если исходить из этой теории, ты — артефакт, Лена.

Глава 16

Люциан Драгон

— Она вошла в кабинет к Альгору и больше не выходила, — поспешно выпалила последние слова девчонка. — Ну, в смысле... я подождала достаточно, но Ларо так и не вышла, а потом там началась преподавательская суета, и...

При мысли о том, чем Ленор может заниматься в кабинете Альгора с его владельцем, потемнело перед глазами. От ярости. Золотая вспышка магии и писк Джиа немного отрезвили. Люциан сжал и разжал кулаки, а после тихо и очень неспешно поинтересовался:

— Какими были условия твоего прощения, напомни?

Девчонка побледнела. Настолько, что темные волосы резко стали еще темнее по сравнению с совершенно белым лицом.

— Я жду.

— Я... я должна следить за Ларо и не отходить от нее ни на шаг.

— Все верно. — Люциан улыбнулся, но эта улыбка больше напоминала оскал зверя. — А еще слушать. Если получится. Слушать, смотреть, очень внимательно. Запоминать и докладывать мне. Но что у нас получается? Не прошло и дня, как ты сливаешься из магистрериума, потому что решила, что достаточно подождала, или — как ты там выразилась — потому что началась преподавательская суета?

— Но... она правда началась. Магистры разъезжаются на выходные, для них открыто специальное окно порталов...

— Молчать, — резко осадил ее он. — Еще раз, Джиа. Ты следишь за Ларо. Докладываешь каждый ее шаг, и тогда, возможно, мы снова с тобой подружимся. Это понятно?

— Понятно, — испуганно закивала девчонка, — понятно!

— Что нужно сделать сейчас?

— Я вернусь туда и все выясню. Потом доложу вам... тебе.

— Умница. — Голос прозвучал издевательски, особенно в сочетании с жестом, указывающим на дверь.

Джиа как ветром сдуло, а он с трудом подавил вспышку обжигающего раздражения. В последние несколько дней его

раздражало абсолютно все, начиная от Драконовой — которая вела себя так, будто он ей обязан, и заканчивая этой совершенно никчемной девицей, которая, по-хорошему, вообще должна была выяснить, что там произошло за закрытыми дверями в комнате Аникатии.

С другой стороны, может и лучше, что она не суется поближе. Идиотка как есть, а ему совершенно не нужно, чтобы Ларо раньше времени узнала о том, что за ней следят. Так что пока пусть просто ходит следом, достаточно того, что ей хотя бы хватает ума оставаться незаметной. Ну а что касается Ани...

Люциан открыл портал прямо перед ее дверью, постучал. Некрасиво открывать дверь с ноги, но на некрасиво ему было плевать. Гораздо обиднее будет, если она запечатана магическим контуром, точнее, даже не обиднее, а больнее. Терпеть боль из-за этой ритхи Ларо — нет уж, увольте. Поэтому он привалился к стене и дожидался, пока Ани откроет дверь.

Вряд ли она соберется в родительское поместье, это слишком скучно. Несмотря на то, что Ани была любимой доченькой отца, она с большим удовольствием проведет свободные дни в Академии, чтобы ее не доставали. Проверяющие по выходным не ходят, можно приходить и уходить, когда вздумается, даже ночевать остаться где хочешь.

Впрочем, существовала еще крохотная вероятность, что он ошибся, которая тут же развеялась. Стоило щелкнуть магическому контуру.

— Ого, — издевательски протянула Ани, увидев его. — Какие драконы! И без охраны!

Не дожидаясь продолжения водопада сарказма, Люциан просто впихнул ее в комнату: так, что она пошатнулась на своих высоченных шпильках и чудом удержалась на ногах.

— Ты совсем уже...

— Совсем, — он с треском захлопнул за собой дверь. — Меня достали твои игры.

— Игры? — она приподняла темные густые брови. В прошлый раз они, кажется, не были такими густыми? — Не представляю, о чем ты.

Ее голос так и сочился сладостью, как ниифейский сироп, а судя по приподнятым уголкам пухлых губ, его подозрения были не

напрасными. Это взбесило окончательно. Это, а еще то, что с ней за его спиной Ларо о чем-то договаривалась. Договаривалась ведь, явно какую-то пакость готовят на пару.

— Не шути со мной, Ани, — недобро произнес он. — Я не в очень хорошем настроении.

— Да ты всегда не в очень хорошем настроении, — вскинула свои «лесные» брови драконесса. — Такое чувство, что ты девица и забыл поставить заклинание предохранения. И если ты явился, чтобы мне угрожать, то дверь...

Договорить она не успела. Люциан стремительно шагнул к ней и выкинул вперед руку. Заклинание королевской крови опрокинуло Ани в кресло, заставив завопить и забиться от коротких, пронзающих все тело разрядов боли. Длилось это считанные мгновения, но ей хватило: задыхаясь, она вцепилась в подлокотники, затравленно глядя на него.

— Не забывай о том, кто я и кто ты, — глядя на нее свысока произнес он. — Твой отец приносил присягу, и ты с момента рождения под властью моей семьи. Не имеешь права молчать, когда я спрашиваю. Не имеешь права дерзить, когда я задаю вопрос. Повторим еще раз, Ани: что за игры ты устроила? Что в твоей комнате делала Ларо?

— Да ничего я не устраивала, — завопила драконесса, явно перепуганная случившимся так, что дальше некуда. — Это все она! Все твоя Ларо! Явилась ко мне, чтобы предложить подставить тебя, сказать, что она тебя кинула, а ты так... где-то Драконову подобрал, чтобы от этого отмахаться.

— И ты хочешь, чтобы я тебе поверил? — Люциан приподнял брови.

— Да ничего я не хочу. — Аникатия выглядела искренне перепуганной, она так и не встала с кресла, что уже говорило о многом. — Если не веришь мне, спроси у этой... как ее... Ликарин Эстре. Твоя драгоценная Ларо как узнала, что я с ней общаюсь, так и прилипла к ней — устрой нам встречу, устрой нам встречу. Хотя они вроде поссорились до этого, но тут я уже не в курсе подробностей. Сам с ней разбирайся, если тебе интересно.

Люциан прищурился. С одной стороны, Ани — та еще интриганка, с другой... с другой Джиа рассказывала, что вчера Ларо сбегала в театр, а потом побежала к Эстре, после чего они вместе

пошли сюда. Вполне возможно, что такая идея могла прийти Ларо в голову после того, как она узнала про этих несчастных людишек, которым он указал на их место. Значит...

— Зови ее, — жестко сказал он.

— Кого?

— Эстре. Зови ее сюда. При мне. И не вздумай пытаться ее предупредить.

Драконесса, все еще опасливо косясь на него, коснулась своего браслета.

— Приглашение отправила, — сказала, сверкая глазами. — Но не факт, что она вообще явится. Все уже поразбежались на выходные.

— Эстре некуда бежать на выходные. С семьей у нее напряженно, насколько я знаю, — хмыкнул Люциан и отошел к окну. У Аникатии окна выходили на Дальний Край — возвышаясь надо всеми корпусами, из-за этого отлично просматривалась кромка облаков и где-то там, внизу, в прорехах, Хэвенсград. Он стоял вполоборота, чтобы исключить любую возможность, любую попытку драконессы как-то предупредить свою новую подружку, но та даже и не пыталась. Просто подтянулась повыше в кресле, перекинув волны густых черных волос через плечо, и настороженно смотрела на него.

Прошло, должно быть, минут пять или даже десять, прежде чем в комнату робко постучались, а после раздался голос Лики:

— Это я. Можно?

— Да, заходи, — произнесла драконесса.

Эстре влетела в комнату, наткнулась взглядом на Люциана и замерла:

— Я... э-э... точно вовремя?

— Что ты в ней вообще нашла? — поинтересовался он, магией захлопнув дверь за спиной вошедшей. — Она даже на драконессу не тянет, так, пародия.

— Я, между прочим, здесь, — негромко произнесла Эстре, ее невыразительное лицо пошло красными пятнами.

— Да ты что? — издевательски спросил Люциан, а потом уже более жестко добавил: — Расскажи про Ларо. Ты вчера с ней виделась. Зачем?

Девчонка обхватила себя руками, глаза забегали. Она испуганно посмотрела сначала на Аникатию, потом перевела взгляд на Люциана.

Явно испытывая желание слиться со стеной, что в комнате Ани ей вообще не грозило. Бывшая предпочитала роскошь и блеск, а если можно было представить себе более невзрачное существо, чем эта нелепая дракономышь, то Люциан его еще не встречал. Ликарин Эстре воплощала собой все, что можно было не заметить, даже если оно прыгает и орет. Что самое смешно, Ларо до дуэли была такой же...

К драхам Ларо!

— Рассказывай, — разрешила Ани. — Правду.

— Я... ну... я вчера делала уроки, когда она ко мне пришла. Сказала, что ей нужно поговорить с Ани, и чтобы я их познакомила, потому что я вроде как с ней общаюсь. Потом я ее привела, и она начала говорить что-то о том, что с тебя нужно сбить спесь и устроить тебе хорошую жизнь. А для этого ей пригодятся влияние и связи Ани, и она предложила распустить слух, что она первая тебя кинула. Разумеется, Ани...

— Я ее послала. Доволен? — Драконесса резко поднялась. — Потому что не в моем стиле делать гадости даже таким, как ты, Люциан. Ну а сейчас лучше уходи. Видеть тебя не могу.

Люциан хмыкнул. Снова перевел взгляд на Эстре, которая жалась у стеночки в тщетной попытке слиться с окружающей обстановкой.

— Я не знала... — опять засюсюкало это ничтожество. — Я не догадывалась, о чем она вообще говорит... то есть собирается говорить. Если бы знала, ни за что бы не повела ее к Ани, Люциан. Правда! Я тоже считаю, что это ужасно...

Он скривился. Прошел мимо оправдывающейся девицы, с трудом удержавшись, чтобы в показном жесте не отдернуть руку, когда выходил. Хлопнул дверью, сунул руки в карманы, направляясь по коридорам в никуда. Можно было открыть портал куда угодно, но не хотелось. Ему снова ничего не хотелось, как тогда, в тот день, когда он нажрался дорнар-оррхар, а на следующее утро проснулся с Драконовой сверху.

Спокойствие было обманчивым.

Настолько обманчивым, насколько это возможно, потому что сейчас под его плотной стальной оболочкой в сосудах вместо крови струилась раскаленная добела ярость.

Аникатия Эльдор

— Ушел? — нетерпеливо поинтересовалась драконесса.

Ли́ка выглянула в коридор и тут же вернулась.

— Ага.

— Вот драх! — Она пнула кресло, в котором только что сидела, с такой силой, что оно отлетело к стене. Аникатия поморщилась, стянула туфли и с рыком швырнула их в сторону двери. Одна каблуком пробила портрет маменьки и застряла в нем, а стоявшая рядом Эстре присвистнула.

— Ого!

— Да что он себе позволяет! Да он... — продолжала кипятиться драконесса, в глазах ее за клубилась магия, искрами огня проявляясь на пальцах.

— Так, давай успокоимся, — Ли́ка вытащила туфлю и накинула на комнату Cubrire Silencial, — во-первых, его здесь нет. А во-вторых...

Она постучала каблуком по ладони.

— У нас же все получилось. Чего ты бесишься? Все, как ты и сказала — после того как эта дурочка Джиа скормит ему информацию, он придет. Не сегодня, так завтра. Так ты сказала? Так и получилось. Закрой дверь, кстати.

Опомнившись, Аникатия замкнула контур и, раздувая ноздри, вырвала из рук Ли́ки туфлю.

— Ненавижу его!

— Да, есть за что, — фыркнула Ли́ка. — Большого сноба я еще не встречала.

— Ты уверена, что эта Джиа нас не сдаст? Она же трясется перед ним, как лист на ветру.

— Уверена, — хмыкнула Ли́ка. — Она понимает, что для Люциана она никогда не станет подружкой, ну разве что принеси-подай. Ты же слышала, как он с ней разговаривал вчера после завтрака? Буквально опустил на глазах у всех. Ну и к слову, перед тобой она трясется не меньше, а если ты дашь ей понять, что действительно станешь с ней дружить... В общем, думаю ты и без меня прекрасно все понимаешь.

Драконесса хмыкнула. Ярости в ней поубавилось, она отложила туфлю и снова уселась в кресло, правда, на этот раз по своей воле. И тут же вскочила: воспоминания о заклинании королевской крови еще были слишком свежи. Да как он посмел! Как он посмел применить это к ней! К дворянке! К дочери советника!

Ну да ничего. За это он тоже ответит.

В самом скором времени.

И второй раз — когда будет вымаливать у нее прощение на коленях!

— Ладно, с Ларо у нас пока получилось. Но что делать с Драконовой?

— А зачем с ней что-то делать? — Лика наклонила голову.

— То есть?! Мы же договаривались, что уберем от Люциана всех девиц, которые...

— Драконова нам не враг, Ани, — насмешливо произнесла Лика.
— Неужели ты не видишь? Люциану на нее плевать.

— Но они все время таскаются вместе...

— Ключевое слово: таскаются. Но следит он за Ларо. Психует из-за Ларо. Ты вообще видела раньше, чтобы он по кому-то так загонялся?

Драконесса задумалась, но после покачала головой. Нет, Люциан никогда и ни с кем не вел себя так, как рядом с этой выскочкой. Да что говорить, он на ней просто помешался! Даже после показательного расставания, даже после всего, что они друг другу говорят в столовой. В ее мысли ворвалась Лика:

— Нам надо убрать ее. По-хорошему — из его жизни. Навсегда. В идеале из Академии. А Драконова... Драконова может стать нашей союзницей. Ты же понимаешь, Ани? Она ненавидит Ларо. Если она поймет, что Ларо для нее угроза... словом, нам надо подумать, как с ней подружиться. И я даже знаю, с чего начать. Точнее, с кого.

— С кого же?

— Клавдия, — Лика усмехнулась и, подтянувшись, забралась на подоконник. — У нее постоянно стычки с Ленор. София в последнее время стала как-то помягче, а вот Клавдия умеет кусаться. В любом случае, надо к ней присмотреться. Составить план и только после этого действовать.

В словах девчонки был смысл, и Аникатия удовлетворенно хмыкнула. Все-таки она сомневалась, подпуская к себе Ликарин Эстре, но она оказалась чрезвычайно полезна. Именно она предложила идею (которая, правда, не сработала) с тем, чтобы пустить слух о том, что Ларо кинула Люциана. Первая не сработала, и Эстре тут же предложила следующую — заметила, что за Ларо следят и лично перехватила эту Джиа. Притащила к ней, трясущуюся от страха: еще бы, если бы Люциан узнал, что она так нелепо спалилась, ее бы ждала вечная опала. А так все в выигрыше.

И насчет Лузанской она права. В компании Драконовой эта девушка самая зубастая. Даром что человек, но ничего, с этим можно смириться.

— Да. Так и поступим, — она довольно улыбнулась.

Лика кивнула.

— Какие планы на выходные?

— Только что поменялись. — Аникатия зло улыбнулась.

Девушка вопросительно приподняла брови.

— Вернусь домой. Хочу провести время с родными.

Разумеется, говорить ей о том, что она задумала, Аникатия не собиралась. Это касается только ее и Люциана. И Люциан свое получит. За все. Сполна.

Глава 17

Лена

Да вашу ж дракономатерь! Только артефактом я еще и не была, хотя... еще я не была любовницей Альгора.

Тьфу. Ну и бред в голову лезет!

— Что в принципе очень странно, поскольку тело принадлежало Ленор, и, насколько мне известно, тэри Ларо ничего особенного из себя не представляла, — философски продолжил Валентайн. — Все началось с твоим «подселением». Или же я ошибаюсь насчет Ленор.

— Так... а с этого момента поподробнее, пожалуйста? — поинтересовалась у архимага, который задумчиво меня изучал. Примерно как ученый — объект исследования, и я даже не знаю, что меня напрягало больше. То, как он смотрел на меня раньше или то, как смотрит сейчас.

— Чтобы проверить эти теории, мне нужна как минимум лаборатория, какая была у твоей матери. То есть у матери Ленор, разумеется, — Валентайн прищурился. — Но я бы пока не стал заглядывать так далеко. Давай исходить из того, что в тебе просто спонтанно просыпается магия.

Я за! Где нужно расписаться?

— У Эвиль Ларо была лаборатория?

— Разумеется, она же одна из выдающихся ученых Даррании.

Мама!

В прямом и переносном смысле. Не то чтобы я была против ученых, но история нашего мира гласила, что не все эксперименты хорошо заканчиваются. Взять хотя бы Марию Кюри, и если Эвиль Ларо как-то случайно куда-то подо что-то попала... под действие темной магии... во время беременности...

Стоп. А она вообще имела право заниматься темной магией?

— Что ты знаешь о моей... о матери Ленор? — я в упор посмотрела на Валентайна.

— Только то, что она совершила покушение на Керуана.

— А лаборатория?

— В лаборатории не нашли ничего, связанного с темной магией.

— Ее лаборатория располагалась дома?

— Нет. Кто же устраивает исследовательские магические лаборатории дома, — фыркнул Альгор.

— Ты знаешь, какие исследования она проводила? — я сложила руки на груди.

Валентайн наклонил голову, глядя на меня или сквозь меня. Этот взгляд был говорящим, хотя как раз говорить, а точнее, рассказывать, мне явно ничего не собирались.

— Мы, кажется, договаривались о доверии, — произнесла я.

— Верно. Но это не моя тайна, Лена.

— А чья?

«Сезара», — неожиданно подумалось мне. Если Сезар родился с двойной магией, велика вероятность, что от темной магии, от магии смерти темных драконов его хотели избавить. Могли ли такое поручить Эвиль Ларо? Секретно? Возможно ли такое вообще? Все это я могла узнать от Валентайна, если бы он не играл в молчанку и не изображал из себя хранителя чужих тайн.

А я ему, между прочим, про попаданку сказала! Он единственный, кому я об этом сказала.

Вот так глупо стало обидно, как вообще давно не было. Альгор еще и подлил масла в огонь:

— На сегодня достаточно, — заявил он, резко поднимаясь из-за стола.

Ну достаточно так достаточно. Я поднялась так же резко, схватила сумку.

— Куда ты собралась, Лена? Я открою тебе прямой портал к дому.

— А я не говорила, что собираюсь домой, — язвительно заявила я.

Ну давай, Лена, еще язык ему покажи! Захотелось пнуть не то Альгора, не то себя, не то дверь, но я сдержалась. Бальзамом на душу стал знакомо сверкнувший серебром взгляд.

— Куда же?

— Это не моя тайна, — хмыкнула я. — Чудесных вам выходных, архимаг.

И, пока архимаг собирал весь свой темный сарказм, я ретировалась за дверь. Понимая, что не захоти он меня отпускать, не отпустил бы, и от этого почему-то стало еще обиднее. Ну да и ладно,

хочется мне обижаться — буду обижаться, имею законное право на четыре дня женской радости в дурном настроении.

А с тем, чем занималась мама, то есть Эвиль, сама разберусь!

Разумеется, никаких планов у меня не было, поэтому я дожидалась исключительно открытия портала для старшекурсников. Успела прогуляться по парку, и, когда перед центральным входом в Академию стал собираться народ, тоже направилась туда. Запоздало подумала о том, что стоило бы предупредить Хитара, чтобы меня забрали. Эх, никак не привыкну к тому, что в этом мире все по-другому. Интересно, а такси у них есть?..

Эту мысль прервал звонкий хлопок. Настолько звонкий и резкий, что выбил меня из мыслей о том, как же, собственно, я буду добираться домой. Не только меня: все смотрели в одну сторону, а кто-то еще и выпустил какие-то странные конусообразные (напоминающие свет из стареньких кинопроекторов) лучи из браслетов. Сначала до меня дошло, что они таким образом снимают происходящее. Как снимали эпическую встречу Ленор и Софии, чтобы выложить ее в местный недоаналог Инстаграма, или как тут у них это называется.

«Флидхаар», — подсказала память.

А потом я увидела Драконову и держащегося за щеку Сезара Драгона. София даже несмотря на свой загар полыхала от гнева, а старший Драгон смотрел на нее так, словно не мог поверить в то, что только что произошло.

Все замерли, а может, даже само время замерло. На мгновение. Потом крутанулось и полетело по новой, потому что Сезар Драгон просто взвалил Софию на плечо — легко, как будто она была пушинкой, и, невзирая на ее яростное сопротивление, то есть попытки дергаться и колошматить кулаками по широкой спине, исчез вместе с добычей в индивидуальном портале.

Толпа ахнула. Больше всего потрясенной выглядела Клавдия, хотя могу и ошибаться. У меня не было под рукой такого прибора как стремномер (или стремноном?), и заклинания похожего я не знала. Пока. Надо будет поискать.

— Не представляю, что скажет Люциан... — донеслось откуда-то возбужденное.

— А мне интересно, что скажет Женеьев.

Тут все почему-то посмотрели на меня. Ну ладно, понятно почему, в меня ткнули пальцем: Клавдия, которая о чем-то откровенно шепталась с другой фрейлиной.

— Ларо, а ты ничего сказать не хочешь? — ехидно поинтересовалась какая-то незнакомая старшекурсница.

«Идите в жопу» звучало недипломатично, поэтому я покачала головой. Собиралась уже отвернуться, когда услышала:

— Что она вообще тут делает?

— Ну как бы подстилке Альгора не положено с однокурсниками через порталы ходить, нужно окружение рангом повыше.

Я так и не поняла, кто это сказал. Точно не Клава, но кто-то из адептов-старшекурсниц. В этот момент я осознала две вещи: если хочется кого-то послать в жопу, надо посылать — потому что все они собрались здесь явно не просто так. И второе: стоять в этой расчудесной компании мне резко расхотелось. Поэтому я развернулась и ушла, устроилась на скамеечке и принялась гуглить, то есть эвильить, кто такая Женевьев.

Может, зря конечно. Может, стоило снять браслеты и попытаться проверить, артефакт я все-таки или просто имею внутри себя спонтанную спящую темную магию. Может быть, я так и сделала бы. Если бы не Валентайн. Если бы не его отец. Если бы не еще много бы: откуда я знаю, что вообще может произойти, когда во мне в следующий раз проснется магия темных драконов?

Поэтому я сидела и читала про невесту Сезара. Женевьев закончила Академию в этом году. Ее семья была одной из сильнейших, ее называли королевской даже несмотря на то, что правил Ферган. Отец Женевьев был примерно равен ему по силе (плюс-минус), и объединения двух сильнейших фамилий ждала чуть ли не вся Даррания.

Хрупкая светловолосая принцесса ничем не напоминала ту, что может жахнуть в случае, если узнает о перекинутой через плечо Драконовой, с другой стороны, кто из нас напоминает? Я вот, например, тоже мелкая и тощая, но если сниму браслеты... В общем-то, Женевьев отмечали не только за силу крови, но и за ее доброе сердце. Она занималась благотворительностью из собственных средств (читай за счет собственной магии) организовала детскую школу-приют, которую курировала лично.

С Сезаром их ожидал договорной политический брак, но, насколько я поняла, они действительно встречались. По крайней мере, местный Фейсбукограм показывал вполне милые их «фоточки» на прошлом зимнем балу, на выпускном балу принцессы, в городе, куда они выбирались вместе, а еще возле приюта.

Они стояли вдвоем, улыбаясь собравшимся рядом с ними детям. Явно счастливым, и в целом от этого запечатленного с помощью магии изображения веяло солнечным теплом. В кадр попала еще молоденькая воспитательница, подхватывающая на руки совсем крохотную девчушку, и это тоже было очень мило.

Я так зачиталась про будущую королеву, что не заметила, как открыли портал. К счастью, обернулась на возбужденные голоса и, быстро подхватив сумку, побежала туда. Порталов на мою беду оказалось несколько, и в какую очередь становиться мне, я вообще категорически не понимала.

— Тебе куда? — поинтересовалась миловидная рыжеволосая девушка, которая стояла в самом конце очереди.

— Мне на Центральный Хэвенсградский.

— Это туда, — она ткнула в самую быстродвигающуюся очередь.

— Спасибо.

Девушка пожала плечами и шагнула в свой. Я же быстро добежала до указанного, встала в самый конец. На меня обернулись стоящие впереди парни-близнецы, светловолосые настолько, что проще было бы назвать их снежноволосыми, но ничего не сказали. Они ушли в портал, следом за ними шагнула я... и поняла, что это точно не Центральный Хэвенсградский. Потому что в довольно просторном зале несмотря на многочисленные пылающие под потолком сферы царил полумрак, а за окнами вовсю мело. Снега в вечерних сумерках было столько, что из-за этого высоченные окна зала казались отрезанными от мира. За моей спиной гроыхнуло смехом, я обернулась...

И портал в Академию схлопнулся прямо перед моим носом.

Близнецы, которые шли передо мной, уже скрылись в дверях, ни разу не обернувшись, ко мне же подошла девушка в светло-зеленой форме.

— Тэри, — недовольно произнесла она, — не стойте в зоне открытия портала, нам нужно провести разрядку магического фона

перед следующим.

Тэри, мысленно вспомнив всех добрых старшекурсников, отправивших ее неведомо куда, добрым словом, прошла в зал и огляделась. Сам по себе он напоминал вокзал (взять тот же Московский) с зонами ожидания, сувенирными отделами, всякими местами для перекуса и прочей радостью. Вот только выходов на перрон не было, вместо них — порталные зоны. Неподалеку от места, откуда я отошла, в воздухе полыхнуло и раскрылся портал.

— Принимается переход из Нуаринга, — прорычало по залу.

М-да. А я, похоже...

«Добро пожаловать в Портуале», — мерцала вывеска над дверями, ведущими вот в ту снежную жуть. То есть не жуть, конечно же, уютный зимний вечер. Если у тебя есть как минимум курточка, а желательно — пуховик, как у Кенни*.

Благо хоть я успела немного покопаться в местном мироустройстве и поняла, что оказалась на Севере. То есть там, где совсем неподалеку от городка, в горах находится еще одна академия. Ну вау, что уж там. Получается, что меня отправили в самый удаленный от Хэвенсграда портал, а я, умница такая, даже не удосужилась проверить или переспросить. Правда, не факт, что мне бы другие сказали правду.

Мысленно ругнувшись еще пару раз, я огляделась повнимательнее: там, где стояла я, был принимающий зал. Зал отправных порталов располагался справа, по соседству, и, к моему несказанному счастью, выходить и тащиться через заснеженную улицу ко входу было не надо, можно пройти насквозь.

Что я и сделала. Еще бы тут расписание найти... и кассы. Вообще будет счастье века. Ладно хоть переживать не надо по поводу оплаты за билет, или как это у них тут называется. Спасибо Валентайновым денежкам, то есть Валентайновой магии. Мне, конечно, должны были выдать законное от Хитара, но до Хитара я еще не добралась, а когда доберусь...

Уй, чтоб вас!

Такая мысль посетила меня, когда я все-таки нашла расписание. В старинном бронзовом обрамлении в зале на постаменте стояло нечто, напоминающее не то голографический лист бумаги, не то дисплей навигатора в торговом центре. На нем я и увидела, что портал в

Хэвенсград только что закрылся, а следующий будет через два часа. То есть ближе к ночи.

Про регулярные рейсы в столицу в Даррании, видимо, тоже не слышали. Либо же направление не пользовалось спросом перед выходными. Оставив в покое местный информационный стенд, я направилась к кассам.

— Мне нужно в Хэвенсград, — сказала я, поправляя сумку на плече, женщине в очках и в такой же светло-зеленой форме, в какой была та, что прогоняла меня из зоны открытия порталов.

— Сожалею, — она оглядела меня с головы до ног, — но дешевых билетов нет.

Да, мне однозначно надо менять гардероб. Хотя я вообще-то в форме. Во всех смыслах.

— Мне можно недешевый, — сказала я.

Кассир поправила очки.

— Девочка, остались только самые дорогие. Первое и второе место.

Про порталы я не то чтобы много знала, но исходя из всего изученного и уже имеющейся у меня информации могла предположить. Создаются они с помощью магического разрыва пространства в двух точках, и это в свою очередь порождает очень сильный магический фон в месте разрыва. Проход первым и вторым, очевидно, считается чем-то вроде местного бизнес-класса, и не только потому что ты проходишь первым, но и потому что в момент разрыва колебания магического фона сведены к минимуму, а дальше с каждой секундой они идут по нарастающей. Поэтому и нельзя один портал держать бесконечно, поэтому не получится открыть следующий за закрывшимся портал в Хэвенсград из Портуале через пять секунд, может произойти магическая неприятность. И проходить первыми лучше исключительно потому, чтобы особо чувствительным не сделать потом буэ из-за давления магически концентрированного колебания.

— Давайте первое, — сказала я.

У кассира округлились глаза, но больше она ничего не сказала. Протянула местный аналог «терминала», который высосал оплату за билет у меня из браслета (интересно, как вообще проверять, сколько с

меня списали? Надо будет задать вопрос Эвиль), а взамен в браслет влетела сине-голубая искорка.

— Ваш проходной импульс. Портал в Хэвенсград откроется в Первом ряду. Вы имеете право воспользоваться залом ожидания для особых гостей.

О как.

— И питанием в том числе.

— Спасибо, — я освободила кассу к явному удовольствию тех, кто стоял за мной, и направилась искать местный бизнес-зал. По сути, здесь все было очень цивилизовано: магические указатели не просто мерцали в воздухе, их можно было даже попросить тебя провести куда угодно, если виритт или виритта заглянули. Я как раз наблюдала один такой случай, когда в глаза бросилась огромная картина? Скульптура? Я не знала, как назвать то, что расположилось за многочисленными рядами кресел общего зала ожидания, просто было очень красиво. Каменные бюсты выступали прямо из стены и мерцали, подсвеченные золотом магии, явно с отсылкой к королевской семье.

Над этими бюстами мерцало: «Ими гордится Портуале», и я подошла поближе, посмотреть. Здесь был какой-то гритт, несколько выдающихся ученых, изобретатель маджикаров, а слева на стене я увидела след от сбитой скульптуры. Выровненный, аккуратненький, но все-таки понятно, что там кто-то еще был. Присмотревшись к буквам, затертым настолько, что различить их можно было с большим трудом, я замерла.

Потому что затирали имя моей... то есть имя матери Ленор.

Эвиль Меррале-Ларо.

— Хорошая была девушка. Добрая, — раздался за моей спиной старческий голос.

*Персонаж мультфильма South Park

Обернувшись, увидела стоявшего рядом со мной мужчину. Лет восьмидесяти, если не больше: полностью седой, сухонький, с меня ростом, он рассматривал именно место, где находилась скульптура Эвиль.

— Вы ее знали? — вырвалось у меня.

— Знал ли я ее? — Мужчина перевел взгляд на меня, подслеповато щурясь даже через очки. — Я ее учил, тэри. Моя лучшая адептка.

То, с какой гордостью он говорил, подкупало. Не меньше подкупало и то, что во всей Даррании супруги Ларо стали париями, а этот человек откровенно признавался в том, что был учителем Эвиль.

— Я ее дочь, — сама не знаю, зачем это сказала. Чисто технически я дочерью Эвиль Ларо не была, да и о чем мне говорить с ее преподавателем? Но мужчина неожиданно нахмурился и подался вперед, вглядываясь в мое лицо, словно пытаюсь понять, не лгу ли. Руки у него слегка подрагивали, и мне почему-то подумалось, что он поразительно напоминает старичка из второго подъезда.

У него было прозвище Люк Бессонович — потому что все знали, что в советское время он был режиссером в небольшом театре, и, несмотря на то, что Люк Бессонович (на самом деле Евгений Дмитриевич) регулярно делал зарядку в небольшом садике под окнами нашего дома, после восьмидесяти пяти начал изрядно сдавать. Родные к нему не приезжали, а все его заслуги перед искусством были позабыты и остались в прошлом. Я помогала ему таскать сумки с продуктами и иногда бегала в магазин по его просьбе — от покупок на мои деньги человек старой закалки категорически отказывался, а вот такую помощь принимал с благодарностью.

В его двухкомнатной квартире в рамках висели фотографии с репетиций и с выходов на бис, кажется, я знала историю каждого из актеров, кто откуда пришел, куда потом ушел, как сложилась карьера каждого из них. Сидя за застеленным клеенкой в крупную красную клетку столом, Евгений Дмитриевич часами мог разглагольствовать о том, кто и на ком женился, у кого был роман, кто отлично играл, а кто пытался спустя рукава изобразить то, что даже не чувствовал.

Все это в один момент пронеслось у меня перед глазами, а еще неожиданно пришла мысль: неужели у этого человека тоже никого нет?

— Да... да, ты на нее похожа, девочка. Одно лицо, — произнес, наконец, мужчина.

— Ленор. Меня зовут Ленор, — я протянула ему руку. — Я учусь в Академии Драконова.

— Дмитрий Крижановский, — представился мужчина в ответ. — А я преподаю в Роусделе. Точнее, преподавал.

Роусдел! Та самая академия, основное направление которой — магическая наука. Вот только почему Эвиль Ларо училась тут? Она же жила в столице... или нет?

— Очень рада знакомству, — искренне произнесла я. — Вы тоже куда-то собираетесь?

— Я? Нет. Дочку жду, она у меня в столице. В Хэвенсграде работает, но каждые выходные приезжает в гости, — морщинистое старческое лицо озарилось улыбкой. — Вот-вот портал откроют, но я тут пока хожу. Разминаю кости, и так сижу все время.

Меня так и подмывало спросить, что он преподавал, и хорошо ли знал мою маму, но я не представляла, с чего начать разговор.

— Хотите, похожу с вами? — предложила я. — У меня рейс... портал еще не скоро, могу составить вам компанию.

— Я с радостью. Главное, чтобы тебе со стариком не скучно было.

— Мне не будет, — заверила я, и мы направились вдоль стены с гордостью Портуале в дальний конец зала ожидания. — Значит, Эвиль, у вас училась?

Спросила и поняла, что брякнула, но Дмитрий моей ошибки не заметил.

— Да, всегда помогала мне. Очень талантливая. Не то, что ее брат. Тот хоть и пыжился, и надрывался, вечно что-нибудь путал так, что волосы на голове дыбом. И с магией ему не так повезло, силы поменьше, чем у сестры, вот он и пытался все время ее подсидеть. Постоянно пакости какие-то устраивал, чтобы ее обойти. Я еще говорил, что из него толку не будет... а вот поди ж ты, — мужчина скривился, потом продолжил: — Даром, что не родной.

Ого.

— Хитар Равен? — уточнила я.

— Да, он самый. Усыновили его родители Эвиль, когда у них дочка уже была.

А ведь и правда. Если подумать, Меррале — девичья фамилия Эвиль, а Равен... получается, Равен вообще не из их семьи.

— Так они здесь жили? — вырвалось у меня.

— Что-то ты слишком мало о своей семье знаешь, — на меня укоризненно посмотрели. — Да, родом они отсюда. И бабка с дедом

твои тоже, Эвиль остаться здесь хотела, но ее забрали в столицу, когда слух пошел о ее таланте. Ну это всяко предсказуемо было. Перевели в Академию Драконова по королевскому гранту. А братец, разумеется, за ней увязался. Худо-бедно, но тоже втиснулся как-то. Уж не знаю, как она их там уговорила.

Хотела подробностей, Лена? Получай. Разговор с преподавателем Эвиль еще больше заставил увериться в том, что Эвиль над чем-то работала. Над «чем-то», связанным с Сезаром, потому что просто так королевские гранты не раздают. Или раздают? И у меня уже на почве всего просто паранойя разыгралась?

Про родителей Эвиль я спрашивать не стала, но тут объявили, что открывается портал из Хэвенсграда, и я проводила Дмитрия в зал ожидания. Глядя на то, как мужчина обнимается с дочерью, улыбалась, а после того, как они вместе вышли в метель, все-таки вернулась к залу для особых клиентов и устроилась там на диванчике, неподалеку от небольшого искусственного водопада.

Мне все время казалось, что я упускаю что-то важное, и сейчас это чувство только усилилось. Решив, что над таким стоит думать на свежую голову, я закрыла глаза, а открыла от того, что надо мной стоял Валентайн.

Очень злой Валентайн.

Глава 18

Пока я сонно моргала на своего «покровителя», он совершенно непокровительственно прищурился и выдернул меня из мягкого, между прочим, кресла. Спустя мгновение мы уже были в той самой спальне, в которой я устроила разгром: сейчас, правда, она была в полном порядке. Не считая ее природной мрачности.

— Что... — начала было я.

— Как ты оказалась в Портуале?! — почти прорычал Валентайн.

Вот тут я окончательно проснулась: во-первых, сложно не проснуться, когда на тебя рычат. Во-вторых, обидно все-таки. У меня там портал... оплаченный. Правда, им же и оплаченный, но все равно обидно. А в-третьих...

— А ты как там оказался? — поинтересовалась я.

— Очень просто. Одна примерная адептка сообщила мне, что у нее планы и что она сама доберется домой. И вот в полночь...

— Когда? — Глаза сами собой распахнулись очень широко.

— В полночь, — ядовито подсказал Валентайн. — Ко мне врывается этот недоделок Хитар Равен и орет, чтобы я немедленно вернул ему его приемную дочь. В эту минуту я понимаю, что его приемная дочь, то есть ты, просто-напросто исчезла. Хотя мне сказала, что собирается домой.

Э-это что еще такое было?! Нет, то, что я проспала, я уже поняла. Причем ни один добрый человек, работающий в зале для особых клиентов, не разбудил меня и не сказал, что мой портал на Хэвенсград, как тот поезд Москва-Воркуту — тью-тью. Но вот это что сейчас было? С какой стати он меня отчитывает, как... как какую-то школьницу?! Да, на мне его браслеты, но все это фикция. И, если уж на то пошло, я не его женщина и быть ей не собираюсь. Никогда!

— Во-первых, — в точности копируя его ядовитый тон, заявила я, — я сказала, что у меня планы. Во-вторых, отчитываться перед тобой я не обязана. А в-третьих, спасибо, что сказал дяде про нас, мне объяснять не придется. Теперь верни меня домой, и я пойду спать.

Глаза у Валентайна почернели очень недобро.

— Что ты делала в Портуале, Лена?

— К любовнику ездила! Ай...

Я не успела пискнуть, как мир перевернулся. Что-то похожее, наверное, испытала Драконова, когда Сезар перекинул ее через плечо, потому что сейчас я висела вниз головой на плече Валентайна. Недолго, правда, уже спустя мгновение я кувыркнулась в пуховые перинки кровати, на лету успев удивиться. В прошлый раз здесь было гораздо жестче... в смысле, матрас, сейчас же я просто провалилась, как в сугроб, который так же мягко спружинил и «выплюнул» меня на поверхность.

— Ты слушала, когда я говорил? — холодно поинтересовался Валентайн, опираясь ладонями о кровать и оказываясь со мной лицом к лицу. — Про моего отца? Понимаю, его имя звучит для тебя недостаточно серьезно, но придется привыкнуть. К тому, что этот мир — не твой мир. К тому, что путешествовать непонятно куда непонятно зачем — опасно. Особенно посреди ночи. Особенно тебе. И, поскольку ты всего этого не понимаешь, будем учить.

Он двигался так быстро, что я едва успевала следить за молниями его движений. Раз — и Альгор уже сидит на кровати. Два — и меня так резко дернули к себе на колени, что я растянулась поперек. Правда, на удивление гармонично, а вот когда его ладонь мягко легла на мои ягодицы, я задохнулась. От такого прикосновения все внутри вспыхнуло, а потом еще и дополнительно заискрило, когда Валентайн произнес:

— Тебя в детстве часто шлепали, Лена?

Что? Нет! Нет-нет-нет.

При мысли об этом меня всю перетряхнуло, и я совершенно ненормально задержалась в руках Альгора, брыкнулась, кулаком попала ему в коленку и свалилась на пол. Правда, на полу тоже надолго не задержалась, с такой скоростью я еще не бегала. Спустя минуту дверь в ванную уже захлопнулась с треском. Я даже успела подтащить к ней тумбочку, когда внутри предсказуемо открылся портал. Не в тумбочке, к сожалению, а в ванной. Я попятилась, наткнулась на стену и выставила вперед руки:

— Не подходи! Не подходи, или...

Поблизости не было даже ничего, чем я бы могла защититься, но я как-то запоздало вспомнила про браслеты.

— Лена.

Пальцы дрожали, меня всю трясло, поэтому разомкнуть проклятые металлические оковы не получалось.

— Лена, успокойся. Я тебя не трону.

Слова, его голос доносились до меня как из какой-то трубы, но я все же каким-то образом уловила их смысл. Очередная попытка раскрыть браслеты не увенчалась успехом, зато на глаза навернулись слезы, и меня затрясло еще сильнее. От того, что я только что пережила. От того, что почувствовала, когда его ладонь легла на мои ягодицы — до его первых слов. От унижительного чувства собственной беспомощности, но главное — от того, что я сейчас выглядела, как... как истеричка. Или, скорее, как перепуганный котенок, которого в угол загнала свора собак.

Валентайн собакой, конечно, не был, но все это произошло у него на глазах!

Мне захотелось провалиться сквозь землю, или чтобы он провалился сквозь землю. Да, лучше, чтобы он! Видеть его не могу.

— Уйди, — сказала я, стараясь вложить в голос побольше уверенности и силы.

— Лена, в чем дело?

— В чем дело?! — Я сжала кулаки, с трудом сдерживаясь от того чтобы не заорать. — Ты меня спрашиваешь, в чем дело?!

— Да. Спрашиваю. Потому что твоя реакция не нормальна.

— Моя?! — я задохнулась. — Моя?! Ненормально переворачивать меня вверх тормашками и угрожать поркой! Вот что ненормально, Валентайн! Но в твоём мире, как ты выразился — может быть и вполне нормально, я не знаю. Если это так, я не хочу иметь с ним ничего общего, ни с ним, ни с тобой! Я лучше сразу сдамся туда, куда положено сдаваться с темной магией.

— Я сказал, что тебя не трону, — его взгляд потемнел.

— Да иди ты! — выражение из моего мира как нельзя лучше описывало мои чувства и мою веру в его слова. — А еще ты говорил, что не будешь меня лапать. Ну и помимо этого, вытаскивать меня спящую, орать на меня... после того, как я по ошибке влезла не в тот портал, а потом долго разбиралась, как мне попасть обратно и заснула потому, что устала — вот это вот все...

Во мне кончился воздух, зато в Валентайне он, похоже, начался:

— Сразу нормально объяснить нельзя было?

— А когда ты нормально со мной разговаривал?!

М-да. Не орать все-таки не получилось. От моего голоса вскрикнул, кажется, даже кафель — и не осыпался мне под ноги, наверное, исключительно благодаря не той звуковой частоте. Хорошие новости, впрочем, тоже были: Валентайн не двигался с места, только глаза его меняли цвет — от человеческого темного до магического серебра, а после — до самой смерти, напоминающей черную ночь. Черты его лица заострились, стали хищными, но мне было уже как-то все равно.

— Верни меня домой, — твердо сказала я. — Или дай пройти. Сама доберусь.

— Уже добралась.

— Как умею. Добралась бы, если бы не заснула.

Самые сильные эмоции схлынули, и теперь мне уже не было стыдно за свою истерику. В конце концов, стыдиться мне нечего. Я ничего такого не сделала, ничего такого, из-за чего мне должно быть стыдно. Моя детская попытка сбежать... на нее тоже есть свои причины. Точнее, причина, но об этом я никому и никогда не расскажу. Об этом не знала даже Соня, и пусть так и будет дальше.

— Ты можешь остаться здесь, — произнес Валентайн.

Тьма уступила место серебру, а то в свою очередь откатилось до простого человеческого цвета радужки. Вот только ничего в этом мужчине человеческого не было, и, должно быть, это отразилось в моих глазах. Ну или «передатчик» включился, потому что лицо Альгора закаменело.

— Эта комната теперь твоя, Лена. Я подумал над твоими словами и решил, что вторая спальня точно не помешает. С обстановкой, правда, пока не разобрались, но ты сможешь оформить комнату по своему вкусу.

— Ты ненормальный? — спросила я. И впрямь ненормальный: говорить об обстановке после всего, что было, как о само собой разумеющемся. — Зачем мне комната в твоём доме?!

— Потому что ты — моя женщина.

— С женщинами разговаривают, Валентайн. На них не орут и не пытаются перекинуть через колено, чтобы отшлепать. Ну, не знаю. Может кому-то такое и нравится, ректору Эстре, например.

— С Эстре у меня ничего нет.

— Да мне плевать! — Я снова сжала кулаки, вдохнула, выдохнула и добавила уже спокойнее: — Мне все равно. Я здесь не останусь. Просто верни меня домой, и закроем тему.

Правда, я не была уверена, что закроем. Мне еще у него учиться. Темной магии. Но я не хочу. Не могу. Не хочу оставаться с ним наедине, не хочу больше испытывать эти странные мгновения помешательства рядом с этим мужчиной, от которого мурашки в башне позвоночника пачками хватают инфаркты. Поэтому я добавила:

— И это, — указала на браслеты взглядом, — лучше снять.

— Лучше для кого? Для тех, кто может попасть под заклинание, подобное сети Грихмира, или под темную магию, которая спонтанно вырвется из тебя? — Валентайн шагнул ко мне, а я наконец-то отлепилась от стенки. Уже не руками, взглядом обозначая границы: не подходи. Он поморщился, но все же остановился. — Лена, это больше не повторится. Никогда.

Я покачала головой:

— Просто отправь меня домой, Валентайн.

Настаивать на снятии браслетов? И подвергнуть опасности для начала жизнь Макса, Хитара и всех слуг, а после — всех адептов в Академии? Нет уж, спасибо. Здоровый эгоизм, конечно, никто не отменял, но не до такой же степени. К тому же, я дико устала, и все, на что меня сейчас хватит — это пожелать Адергайну Ниихтарну, как тому, кто причастен к моему появлению в этом мире, дичайшего несварения всех времен и народов. Чтоб ему месяца три с толчка не слезать, а еще лучше, в драконоформе.

Не знаю, чего и кому желал Валентайн, но портал он все-таки открыл. Мы вышли перед особняком Ларо, и я постучала в дверь. На этот раз встречать вышел не только дворецкий, но еще и дядюшка, раздувающий ноздри. Как только он попытался открыть рот, наткнулся взглядом на мрачного Альгора. Рот закрылся сам по себе, а я, наплевав на этикет и пожелания доброй ночи, поднялась к себе и рухнула на кровать.

Надо бы переодеться, архимаги пусть сами там разбираются. А если кто-то из них сунется ко мне...

Что «если» я не успела додумать. Так же, как и переодеться, потому что темнота накрыла меня с головой, и я провалилась в сон.

Валентайн Альгор

Совершенно невыносимая, несносная, безбашенная, сводящая его с ума девчонка! Или женщина? Два дня без нее, точнее, два дня безуспешных попыток справиться с этим безумным влечением к ней, а у него уже крышу сносит.

Проследив за тем, как она взлетела по лестнице, Валентайн перевел тяжелый взгляд на Равена. Вот на нем, пожалуй, можно будет здорово отыграться. За то, что влетел в его дом с вытаращенными глазами и начал голосить, что, спутавшись с ним, его приемная дочь тут же исчезла в неизвестном направлении. Спасло его только то, что в тот момент Валентайн не способен был думать ни о чем другом, кроме нее.

Браслеты могли защитить ото всего, даже от темной магии, но не от отца. Драх его знает, почему он первым делом вспомнил Адергайна: должно быть потому, что Лена просто исчезла, а он ничего не почувствовал. Провернуть это так мог только он, и в тот момент Валентайну было совершенно не до разбирательств с Равеном. Но сейчас...

— Полагаю, вы застыли статуей и не приглашаете меня в кабинет исключительно для того, чтобы сначала извиниться?

Лицо Равена мгновенно вспыхнуло.

— Извиняться тут должны вы. Вы позорите мою...

В следующий момент архимаг дернулся и замер, потому что ладонь Валентайна мягко легла на его горло.

— Никогда больше не используйте слово «позор» в отношении своей подопечной, Равен. Результат вам не понравится.

Он убрал руку, и Равен произвольно схватился за горло.

— Что ты себе позволяешь?! Ты в моем доме, переходишь все границы...

— Накажи меня, — усмехнулся Валентайн. — Так и будем стоять, или продолжим разговор там, где нам никто не помешает?

Дворецкий всеми силами пытался слиться с обстановкой, но у него это плохо получалось. Униформа насыщенного темно-красного цвета не вписывалась в светлый холл. Хотя, возможно, и вписывалась,

но слиться с ним ему не грозило при всем желании, поэтому мужчина просто осторожно отступил в сторону, на всякий случай — поближе к двери.

Лояльность и преданность налицо.

Мысли отразились усмешкой и приподнятым уголком губ, после чего Равена знатно перекосило.

— Вы... ты...

— Понятно. Разговор продолжаем здесь. В таком случае, моя первая рекомендация. Не обижайте Ленор. Не давите на нее и не делайте вид, что произошло что-то из ряда вон — я сейчас говорю о нашей связи. Обо всех ваших попытках я так или иначе узнаю, Равен. Не выговаривайте ей за то, что случилось, это не ее вина. И позаботьтесь о том, чтобы в вашем присутствии она чувствовала себя защищенной. Девочке нужен нормальный отец, а не вопящее истеричное нечто.

В Равене, кажется, кончился воздух. Он попытался открыть рот, но с губ сорвалось только какое-то пыхтение, лицо его, изначально пунцовое, сейчас пошло красными пятнами вразброс.

— Вы забываетесь, архимаг Альгор! Вы говорите с равным себе...

— Идите спать, — Валентайн похлопал Равена по плечу, — и не напрягайтесь. По крайней мере, пока соблюдаете нашу с вами договоренность. Да, к слову. Если попытаетесь компенсировать наш разговор на Ленор или на ее брата, об этом я тоже узнаю. И оторву вам голову.

Оставив владельца дома исходить гневом на пару со своим преданным слугой, который не бежал по улице исключительно потому, что был не в лучшей физической форме и очень держался за место, Валентайн поднялся по лестнице вслед за Леной. Найти ее не составило труда: ни тогда, ни сейчас — но в миг, когда разгневанный Равен влетел в его дом, разбрасываясь истеричными воплями, его просто замкнуло. Как замыкает контур неправильно сплетенного темного заклинания, которое впоследствии рванет так, что мало не покажется.

На несколько мгновений он просто утратил самообладание, и его вторая суть не замедлила этим воспользоваться. Щедро плеснула в кровь своего яда, вымораживая человеческую суть, отрезая от

контроля и решения держаться с Леной исключительно официально, не переходить границ.

«Ты не настаиваешь на сексуальных отношениях между нами».

Это условие, которое она ему поставила... да плевать ему было на это условие. Плевать на ее сопротивление, он все равно нашел бы способ сделать ее своей. Если бы не угроза, о которой Валентайн старался не думать.

Черная страсть.

Одержимость. Болезненное влечение. Желание, приводящее к безумию и заикленности на одной-единственной драконессе. Лена драконессой не была, но с ней вообще все непонятно. Не по правилам. Он и не думал, что такое возможно — так сходить с ума по девчонке, которая младше его почти на десять лет. В то время как этих девчонок — боящихся его и все равно воспринимающих это как опасную игру, желающих закрутить роман с ним, были сотни. Запрещенные удовольствия всегда слаще, вот женщины и западали на него. На единственного темного дракона в Даррании. Двое замужних и вполне благопристойных особ даже поспорили на фамильные драгоценности, на что будет похож секс с ним. Видимо, ожидали щупалец тьмы или чего-то вроде.

Спать с ними Валентайн, разумеется, не стал, но эта информация знатно подняла ему настроение. Он даже предложил Эмильене написать книгу, эротические мемуары о тайной связи с ним, и явить миру новый бестселлер. Драконесса шутки не поняла, обиделась даже, вот только Валентайну было все равно.

Ему всегда было все равно. До появления в его жизни Лены. И если раньше он не думал о черной страсти по причине того, что она человек, то сейчас... к сожалению, он слишком хорошо знал своего отца. Слишком долго учился мыслить, как Адергайн — его воспитание не предполагало других вариантов. Поэтому Лена для него под запретом. Как бы сильно к ней ни влекло.

Вот только попробуй это объяснить себе, когда смотришь на нее спящую. Она и впрямь сильно устала: лежала на кровати, свернувшись клубочком, прямо в форме. К ней не стоило ни то что приближаться, даже просто стоять в дверях ее комнаты, но все же Валентайн шагнул вперед и прикрыл за собой дверь.

В этой спальне даже не развернешься толком, обстановка напоминает о казенных учреждениях не самого высокого уровня. А ведь она могла бы сейчас спать у него — в той комнате, которую он хотел переделать под нее. Полностью. Могла бы, если бы он не сорвался так глупо. Если бы не что-то страшное, оставшееся в ее прошлом, заставившее эту смелую девочку превратиться в испуганного зверька.

— Я бы никогда не причинил тебе боль, Лена.

Прежде чем опуститься на кровать рядом с ней, Валентайн накинул легкое заклинание сна, которое не позволит девушке проснуться даже если за окнами будут бить пушки. Недолгое: полчаса максимум, но ему хватит. Хватит, чтобы ее раздеть и нормально уложить спать.

Проще всего оказывается снять пиджак. Здесь всего три пуговицы, и они поддаются легко. С блузкой сложнее: хотя бы потому, что под белой тканью угадывается белье, и можно только представлять, какая нежная у нее кожа. Впрочем, почему только представлять. Когда пальцы касаются петель пуговичек на блузке, в раскрывающемся вырезе видна манящая ложбинка между грудей.

Безумие какое-то.

С этим просто нужно быстро покончить, но быстро не получается. Больше того, картина, как он наклоняется и касается губами высоко вздымающейся груди видится слишком ярко, а перед глазами, наоборот, темнеет.

— Я. Схожу. С ума.

Собственный голос должен был отрезвить, но он звучит незнакомо. Гораздо ниже привычных насмешливых, снисходительных или приказных нот, как будто близость этой женщины открывает в нем неизвестные даже ему самому, неведомые доселе глубины. Нет, это определенно помешательство, потому что не касаться тонкой светлой кожи кажется просто какой-то изощренной пыткой. Тем не менее ему удается избавиться ее от пиджака и от блузки и справиться с ним.

Если все получилось, значит, он достаточно владеет собой, чтобы оставаться рядом с ней. Чтобы продолжать обучение.

Далее — черед юбки, и перед глазами вспыхивает картина, когда Лена лежала у него на коленях. Ощущение ладони на ее ягодицах даже сейчас чувствуется так остро, что сквозь пальцы в запястье ударяет

жаром. Дрожь в руке — это что-то новенькое, по крайней мере, такая, когда подушечки пальцев словно тянет магическим арканом к плоскому животу, а в голове, сводя с ума, звучит голос:

«Прикоснись... Прикоснись... Прикоснись...»

Это действительно напоминало безумие, и оно было настолько сильным, что он почти коснулся светлой, нетронутой загаром кожи. Коснулся бы, если бы из-за спины не донеслось хриплое угрожающее рычание, одновременно полоснувшее знакомым оттенком силы. Валентайн обернулся в мгновение, столкнувшись взглядом со зверем. Или, точнее будет сказать, зверенышем.

Призрачный мясник — одна из самых смертоносных тварей, приходящая из-за грани. Призвать ее в этом мире может только очень могущественный маг, знающий заклинание призыва, эта тварь рождена для убийства. Она воплощается и развоплощается, появляется в одном месте, исчезает, появляется в другом исключительно для одной-единственной цели: убивать. Из-за ее способности так перемещаться в пространстве сражение с ней крайне опасно. Тот, на кого указывает заклинание, обречен, если не наделен сильной магией и отменной реакцией.

Но самое невероятное заключалось в том, что мясник рычал на него. Посылать призрачного мясника к Альгору — самое нелепое из всего, с чем ему доводилось сталкиваться. И оскорбительное, пожалуй. Будь это взрослая особь, это еще можно было бы понять. Контур заклинания Валентайн выплел молниеносно, но кое-что заставило его помедлить. Обходя его по кругу, с другой стороны, черный, как ночь, дракончик косился на спящую девушку. Осторожно и, кажется...

— Р-р-р-xxx! — На постель легла одна черно-призрачная лапа, затем вторая. Потом появилась голова, напряженный взгляд задержался на Валентайне.

Призрачный мясник, который не атакует — это парадокс. Но именно этот парадокс сейчас и замер, изучая его и Лену. Словно пытался понять, какие у него, Валентайна, намерения. По отношению к девушке.

— Невероятно, — хмыкнул он, рассматривая зверя так же внимательно, как он рассматривал его. — Ты ее защищаешь?

Сверкнули уголи-глаза, разгораясь лозантировым пламенем и тут же снова становясь более темными. Страж запрыгнул на кровать,

потоптался по ней и направился к подушке.

— Ну уж нет, — одно движение — и зверя сдуло с постели.

Снизу снова раздалось недовольное рычание, но Валентайн стянул с девушки юбку и осторожно уложил ее в кровать. Не удержался: поправил разметавшиеся по подушке волосы. Укутывая одеялом, посмотрел на топчущегося в нерешительности мясника.

— Что же ты за тварь, а?

В глазах мясника читался тот же вопрос, но он явно не собирался причинять Лене вред, больше того, он хотел забраться к ней на постель и лечь поближе. Да, они с ним определенно похожи больше, чем может показаться на первый взгляд. Сама мысль об этом вызвала улыбку, которая, впрочем, надолго не задержалась.

Он только что сбросил призрачного стража с кровати заклинанием. Но даже если бы и не сбросил, то...

Валентайн создал первое, что пришло на ум: пламя тлена. Серебристо-черные язычки заплясали над ладонью, пожирая воздух и готовые уничтожить все, до чего дотянутся, но никакой реакции не последовало. Никакой, кроме пригнувшегося к полу мясника — он расценил это как попытку напасть, и рычание снова перешло в угрожающее.

— Я не причиню ей вреда, — Валентайн погасил пламя. — И тебе тоже. Просто хотел кое-что проверить.

«Кое-что» подразумевало отсутствие защитного контура на доме Равена. После нападения на Керуана все в срочном порядке устанавливали на свои жилища защитные заклинания, которые поддерживались целой цепочкой артефактов. Заклинания по образцу тех, что защищали Академию, Дворец правления людей на Алой площади, подземную тюрьму Хэвенсграда, куда Лену запихнул Лэйтор.

Валентайн знал об этой системе защиты все или почти все, потому что он сам ее создал. Да, она стояла прилично, потому что удерживать такую силу могли только очень мощные амулеты с круговыми контурами. На городских праздниках, например, или во время прочих столпотворений, на выставках и в театрах, эту защиту ставили временно: активировали, а после завершения отключали.

Что же касается Равена, он, видимо, поспешил. Как поспешил на нормальную обстановку, на нормальную спальню и на нормальную

одежду для своей подопечной.

Выстроить здесь систему защиты? В добровольно-принудительном порядке, поставив Равена перед фактом?

И лишить Лену возможности заниматься темной магией здесь. С другой стороны, она не должна заниматься темной магией здесь, заниматься ей она должна только рядом с ним. По-хорошему, она вообще не должна сюда возвращаться!

Поймав себя на этой мысли, Валентайн резко ее обрубил. Советоваться с Равеном он точно не станет, а вот с Леной... ему бы хотелось, чтобы ее решение остаться с ним было добровольным. Чтобы решение поставить контур на этот дом они принимали вместе. А значит, и действовать нужно соответственно.

Сейчас все эмоции схлынули, и он снова мог мыслить здраво. Если бы Адергайну нужна была Лена, она бы была у него. Нет, здесь ей вряд ли что-то угрожает, кроме тупоголового опекуна, которому, остается надеяться, хватит ума вести себя иначе. И все же...

— Кто ты такая, Лена? — хрипло спросил он, глядя на девушку, которая уже успела повернуться на другой бок.

В ногах которой мило укладывалось спать одно из самых жутких существ Загранья.

Глава 19

Лена

Давно я не спала так сладко. Настолько, что, проснувшись, обнаружила на своем лице отпечатавшуюся подушку — это я поняла, когда потеряла щеку ладонью. Шторы в комнате не задернули, и осеннее солнце заливало комнату, а высокое небо полыхало яркостью голубизны так, что было больно глазам.

Выходные!

Я уже и забыла, что это такое. В этом мире прошло две недели, а мне кажется, что я живу тут вечность. В сладкую негу пробуждения попытались прокрасться мысли о Соне, но я запретила себе думать и вспоминать о ней. И обо всем, что осталось в моем родном мире. Так можно всю жизнь прожить прошлым, а у меня впереди будущее. И у Сони тоже, если я доберусь до книги Валентайна Альгора так, чтобы он этого не заметил. Поправочка: не если, а когда.

С этой мыслью я от души потянулась и ойкнула — в ногу что-то впилося. Я мгновенно села на постели и подтянула пострадавшую стопу к себе. «Что-то» оказалось чешуйкой с платья Люциана. Наверное, когда горничные убирались, завалилась сюда. Покрутив сверкающую платиной чешуйку, отложила ее в сторону, откинула одеяло...

Одеяло?!

Моя форма, аккуратно сложенная, лежала на кресле. Я бы сказала, издевательски аккуратно: блузка и пиджак перекинуты через подлокотник, юбка — складочка к складочке — на сиденье. Вот...

Ничего цензурного в голову не приходило, поэтому я плотно сжала губы. Можно было предположить, что обо мне позаботилась какая-то горничная, если бы я не знала, кто меня привез. При мысли о том, что Валентайн меня раздевал, кровь попыталась добраться до лица и изобразить смущение, но ее перекрыла ярость. Совести у него нет! Совсем.

Конечно, нет, Лена. Он же темный дракон. Хотя что касается совести, у некоторых светлых тут с ней тоже туго. Мысли о Люциане я отогнала так же, как мысли о прошлом и о том, что осталось в моем

мире, быстренько привела себя в порядок, оделась и спустилась к завтраку.

В столовой уже восседал Хитар. Судя по накрытому на троих столу, ждали и меня, и Макса. Судя по мрачному выражению дядюшкиного лица, ждали в очень плохом настроении. Ну да и ладно, Хитар в хорошем настроении — это как Валентайн Альгор и Люциан Драгон с совестью.

— Доброе утро, — поздоровалась я, усаживаясь на свое место.

Залитая солнцем столовая почему-то именно сейчас напоминала о весне, а не об осени, это обманчиво-уютное тепло заставило улыбнуться своим мыслям. Хитар же после такого помрачнел еще больше.

— Ничего не хочешь объяснить? — раздул ноздри он, указывая глазами на браслеты.

— Думаю, все, что нужно, вам уже объяснили.

Если Валентайн поднялся ко мне, и не просто поднялся, но умудрился меня раздеть, и этот дом не рухнул, то Хитара в известность о том, что я «Альгорова женщина» уже явно поставили.

— Ты была помолвлена с Люцианом Драгоном...

— Была, — согласилась я, хотя что-то в груди больно кольнуло. Чтобы оно там не кололось, я переключилась на стол и расстелила на коленях светло-кремовую салфетку с золотистыми вензелями.

— И?

— Теперь не помолвлена. — Про личные границы и личную жизнь в этом мире не знают, я уже поняла.

Хитар явно собирался продолжить допрос, но не успел: вошедший слуга наклонился к нему и что-то прошептал на ухо. Как можно кислое лицо сделать еще кислее? Хитар Равен, мастер-класс по секундному перевоплощению, обращайтесь!

— Вот к чему приводит попустительство, Ленор, — снисходительно-пафосным тоном сообщили мне. — Твой брат отказывается спускаться к завтраку, а я, согласно нашей договоренности, даже никак не могу на это повлиять.

— Зачем на это влиять? Захочет есть — придет. Не захочет — пусть сидит у себя, — я оглянулась на дверь. — Так что? Мы есть-то будем? Потому что я очень хочу.

У меня вчера опять вечер без ужина, так и похудеть можно. Что Ленор совершенно не требуется.

Опекун скривился, но все-таки коснулся колокольчика, стоявшего по правую руку от него. Мелодичный звон, явно усиленный каким-то заклинанием, разнесся по дому, а спустя несколько минут слуги уже внесли завтрак. На удивление, роскошный: здесь были и круглые шарики, чем-то напоминающие наши сырники или рикотники, и яйца — почему-то голубые в серую крапинку, раза в два больше привычных, и каша, и соусы, и джемы, и хлеб. Даже поджаренные ломтики бекона, уж не знаю, как он здесь называется, но выглядело это все так аппетитно!

— Хотите Джмерг или ранха, тэри Ларо?

Надо же, какой прогресс, спрашивают, что я буду пить у меня, а не у дяди!

Джмергом здесь называли нечто среднее между какао и кофе, бобы джмергового дерева обжаривались и точно так же мололись, вот только вкус у них изначально был горьковато-шоколадный, как у очень темного шоколада. Ранх — местный аналог чая, у него было множество сортов, и вкусов соответственно тоже — от насыщенно-фруктового до молочного и кисло-сладкого. Причем все это без добавления каких-либо ягод, фруктов или ароматизаторов, исключительно создание природы, заключенное в листьях.

— Джмерг, — выбрала я.

Мне сегодня по магазинам бегать, не мешает взбодриться.

— Смягчить?

— Нет, — я покачала головой, чтобы молока не добавляли. И, когда слуги отступили, пожелала дяде приятного аппетита. Кажется, он удивился, потому что даже морщина гнева между бровями стала поменьше.

За завтраком мы больше особо не разговаривали, я любовалась раскинувшимися за окнами парком и думала над тем, что надо бы помимо одежды купить себе плед и подушечек и вечером посидеть в беседке. Огня в листьях уже стало больше, а красота природы очень вдохновляет и умиротворяет. По крайней мере, меня.

— Я переведу тебе содержание, о котором мы говорили, — сам напомнил Хитар.

Поразительно!

— Зайди ко мне в кабинет через полчаса.

Отлично. Полчаса — времени как раз хватит, чтобы собраться.

— Макс у меня ничего не переводил, ему нет восемнадцати зим, и он вряд ли сумеет распорядиться средствами. Но я сегодня отправлю с ним Гоиса, чтобы они вместе приобрели все необходимое. Можем и с тобой поступить так же...

— Нет, — категорически отказалась я. Мне не просто хотелось побыть одной, мне хотелось погулять по Хэвенсграду и насладиться минутами покоя и шоппингом. Хотя немного передохнуть перед тем, как через пару дней снова нырять в учебу и вот это вот все. Кроме того, я привыкла сама распоряжаться своими средствами и самостоятельно выбирать себе одежду, поэтому сопровождение точно будет лишним.

— Ну как знаешь, — на удивление покладисто согласился Хитар.

После завтрака я взлетела к себе и, помедлив, все-таки постучала к Макс у. Я, конечно, не считаю, что за здоровым парнем надо бегать и кудахтать над ним, как курица-наседка, но, может, у него что-то случилось?

— Я сказал, что не пойду на завтрак! — рявкнули из-за двери.

— Это я. У тебя все хорошо?

— Иди в задницу.

Да, лучше не бывает.

— Я-то пойду. Главное, чтобы потом было кому вытаскивать из очередной задницы тебя. С таким характером засосет в ближайшую, и очень быстро.

Впрочем, ругаться с братом Ленор мне совершенно не хотелось. Равно как и что-то у него выпрашивать и выяснять, потому что все здесь люди взрослые: весной ему уже будет восемнадцать. Захочет — придет ко мне, не захочет — пусть сам разбирается. Кроме того, у меня было на редкость хорошее настроение, и мне не улыбалось опять его портить. Поэтому я быстро собралась, спустилась вниз к дяде за средствами, положенными мне по содержанию, и спустя несколько минут уже выпорхнула из дома.

Бутики Даррании, ждите меня!

Я иду!

Хэвенсград оказался больше похож на Москву, чем на Санкт-Петербург. Хотя бы масштабами. Портальные перемещения внутри города, насколько я поняла, были слишком затратны, гораздо проще было запустить местные аналоги автобусов. Все просто: для тех, кто как Люциан и Альгор может позволить себе прыгать порталами — пожалуйста, портальные точки. Я даже видела их по пути к остановке общественного транспорта — пространство два на два, очерченное мерцающей окружностью, над которой, как на интерактивной карте, можно вызвать всю схему таких переходов внутри Хэвенсграда. Для остальных — маджибусы. А вот метро у них не было, и это был кошмар. Попробуйте представить себе Москву без метро: вот это здесь на дорогах и творилось. В итоге, собираясь доехать до Алой площади, чтобы оттуда начать свою прогулку по магазинам и не только, я вышла на пять остановок раньше.

Что самое забавное, о транспорте я подумала только после выхода из дома, не привыкла еще к тому, что все по-другому. А Хитар, гад этакий, даже не предложил выделить мне маджикар с водителем и даже не поинтересовался, как я собираюсь добираться и куда. Что в принципе логично, потому что ему на нас с Максом плевать с высоты Академии Драконова. Но все равно обидно: два с половиной часа потратить на пробки даже в магическом мире — это жесть.

Торговых центров у них тоже не придумали, но, к счастью, придумали галереи бутиков, как в Европе. То есть магазины кучковались на определенных улицах, где-то подороже, где-то подешевле. Поэтому, отложив визит на Алую площадь, я решила сначала пробежаться по всему самому необходимому, тем более что чем дальше от центра, тем проще были местные бренды и тем ниже цены.

Если следовать логике, в ценах я могла себя не ограничивать, потому что у меня были средства, перечисленные Валентайном. Но магию Альгора я тратить не собиралась, поэтому будем действовать исходя из полученного от опекуна. Там сумма в разы меньше (да вообще несравнимо), хотя полученная одномоментно, за все время экономии на нас, весьма приличная. Так что, думаю, на все хватит.

Первым делом я зашла в магазинчик со всякими зельями для лица и тела и набрала, наверное, пакетов пять. Тащить это все с собой было не вариант, поэтому там же, на месте, оформила и доставку. Судя по

тому, что девушка-консультант (а здесь — помощница старшего управляющего лавкой «Почувствуй себя королевой») вообще не обращала внимания на мои браслеты, она либо не знала об их значении, либо ей было все равно.

Все равно было и остальным, мимо которых я проходила на улице. Хотя по городу текли людские реки, никто на меня не косился, не говоря уже о чем-то большем, из чего я сделала вывод, что можно расслабиться. И да, действительно, все как в Москве. Думаю, даже если бы я себе плакат повесила «Женщина Валентайна Альгора» спереди и сзади, на него все равно никто бы внимания не обратил.

Если в «Почувствуй себя королевой» я залетела по желто-сиреновой вывеске, которая мне понравилась чисто визуально, то по магазинчикам с бельем прогулялась раз десять туда и обратно, почти по всем, рассматривая, выбирая и примеряя. Комплектов белья набрала десять штук, и еще добавила к ним тридцать трусиков, чем несказанно обрадовала продавца.

— Вы не пожалеете, — улыбалась она, раскладывая все по пакетикам, которые в нашем мире называли экологичными. На ручках у них еще были повязаны бантики, только разного цвета — розовые, красные и голубые. — У нас лучшая лавка нижнего белья на Седьмой Драконьей.

— Спасибо, — поблагодарила я. — Давайте сразу оформим доставку.

— Портальную или обычную?

— Можно обычную.

— Хорошо, тогда с вас тринадцать с половиной единиц магии.

Я привычно приложила браслет к считывателю и прямо представила, как похудели сэкономленные от широкой души Хитара для меня средства. Все-таки нижнее белье — это моя слабость. Красивое белье — моя слабость вдвойне. Хорошо, что я не начала с Алой площади, там совсем рядом какой-то местный бутик известного дизайнера белья, про который я читала, пока тряслась в маджибусе. Вот где можно оставить все состояние, причем даже не Хитара, а Валентайна.

На пробежки между магазинами белья и примерку тоже ушло время, поэтому у меня уже ощутимо начинал урчать живот. Все-таки совмещать экскурсии и шоппинг — не вариант.

7-я Драконья, — значилось на вывеске дома. Я вызвала Эвиль и попросила найти мне что-нибудь, где можно перекусить.

«6-й Драконий переулок. Чайная тэрны Хлит», — выдала мне виритта, показывая маршрут, напоминающий запутавшийся клубок ниток.

Москва. Как есть Москва.

Правда, старинная. В Хэвенсграде не было высоток, вообще не было домов выше пяти-шести этажей, хотя фасады в центре были как произведения искусства. Барельефы и горельефы, драконы морды, статуи драконов, восседающие, как горгульи-охранители. Пока я крутилась по запутанным, вымощенным булыжниками улочкам, есть захотела еще сильнее. Возможно, именно поэтому, оказавшись в ранховой тэрны Хлит, решила не брать с собой выпечку, а посидеть за маленьким уютным столиком, которых в зале примостилось всего четыре штуки. Тем не менее, оказавшись здесь, я почему-то почувствовала себя как дома.

Гораздо больше дома, чем в особняке Ларо. Здесь пахло выпечкой, а очередь из посетителей совсем не по-мегаполисовски, кажется, была друг с другом знакома. Встав пятой по счету за дородным мужчиной с пивным брюшком, рассуждающем со стоящей перед ним женщиной об их общем соседе, который постоянно музицирует по ночам, я стала рассматривать витрину.

Выбор здесь был просто огромный: и сладкая выпечка, и выпечка с мясом или соленьями, и какие-то подозрительно похожие на макаронс пирожные или печенья, между створками которых устроилась самого разного рода начинка. Обслуживала гостей, очевидно, сама тэрна Хлит — миловидная седовласая женщина, управляющаяся с пирогами и прочим так споро, что очередь передо мной очень быстро рассосалась.

— Доброго дня! Уже выбрала, девочка? — с улыбкой обратилась она ко мне.

— Добрый день, — поздоровалась я и тоже улыбнулась. Невозможно не улыбаться, когда напротив тебя такой счастливый солнечный человек. — Нет, я у вас впервые. Может быть, подскажите, что у вас самое вкусное?

— У меня все самое вкусное, — без лишней скромности рассмеялась она. — Зависит только от того, что ты любишь.

Совместными усилиями мы выбрали для меня небольшой пирожок с сырной начинкой, залитый яичным желтком, и рогалик с кремом и ягодами, поразительно похожими на нашу ежевику и малину. Правда, здесь они были сине-сиреневого и оранжевого цвета, а в середине лежала долька местного цитрусового в тоненькой прослойке желе. Со вкусом ранха тоже определились: травы и молоко, и тэрна Хлит отправилась заваривать ранх, а я — за столик, который сразу присмотрела.

У окна, подальше от входа — отсюда отлично просматривался тот самый 6-й Дракони́й переулок, витрина какого-то магазинчика с драгоценностями-бижутерией и сувенирами, а еще стильная вывеска-указатель «Туасон ле Фре». Название показалось мне очень знакомым, но как я ни старалась, не смогла вспомнить, откуда. Поэтому махнула рукой и решила наслаждаться едой, тем более что аромат выпечки просто сводил с ума.

Да ладно бы только аромат, откусив кусочек нежного, тающего на языке теста, я мысленно прикрыла глаза и чуть было не застонала от удовольствия, как в рекламе. С поправкой на то, что у меня все было бы искренне, потому что вкус у этого пирожка оказался просто ум отъешь!

— Вижу, что понравилось, — произнесла тэрна Хлит, поставив на скатерть с крупными оранжевыми цветами подставку и чайничек. Или ранхичек? Ранхничек? Нет, пусть будет чайничек, для меня так проще. — Подожди минут пять, пока заварится, а я сейчас принесу чашку.

Кивнув, продолжила путешествие в мир гастрономического удовольствия, заодно рассматривая обстановку. Чайная-ранховая была оформлена в осеннее-весенних тонах. Я бы сказала, что больше все-таки в весенних: от оранжевых рамок картин на стенах, до обивки стульев и узоров на скатертях. Сами сюжеты картин тоже больше наводили на мысли про весну — высокое небо и цветущие деревья, поля, раскинувшиеся на необъятные просторы, речушка, петляющая между зеленых берегов.

Рассматривая картины, я снова соскользнула взглядом за окно и, споткнувшись о «Туасон ле Фре», спросила у тэрны Хлит, ставящей чашку на столик:

— Не знаете, что это такое? — указала на вывеску.

— Туасон ле Фре? Да кто же их не знает! Это известный магазин очень дорогих подарков, девочка. У них такие вывески по всему центру, сам магазин располагается в двух шагах от Алой площади. Огромный такой, там королям да аристократам все на заказ делают.

Тэрна Хлит поспешила к новым покупателям, вошедшим в лавку, а у меня в памяти словно огнем подсветило:

«С наибольшей вероятностью, коробочку подменили во время праздничного фуршета, когда мы с отцом отлучались со своих мест, но кто это сделал и когда, мне сказать сложно. Не исключено и то, что подарок уже был «заражен», когда мы его покупали в «Туасон ле Фре», но это было сделать гораздо сложнее — заранее все просчитать, да по большому счету это и неважно».

Неужели именно об этом «Туасон ле Фре» говорила мама Эвиль в своем последнем послании дочери?! Неужели именно там они приобрели тот роковой подарок, который чуть было не стоил жизни Керуану и уничтожил родителей Ленор?

Снова звякнул колокольчик.

— Фи! Что за забегаловка? — раздался знакомый голос.

— А я говорила, надо до Алой площади идти, там заведения поприличнее, а не такие вот.

— Девочки, я ногу натерла!

Я подняла голову и предсказуемо наткнулась взглядом на Софию Драконову со свитой.

Ну вот не могли они в самом деле зайти куда-нибудь в «элитное ресторанное заведение» для особ такого статуса, и не портить мне мой уютный перекус? А заодно и настроение тэрне Хлит, которая нахмурилась за прилавком. Честно говоря, я бы тоже нахмурилась: кому приятно, когда о твоём детище говорят такое.

— У тебя что, нет магического смягчителя? — раздраженно поинтересовалась Клавдия у девушки, которая жаловалась на ногу. — Нет, это даже не ранховая, это недоразумение!

В мою сторону девицы не смотрели и, прежде чем я успела ответить Клаве, что единственное недоразумение здесь она, ответила сама владелица заведения:

— Девушки, к моему глубочайшему сожалению, я вас обслужить не смогу. Пожалуйста, уходите.

Клава открыла рот. Вытаращила глаза.

— Да ты... ты хоть знаешь, кто мой отец?! Обслужить она нас не сможет! Да я сделаю так, что ты...

— Клавдия, замолчи! — резкий голос Софии прозвенел так, как могла бы прозвучать пощечина. — Если ты не умеешь себя вести, лучше сидеть дома или взять пару-тройку уроков хороших манер. Простите, пожалуйста, мы уже уходим.

Да, пощечиной это и было. Правда, словесной. У Клавы глаза только каким-то чудом не вылезли из орбит, она уставилась на Софию так, словно та оскорбила ее в лучших чувствах. Что касается меня, я обрадовалась, что не жую, потому что София не просто извинилась перед самой обычной смертной, она выглядела по-настоящему смущенной. Расстроенной. И первой направилась к выходу, за ней, переглянувшись, потянулись остальные. Что касается Клавдии, она, вздернув нос и сверкая глазами, вышла последней. Направилась в сторону, противоположную той, куда пошли София с подружками. Драконова из всех них была единственная в удобной обуви. Не на каблуках и при сверкающем макияже, с простым хвостом, стянутым самой обычной резинкой.

Я и сама не поняла, что это было. Не поняла и почему перегнулась через стол, чтобы проследить, куда пошли София с подружками. На подружек мне было плевать, конечно, а вот Драконова... Лозантир его знает, что ж меня так торкнуло ее выражение лица.

— Прошу прощения, — вздохнула тэрна Хлит, видимо, по-своему истолковав мое повышенное внимание к девушкам. — Такое здесь увидишь нечасто.

— Все в порядке, — я вернулась на место, тем более что София со свитой уже завернули за угол. — Вы все правильно сделали. У вас чудесное заведение, и никому не стоит позволять его оскорблять.

Тэрна Хлит улыбнулась, собиралась что-то ответить, но в этот момент снова случился наплыв посетителей. Дальше, пока я пила чай и доедала невероятно вкусную выпечку, людей становилось все больше и больше. Очередь уже начала завиваться загогулинками, все столики заняли, и я, увидев, как мама с малышом глазят на остатки моего чая — может, сейчас освободится место — решила, что и правда пора идти дальше.

Вот только на выходе свернула не в сторону одежды и обуви, как собиралась, а пошла по указателям к «Туасон ле Фре». Идти оказалось

прилично, но меня в самом деле вывело к салону дорогих подарков. Его было видно издалека — он занимал целых три этажа отдельного дома, витрины в два человеческих роста с магическими вывесками, логотипом закольцованного дракона, чья чешуя больше напоминала цепь. Черное с золотом: неброским, не сверкающим, как радость сороки на солнце, а утонченным. Сразу становилось понятно, что туда стоит заходить только тем, у кого на счету столько магии, сколько у Валентайна Альгора.

Остановившись у огромной витрины, в которой слева были выставлены драгоценности на обитых темным бархатом бюстах, а справа, в роскошных коробках, браслеты для виритт, напоминающие мне о швейцарских часах с баснословными ценами, я задумалась.

Эвиль сказала, что заговор против Керуана мог начаться и здесь, но так ли это на самом деле? И насколько велика вероятность что в салоне такого уровня могут «начинить» подарок опасной магией? Запрещенной темной магией!

— Что, размечталась? — поинтересовался проходящий мимо парень. — Нам такое светит только если мир перевернется. Ну или если спереть это...

Он хохотнул.

— Что невозможно. Там такие охранные заклинания, что без рук останешься сразу. Даже при попытке разбить витрину. Слушай, а может это... ну, познакомимся?

Я тряхнула головой, сбрасывая наваждение, и повернулась к нему. Да, так меня еще не клеили: в другом мире, с разговорами про ограбление.

— Ты знаешь, что это? — Я показала ему браслеты Валентайна.

— Не-а.

— Это браслеты архимага Альгора. Poiщи информацию на досуге.

Он открыл рот, явно собираясь что-то сказать, но потом закрыл и быстренько ретировался. Поверил или нет, но однозначно подумал, что я не в себе, а с чокнутыми связываться — себе дороже.

Ладно, определенная польза от него была.

Защитная система здесь на таком уровне, что подлог исключен. Значит, он имел место быть уже после того, как мои родители забрали подарок.

Споткнувшись на мысли «мой», нахмурилась, но потом снова перевела взгляд на витрину. Или же кто-то из работавших в «Туасон ле Фре» был в заговоре против Керуана, но я бы все-таки поставила на второе. Не потому, что перечитала детективов, а потому что чем меньше людей знает о заговоре такого уровня, тем проще. В магазине нужна целая цепочка, чтобы все это устроить. Если так разобраться, темная магия в Даррании под запретом (ну, не считая Альгора и нашего обучения). И то, это сейчас. В те годы с ней все наверняка было гораздо строже, поэтому...

Нет, я правда собираюсь этим заниматься? Мне что, своих дел не хватает?

Но это ведь тоже мое дело. Сейчас. Я теперь Ленор Ларо, и это — репутация моей семьи. По которой здорово потоптались все, кто только мог, в том числе и настоящие заговорщики. Заговорщик?

Я перевела взгляд на широкую улицу, протянувшуюся вверх. По ней шло множество людей, и вела она к Алой площади, очертания которой уже просматривались даже отсюда — точнее, верхушка Дворца и окружающих его узорчатых стен.

Сделав себе пометку узнать, что вообще родители Ленор дарили Керуану, я присоединилась к людскому потоку и тоже направилась туда. В самое сердце Хэвенсграда.

Глава 20

Люциан Драгон

Впервые за, наверное, всю его жизнь, Люциану не хотелось вообще ничего. Ни тусить с друзьями (хотя Дас звал к себе на выходные), ни развлекаться с девочками, потому что от девочек просто тошнило. В каждой блондинке он видел Ларо, но, что гораздо хуже, в каждой брюнетке, рыжей или шатенке — тоже. А ведь прошло всего-ничего, но она въелась в него, как вплавляются чары в меррьярскую сталь, и он понятия не имел, что с этим делать дальше. Ну, кроме Дорнар-орхарр, но каждый раз тягать по этому поводу из погреба папашы бутылки было бы чересчур.

Да и потом, одного раза ему с лихвой хватило. Он думал, что будет наслаждаться раздражением Сезара, но даже братцева ярость была ему по чешуе. Не по чешуе были только мысли о том, как Ларо проводит время с Альгором. Наверняка смеется над ним. И думает об очередной гадости.

В Академии Джиа могла за ней проследить, но в городе по понятным причинам это было невозможно. Поэтому весь первый выходной день настроение было просто дерьмо, а к вечеру стало еще хуже. Потому что вечерами думается обо всякой дряни в стиле, «как можно было бы его провести, если бы». О том, что Драконова тоже вернулась в Академию, ему доложила все та же Джиа. К Софии он и направился, по крайней мере, она хотя бы тоже умела огрызаться. Все остальные при виде него только блеяли и таяли.

Драконова сидела за столом, когда он вошел. Ее комната, в отличие ото всех этих девчачьих розово-пастельных облачков, была в строгих темно-зеленых тонах с платиново-серебряными вставками, разве что на стенах места не осталось — их занимали грамоты, полученные Софией в школе то по одному поводу, то по другому. А вот свои портреты, целых три штуки, она сняла. Поставила в уголок: первым, закрывая все остальные, стоял какой-то с церемонии награждения, на которой художник запечатлел ее в срочном магическом порядке.

Просторная комната была условно поделена на две зоны: первая — отдыха, где стояла кровать, тумбочки и зачарованные под обстановку двери вели в большую гардеробную. Там же по соседству располагались двери в ванную. Вторая — рабочая, импровизированный кабинет: стол, стеллажи с книгами, парящая в воздухе лампа.

— Решила подналечь на учебу? — хмыкнул он, рассматривая девушку.

София подвернула под себя ногу, в удобной пижаме и с затянутыми в пучок волосами она уж точно не тянула на первую гадину академии. Люциан подумал о том, как могла бы выглядеть Ленор в этом, и тут же поморщился.

— У тебя была когда-нибудь мысль, что ты находишься не там? Не с теми? Что все не так? — закусив губу, София повернулась к нему, и, в отличие ото всех предыдущих эпизодов их встреч, на ее лице больше не было такой привычной маски надменной неуязвимости.

— Нет. А что это тебя на философию потянуло? — Он приблизился, заглянул в магпроекцию, растянутую над столом.

Горбачев, Луковер, изобретатель маджикаров.

Горбачев, Тонимус, деятель искусств, создатель сценария «Ночи Фертаны».

Открытые карточки ему вообще ни о чем не говорили. Кроме, разве что, того, что София интересуется известными Горбачевыми, а с какой радости — непонятно. Она спрашивала его еще тогда, на занятии, когда Ларо вместо алтарь Горрахона брякнула «алтарь Горбачева», но он только пожал плечами: точно кто-то был с такой фамилией, а кто, он не помнит. Но чтобы вот так, серьезно на это влететь...

— Слышал, тебя мой брат вчера утащил из Академии, — хмыкнул он, совершенно ничего не испытывая по этому поводу. Вот бы и с Ларо так же было: думать о ней, и совершенно ничего не испытывать. Ни желания ее придушить, ни желания сцепиться с Альгором, да вообще ничего.

— Твой брат слишком многое себе позволяет, — хмыкнула Драконова, в мгновение ока преображаясь. — Но это у вас семейное.

— Слава Тамее, мы вернулись ко взаимным комплиментам, а то я уже подумал, что ты заболела.

— Разве что от тебя заразилась, — Драконова приподняла красиво очерченные брови. — А впрочем, это мне не грозит. И да, пришли результаты магической экспертизы по той ночи. Между нами ничего не было, Люциан. Я просто вырубилась.

Дурная на всю голову! Можно было догадаться, что Драконова пойдет узнавать, было ли между ними что-то, потому что она слишком заморачивалась по этому поводу. Что там может быть важного — вообще непонятно, ну переспали и переспали. Не переспали и не переспали, вечно девчонки создают проблемы на ровном месте: там, где их вообще быть не должно. Именно сейчас вот это здорово разозлило.

— Делать тебе нечего, — процедил он. — Хочешь, чтобы Сезар обо всем узнал? Что ты как курица-несушка бегаешь и пытаешься выяснить, что я тебя не тр...

— Даже если Сезар узнает правду, — она его перебила, — хуже от этого никому не будет. Мне надоело врать, изворачиваться и изображать твою девушку, хотя на самом деле ты был бы последним, с кем я бы связалась. Но в целом, Люциан, можешь не волноваться. Я не ходила в лазарет к Симрану. Я ходила в очень дорогую клинику в городе, в которой умеют хранить секреты, и уж точно не называла твоего имени.

«Ты был бы последним, с кем я бы связалась».

— Я тоже не ценитель змей в юбках, — вернул ей комплимент Люциан. — Но поскольку все так, как есть, советую тебе подбирать слова, моя дорогая София.

— А то — что? — Она сложила руки на груди и в этот момент стала донельзя похожа на Ларо. Впрочем, он уже привык к тому, что все девицы в округе похожи на Ларо.

— Проверим? — неизвестно зачем повторил он слова Ленор.

А потом, окончательно разозлившись на себя, на нее, на эту девицу, которая тоже смела диктовать ему условия — совсем как она — шагнул и резко впился поцелуем в красивые губы. София настолько растерялась, что даже не успела его оттолкнуть, а когда очнулась, зарычала, тяпнула его за губу, уперлась ладонями в грудь и чуть не саданула коленом в пах. Спасибо отточенной реакцией, Люциан едва успел увернуться, перехватывая ее так, чтобы это не повторилось, заводя руки за спину.

В такой чудесной позе, с почти заваленной на стол Драконовой, их и застал Сезар, который — на минуточку — открыл портал прямо к ней в комнату!

Интересненькие новости!

— Пусти! — рванулась Драконова, раздувая ноздри, совсем как Сезар. — Да пусти же!

Что касается брата, он смерил ее таким взглядом, что на месте Софии стоило бы зашипеть и испариться от стыда за сам факт своего существования. София же только плотно сжала губы и метнула в Сезара яростный взгляд.

— Не хочу намекать, братец, но ты не вовремя...

— Не вовремя твой неуместный сарказм, Люциан, — процедил Сезар. Люциан даже опомниться не успел, на плечо тяжестью легла рука брата, а в следующий миг его швырнули в портал.

Прямо под лапы разгневанного отца.

То, что папаша в гневе, становилось понятно по тому, как раскалился вокруг его наисветлейшества воздух. Разве что не дымился, а золото чешуи было таким, словно впитало весь солнечный свет, а заодно и его жар. Глаза тоже полыхали золотом, из широких ноздрей вырывались струйки дыма. Главное, что не снизу, а то взлетел бы без силы крыльев. Мысль об этом, кажется, тоже пришлась не вовремя, потому что ухмылку Люциан не сдержал. Чем вызвал еще большую ярость в разогревающем ни в чем не повинный зал для аудиенции отце.

— Как ты посмел?! — пророкотал он, из-за чего содрогнулись стены.

— Что именно? — уточнил Люциан. — Я за последнюю неделю много чего посмел.

— Заклинание королевской крови! — В рычание отца ворвалось шипение. — Как ты посмел применить его к Аникатии Эльдор?

О, Ани все-таки пожаловалась. Ну да и Лозантир с ней. Оправдываться и объясняться за это он не намерен, и уж тем более — перед ними. Особенно перед ними.

— Заклинание, созданное для особых случаев, защищенное законом. Как ты, мой сын, мог позволить себе злоупотреблять властью, полученной от рождения?

Теперь уже дрожали не только стены и окна в замке для аудиенций, похоже, дрожал весь замок. Вот бы он развалился к драхам! Ко всем лозантировым тварям.

— Она отказалась отвечать на мой вопрос. — Люциан сунул руки в карманы. — Мой прямой вопрос, от которого зависела моя репутация, и, между прочим, репутация всей королевской семьи.

Вот драх! Обещал же не оправдываться. Качнулся с носка на пятку и пожал плечами.

— Если это все, то я, пожалуй, пойду.

Хотя уходить не хотелось — особенно после того, как Сезар на глазах у Драконовой просто швырнул его в портал. Как какого-то драконеньша! К папаше! На головомойку! Хотелось высказать им все, а еще лучше — популярно объяснить, как они все его достали!

Не дожидаясь ответа, шагнул было к дверям.

— Стоять! — раскатами по залу пронесся голос отца. — Мы еще не закончили. Соблазнение Софии Драконовой и опаивание человеческой девушки дорнар-оррхар тоже объяснишь благими намерениями по защите репутации королевской семьи?

А вот это уже, похоже, Сезар настучал. Резко остановившись, словно наткнулся на невидимое препятствие, Люциан усмехнулся:

— Ты, может, и не закончил, зато закончил я. Можешь продолжать исходить гневом, пока не спалишь всю чешую и не лопнешь, но я на это смотреть не обязан.

— Люциан! — окрик Сезара за спиной заставил скривиться.

— Что? — усмехнулся он.

— Имей уважение, когда с тобой говорит отец.

Вот лучше бы он молчал.

— Швырять меня в портал, как нашкодившего драконенка, можно, а мне потом что делать? Иметь уважение? — Он повернулся к брату. — А знаешь что, ты прав. Имел я ваше уважение. Имел я тебя. И тебя. Идите вы все на...

Договорить не получилось: в тело словно разом ударили тысячи молний или огненных шаров. Боль на мгновение выбила разум, как заклинание, в котором резко разорвали контур, а потом соединили заново, но неправильно. Когда вот это соединение произошло, сквозь ярость бесчисленных жал ворвалось осознание, что он не удержался на ногах и теперь стоит на коленях. Распластанной до боли рукой

опираясь о кажущийся ледяным несмотря на бушующее внутри пламя пол. Вслед за этим осознанием пришло и еще одно — то, что именно так работает заклинание королевской крови.

— Заклинание королевской крови дозволено применять в трех случаях. — Голос отца теперь напоминал не рычание, а дребезжание, или же ему просто так слышалось под воздействием сводящей с ума, испепеляющей боли. — По единоличному решению короля. По решению королевского совета для допроса в особых ситуациях. В экстренных обстоятельствах, угрожающих жизни королевской особы. Повтори!

Плавающая боль тело вгрызалась в сознание вместе со словами-рычанием, от которых сейчас дрожал зал. Не просто дрожал, окна прыгали перед глазами.

— Да... пошел ты... — сквозь громоподобное собственное сердце в ушах процидил Люциан.

— Повтори!

— С удовольствием! — это он не то выплюнул, не то прокричал. — Да пошел ты!

— Люциан! Отец! — голос Сезара звучал как далекий раскат грома посреди сильнейшей грозы.

Боль прекратилась так же внезапно, как и накатила — просто схлынула волной, унося с собой ощущение, что ты сгораешь заживо, оставляя озноб, холодный пот и подрагивающие пальцы. Да, от темной магии совсем другие ощущения, но и магия светлых может приложить так, что мало никому не покажется. С драха ли он вообще думает о темной магии? Сейчас...

— В гарнизон. На год, — прозвучало сверху, и тогда Люциан вскинулся:

— Что?! — вскочил, точнее, поднялся, оттолкнувшись неведомо на какой силе, уставился на отца.

— Ты меня слышал.

— Но я учусь!

— Прежде чем учиться высшим ступеням магии, тебе не помешает научиться кое-чему еще, — пророкотал отец снова. — Ответственности. Уважению к старшим. Уважению к женщинам и пониманию того, что искать спасение в бутылке — недостойно даже для ремесленника, не говоря уже о сыне короля. Всему этому отлично

обучают в гарнизоне на границе с Темными землями. Все, свободен. Собирай вещи. Твоим отчислением из Академии займется.

Впервые за все время ему удалось выбить почву из-под его ног. Не в силах поверить в услышанное, Люциан замер. Гарнизон на границе с Темными землями — это же жуть! Мало того, что глухомань и полная задница, так еще и постоянная угроза. Помимо темных драконов, эти земли населяют абсолютно безмозглые, но отвратительно настойчивые и опасные твари. Поскольку большая часть из них уже дохлая, они прут через границу, и защита не способна их уничтожить, а разбираться с ними приходится на месте.

Поверить невозможно, что отец правда запихнет его туда! Это же...

— Отец, — вперед вышел Сезар. Хмурый как сто грозовых туч, наложенных друг на друга. — Я прошу тебя пересмотреть свое решение. Предлагаю перевести Люциана на мой факультет, под мое кураторство.

Люциан метнул на брата злой взгляд: защитничек выискался, но сказать ничего не успел.

— Ты готов за него поручиться, Сезар? Готов отвечать за его поступки, как за свои?

Кураторство на военном факультете предполагало, что тот, кто является наставником, отвечает за своего подопечного. Подопечный Сезара... бр-р-р! Люциан аж скривился, так и блеванул бы — тем более что желудок после воспитательных мер отца подкатывал к горлу с завидным упрямством. Останавливало только то, что гарнизон и граница с Темными землями — это гораздо, гораздо хуже Сезара. Наверное. Он не сравнивал. Не думал, что когда-то придется.

Да твоего ж драха!

— Да. Я готов.

Отец тяжело смотрел на брата, золото в глазах медленно гасло. Вместе с ним таял и жар, готовый, казалось, расплавить не только зал для аудиенций и всех, кто находится в нем, но и внутренности.

— Хорошо. До первой ошибки, — произнес, наконец, он. — Ты знаешь, что это для тебя означает, Сезар.

— Да. Знаю.

— Теперь ты, — в Люциана ввинтился отцовский драконий взгляд. — Одна твоя ошибка — и ты отправишься в гарнизон. Сезар

тебе больше помочь не сможет. Ты меня понял?

— Понял, — выплюнул он чуть ли не с ненавистью.

— Я думал, эта девочка изменила тебя, — неожиданно произнес отец. — Рядом с ней я видел того сына, каким всегда хотел тебя видеть, но я ошибался.

Почему-то это резануло больнее всего, гораздо больнее заклинания королевской крови, да даже того, что придется перевестись на военный факультет и ходить под началом Сезара.

«А ты знаешь, что эта девочка носит браслеты Альгора?! — захотелось заорать ему. — Знаешь, что она собиралась размазать меня ровным слоем, меня и мою репутацию в Академии?»

Вместо этого Люциан плотно сжал губы, а когда разжал, с них сорвалось насмешливое.

— Тебе показалось. Эта девочка — просто одна из многих, — он постарался, чтобы «многих» прозвучало как можно более оскорбительно, после чего сунул руки в карманы и вышел из зала. Предсказуемо, следом увязался братец, которого сейчас не то что не видеть, убить хотелось.

— Доволен?! — резко остановившись, зарычал Люциан. — Отомстил?

Лицо Сезара исказила гримаса ярости. Ну давай, скажи что-нибудь. А еще лучше — ударь! Так давно хотелось просто почесать кулаки об эту самоуверенную снисходительную физиономию, уверенный в своем совершенстве старший братец!

— Если бы я хотел отомстить, — процедил он, — ты бы валялся в ногах у отца до тех пор, пока не повторил бы его слова о заклинании. Я никогда раньше не видел его в такой ярости.

— Твоей милостью! — рявкнул Люциан. — Ты был счастлив, когда рассказывал ему историю обо мне и Драконовой в красках?

Сезар всегда был смуглым, но сейчас просто побелел. От ярости. Его яростью — светлой, смешанной с темной, полоснуло наотмашь.

— В отличие от тебя, я понимаю, что такое честь девушки, Люциан. И, в отличие от тебя, у меня хватает мозгов ценить то, что у меня есть.

— Скажи это Женевьев, — хохотнул он.

И, развернувшись, направился по коридору, пальцами проследив узор гобелена на ближайшей к нему стене.

Глава 21

Лена

Можно ли назвать удачной прогулку, если вся комната завалена пакетами из магазинов? Завалена буквально, Тирина явно не знала, куда складывать мое богатство, поэтому пакеты лежали и стояли на полу, на подоконнике, на кровати, в кресле, в общем, везде. Хитар явно был недоволен таким положением дел, потому что за ужином все-таки набрался смелости и высказал мне, что женщинам должна быть присуща скромность, а расточительство не понравится моему будущему мужу. Я чуть не подавилась, а потом поинтересовалась, кого он видит в моих будущих мужьях, неужели Валентайна Альгора? На этом чуть не подавился опекун, и к теме расточительства мы больше не возвращались.

После ужина я, как и собиралась, выбралась в беседку. По моей просьбе Тирина с помощником — приходящим садовником, привели ее в порядок, я постелила на узорчатой скамейке плед, набросала уютных подушечек, и забралась в свою норку, то есть на сиденье, подогнув под себя ноги. Мягкий свет от купленного в одной лавке магического фонарика, бросал отблески на отполированный белоснежный столик, которым явно давно не пользовались.

Почему-то мне на удивление легко было представить в этой беседке Эвиль, Симеона, Ленор и Макса. А вот Хитара, Ленор и Макса — никак. Ужинал последний тоже у себя, наотрез отказавшись спускаться, чем вызвал очередной всплеск недовольства дядюшки, а с моей стороны... я бы и рада была с ним поговорить, если бы знала, о чем. Я не представляла даже, какие отношения были у брата с сестрой, не говоря уже о пробежавших между ними тараканах и пролетевших драконах. Больше того, любое общение с Максом для меня было как хождение по лезвию, если дяде было откровенно на меня наплевать, то вряд ли братик упустит какую-нибудь особенную деталь, которая может меня выдать. А если заметит что-то подозрительное, молчать точно не будет.

Вон даже платье мне разодрал. Нераздираемое.

— Я не буду думать о тебе, Люциан, — сказала вслух, четко проговаривая каждое слово. А особенно — его имя. Особенно его имя.

Дурацкая мысль о том, каково было бы сидеть в этой беседке с ним, сменилась раздражением на себя. Да что ж я творю-то! Распустила сопли по иномирному принцу, лучше ничего не придумала. Хватило же ума на него запасть — вот теперь должно хватить сил и выпасть. Вылететь.

Стянув края пледа, глядя на пляшущее за стеклом пламя артефакта, мысленно вернулась к сегодняшней прогулке. Алая площадь на самом деле чем-то напоминала Красную. Окруженная многовековыми стенами дворца, под ногами — вылепленный один к одному камешек брусчатки, отливающий алым в лучах солнца, будто пропитанный кровью. Такими их сделали в память о кровопролитной войне светлых и темных, оставившей след чуть ли не в каждой семье мира. Украшал площадь огромный фонтан в форме отпечатка лапы дракона, статуя известного местного (а если быть точным, основателя Хэвенсграда и первого короля Даррании, Оттаргана Великого), а завершал этот великолепный ансамбль храм Тамеи. В последний я так и не решилась зайти, тем более что архитектура храма больше напоминала католические соборы, чем православные церкви, да и вообще, я пока не разобралась, как на месте дела обстоят с религией, а особенно — не оскорблю ли я кого-то из прихожан браслетами Валентайна Альгора.

Дабы избежать возможных осложнений, решила отложить знакомство с местными религиозными обычаями на потом, а сама погуляла по площади, рассматривая вырастающий над ней, выполненный из такого же, с алым отливом, камня — как стены и брусчатка под ногами, дворец. Вот он как раз на Кремль был не похож от слова совсем. Было в нем что-то от дворца в Петергофе и от Зимнего, дополненного готикой, этакая смесь архитектурных стилей из нашего мира. Хотя я подозреваю, что здесь это тоже как-то по-особому называлось, но изучение архитектуры у меня в приоритетах больше не стояло.

В приоритете было спасение Сони. Вот только для того, чтобы спасти Соню, мне придется добраться до труда Валентайна Альгора, который он хранит за семью печатями. При этом сделать это так, чтобы Валентайн не узнал, да еще и как-то подготовиться к тому,

чтобы вытащить подругу оттуда, откуда по идее не возвращаются. А для этого нужно усиленно заниматься темной магией, вот прямо усиленно, настолько, насколько это возможно. И придумать, как ее пробуждать, если не угрозой для моей жизни.

— Тэри Ларо... Ленор, — нарушила мое уединение Тирина, вынырнувшая из окрасивших сад густой вечерней синевой сумерек. — Не хотите к себе вернуться? Поздно уже, холодает. Да и архимаг Равен нервничает. Злится.

Я мысленно закатила глаза.

Попить бы архимагу Равену успокоительного. Ну что, спрашивается, плохого в том, что твоя подопечная сидит в парке, окружающем твой дом, в беседке! А не шляется не пойми где не пойми с кем, возвращаясь домой далеко за полночь.

Ну ладно, предположим, вчера так и было.

— Скажи, что я сейчас вернусь, — успокоила горничную. — Только соберу здесь все.

— Вам помочь... то есть тебе?

— Нет, спасибо. Сама справлюсь.

Тем более что подушки и плед я хотела оставить — завтра же наверняка сюда опять приду, а вот фонарик заберу: мало ли, как местные артефакты на холод реагируют. Да и понравился он мне, можно его в качестве декора для спальни зимой использовать.

Стоило Тирине уйти, как я поднялась и принялась складывать подушки, плед, и вот тут мне о себе напомнила женская радость. Скрутило так, что пришлось, пискнув, ненадолго присесть. В клинику я сегодня зашла, там же, в центре, но мне сказали, что такое заклинание ставится только после завершения самой радости, поэтому приходить надо позже. Пришлось смириться с тем, что эта особенность женской природы и в этом мире будет протекать как в моем. По крайней мере, на этот раз.

Посидев и отдохнув, я все аккуратно сложила, подхватила фонарик, шагнула вперед, и перед глазами яркой вспышкой расцвела такая же ночь. Буквально: с деревьев летели лепестки, подхваченные порывами ветра, путаясь у меня в волосах, белели цветы в насыщенной темно-зеленой листве. Одурающе пахло весной, надо мной раскинулось звездное небо, высокое, по полотну которого рассыпали бриллиантовую крошку звезд.

Ладонь на щеке обжигала кожу, и в точности так же кожу обжигало горячее, терпкое дыхание... Люциана.

Поцелуй оказался глубоким, затягивающим и таким жарким, что мне стало трудно дышать. Еще сложнее стало, когда ладонь Люциана скользнула на мои ягодицы, а после раздался насмешливый голос:

— Драгон! Драгон, ну где тебя драхи носят? Я же сейчас подумаю, что ты там Ларо зажимаешь!

— Фантазия у тебя, Дас... — насмешливо скользнув по моей груди взглядом, а по щеке — пальцами, Люциан оттолкнулся и растаял в темноте сада, а я с бешено бьющимся сердцем, вцепившись в ажурные перила беседки, смотрела ему вслед.

Мне потребовалось минуты две точно, чтобы прийти в себя и понять, что это — память Ленор. Которая так не вовремя подсунула мне поцелуй с Драгоном! В этом самом саду! Судя по цветущим деревьям — весной. А еще, судя по всему, Люциан был не совсем трезв, потому что его губы горчили нотками чего-то весьма крепкого, вот только как он оказался в саду Ларо? Получается, у них с Ленор уже что-то было до меня?!

Ошалев от такой догадки, я разомкнула сжавшиеся на перилах пальцы, как в свое время их сжимала Ленор, и уставилась на отпечатавшийся на ладони узор. М-да, Лена, встряла ты капитально. Потому что несмотря на то, что это были даже не мои воспоминания, сердце грохотало, отдаваясь сумасшедшим пульсом в ушах. Мне и раньше подкидывало воспоминания из «прошлой» жизни, то есть доставшиеся мне от Ленор Ларо, но никогда раньше они не отзывались во мне таким сумасшедше-острым, будоражающим фейерверком чувств, как сейчас.

Похоже, Ленор когда-то всерьез запала на Люциана, и он об этом знал. Поэтому и предложил мне то, что предложил. И, мягко говоря, удивился, что я сразу не сиганула в его объятия, теряя юбку и все, что под ней.

Чтобы успокоиться, пришлось несколько раз глубоко вздохнуть, и только после этого, подхватив фонарь, я направилась к дому. Все еще пытаюсь справиться с ускорившимся пульсом, горящими от воспоминаний губами и совершенно ненормальной, неестественной реакцией тела на этого... принца!

Отмечаться у дяди я по понятным причинам не стала, взлетела по лестнице прямо к себе в комнату, захлопнула дверь и, наконец-то, перевела дух. Сердце понемногу все-таки успокаивалось, по крайней мере, больше не норовило выскочить из груди. Щека хоть и хранила воспоминание-тепло о его прикосновении, но уже больше не алела, и мне оставалось только порадоваться этому факту.

А заодно и пойти принять ванну, зря я, что ли, покупала себе столько всего интересного для релакса.

Ванна, как всегда, сработала на «ура»: забираясь после часа расслабления в соленой воде с ароматной пенкой в постель, я чувствовала себя спокойно и больше не задумывалась о прошлом Ленор с Люцианом. И о том, что происходит между ним и мной в настоящем (правильный ответ — ничего). С такими мыслями я обнимала подушку, раздумывая о том, куда мне завтра раскладывать все стоящее в комнате богатство, а проснулась от звука...

Хрусь!

За окном было темно, поэтому, вскинув голову, я почти ничего не увидела. Кроме сверкающих в темноте глаз того зверя, который приходил ко мне на выходных, и о котором я забыла спросить у дяди. Сам зверь тоже обернулся ко мне, сверкнув оскаленной пастью, в которой мотался пакет с моим новым нижним бельем!

— С ума сошел?! — Я в два прыжка оказалась рядом и вцепилась в пакет. — Это нельзя жрать!

Дракончик уркнул и потянул пакет на себя. Оторвав ручки «с мясом», из-за чего сам отлетел в одну сторону, а я в другую. Зверь недовольно зарычал, а потом метнулся к креслу и напал на пакет с обувью.

— Нельзя! — взвыла я, хватая его за хвост. Точнее, пытаюсь: почувствовав неладное, дракончик взмыл в воздух и захлопал крылышками, демонстрируя острые, как у акулы, треугольные зубы. Жуть! Это ж если он такими укусит за руку, руки не будет. А если укусит хоть что-нибудь, что я купила...

Я начала озираться в поисках чего-то разодранного или сожранного, и в этот момент мне на нос упала чешуйка. Потом еще одна. Острые! Стряхнув их на ладонь, я широко распахнула глаза: это были чешуйки с моего платья! С платья, которое прислал Люциан. Так

вот что бывает, когда треугольные зубы впиваются даже в то, что по словам некоторых разодрать невозможно.

— Убью! — рыкнула я, подскакивая на добрых полметра (спасибо, физподготовка!).

Мне удалось цапануть зверя за лапу, он обиженно взрычал и метнулся в сторону. С такой силищей, что я подлетела за ним в воздух и от неожиданности разжала руку. Дальше мы играли в догонялки — он метался от меня по комнате, по воздуху, а я бегала за ним. Даже запустила в него подушкой и попала, но не сбила. Закончилось это все, когда я совершила обманный маневр, якобы попытавшись проскочить к окну, а на деле схватив одеяло и набросив на пролетавшего над кроватью вандала.

Запутавшись в нем, пожиратель моего платья грохнулся на кровать, а я прыгнула сверху:

— Попался!

— Р-р-р-и-у, — донеслось из-под одеяла глухое и печальное. Плачущее. Такое, что мне мигом стало стыдно за издевательство над непонятными дракончиками.

— А тебе мое платье было не стыдно жрать? — буркнула я. — Я, между прочим, на него рассчитывала. Ладно уж, вылезай.

Приоткрыла драконотюк, и оттуда вылез взъерошенный, с топорщащимися чешуйками зверь. Драконо-акуленок он. Дракуленок. Но на удивление милый, когда пасть закрыта, и, судя по размерам, маленький совсем.

— Ты вообще кто? И откуда? — поинтересовалась я. Не особо рассчитывая, что он мне ответит, просто мне правда хотелось это знать. Какие у них тут вообще домашние питомцы? Может, это местный аналог собаки, мини-дракон, и Ленор его завела перед отъездом в Академию?

Да нет, вряд ли. Судя по тому, что тут творилось до моего появления, Хитар скорее саму Ленор бы на цепь посадил, чем позволил ей завести домашнее животное. Особенно такое, которое все жрет.

— Кто же ты, кто же ты... — Я протянула ему руку. — Иди сюда. Давай же, иди. Не обижу. И что ты вообще ешь, кроме платьев?

Зверь широко зевнул, облизнулся. А потом произнес почему-то голосом Валентайна:

— Людей.

Я чуть мимо кровати не села.

Оно разговаривает! Он... она... и людей ест? Ладно, я в последнее время еще и не такое видела, так что подождем убежать с воплями.

— У меня к тебе всего два вопроса. Если ты ешь людей, почему ты не съел меня? И второй: почему ты говоришь голосом Валентайна Альгора?

— Ты мне понравилась, — сказал дракончик. — Поэтому и не съел. Есть в тебе что-то милое.

Я моргнула.

— А голос Валентайна... ну, он мне понравился.

Обалдеть.

— Голос? — уточнила я. — Или Валентайн?

— Голос, — дракончик зевнул. — Он у него такой сильный. Глубокий. Мужественный.

Да чтоб меня!

— Может, ты к нему жить пойдешь? — уточнила я с надеждой. Не то чтобы мне не хотелось держать рядом зверя, который ест людей... ладно, не хотелось.

— А ты пойдешь?

— Куда?

— Жить к Валентайну, — дракончик фыркнул. — Какая ты непонятливая!

— Нет. Нет, я к нему не пойду.

— Ну тогда и я не пойду. Ты мне нравишься.

Да, чудесный у нас с ним получался разговор.

— Ты зачем мое платье сожрал?

— А что, нельзя было?

Я сложила руки на груди.

— А хвост тебе откусывать можно?

— Нет.

— Вот и платья мои жрать тоже нельзя. И обувь. И белье, — я вспомнила, что купила, и добавила на всякий случай: — туалетные принадлежности тоже.

— Фу, какая ты скучная. — Мне показалось, что он сейчас мне язык покажет, но дракончик только потоптался по моей постели, развернулся и плюхнулся поперек, продемонстрировав мне

переливающуюся на позвоночнике чешую с алыми отблесками. — И вообще. Я тебе не откусывал руку.

И на том спасибо.

Я обошла кровать, забралась на нее с ногами и взглянула на своего гостя уже совершенно иначе. Разумный дракончик... а-а-а-а!

— Ты чей? — спросила я. — В смысле, ты ребенок, который обернулся и теперь навсегда останется таким?

Зверь, который прикрыл глаза, в этот момент широко их распахнул. Огненно-черные, они, кажется, даже увеличились в размерах.

— Ты совсем того? — спросил он. — Сравнила меня со светлыми! А?

— Я — из Загранья! Могу принимать призрачную форму, могу такую. Ребенком я никогда не был, к счастью. Меня таким создали.

— Зачем?

— Чтобы тебя убить.

— Что?!

— Да что ты такая нервная. Не убил же, — он облизнулся. — Сам не знаю почему. Ты просто была такая... уютная. Такая... в общем, есть в тебе что-то особенное, Лена.

Ну супер. Он не просто людей ест и голосом Валентайна Альгора разговаривает, его еще и послали меня убить, и он знает мое настоящее имя.

— Откуда?

— Что — откуда?

— Откуда ты знаешь мое имя?

— Тебя так Валентайн называл. Когда ты спала.

М-да. Он не просто меня раздевал, оказывается, он меня раздевал при свидетелях. Людоедах-убийцах из Загранья.

И ничего мне не сказал, самое главное! У-у-у! Ладно, с Валентайном я потом разберусь, сейчас другое важнее.

— Кто тебя послал?

— Куда?

— К Лозантиру! Меня убить, разумеется.

— А вот тут большой вопрос, Лена. Обычно маг, который создает и призывает мне подобных, оставляет связующую нить, чтобы по ней

притянуть меня в любой момент. Мой создатель нить оборвал, вложив в меня только приказ тебя уничтожить.

На этом моменте я поняла, что мне здорово повезло. Очевидно, маг, оборвавший нить, оборвал и связь с ним дракончика-убийцы. Поэтому тот смог выбирать, убивать меня или нет, но, конечно, это только мои предположения. Мне надо проверить их, а точнее, спросить у Валентайна. По-хорошему, этого зверя точно надо к Валентайну, пока он не сожрал кого-нибудь. Вздыхнув, покосилась на браслеты: невыносимо хотелось спать, а не общаться с Альгором.

— Если я тебя попрошу никого не убивать до завтра, ты меня слушаешься? — звучит как бред, ну да ладно.

Дракончик сощурил глаза, из-за чего они превратились в светящиеся щелочки.

— Я, вообще-то, никого и не убивал. Я только к тебе приходил несколько раз, и физическая форма мне нужна только в этом мире. В моем я существую как призрак, поэтому никого не ем, питаюсь темной магией, становлюсь сильнее и расту. Вот если я буду все время с тобой ходить, еда мне понадобится. Тогда сожру кого-нибудь. Этого твоего надоедливового брата. Или дядю.

— Нет! — сказала я.

— Ну тогда служанку.

Я закатила глаза.

— Мы не будем никого есть в моем мире! Ходи питаться в свое Загранице и расти там!

— Вот оно, хваленое человеческое гостеприимство, — он раздраженно шмякнул хвостом по кровати и вспорол простыни.

Я скептически на него посмотрела.

— Что?

— Ничего. Это же мне завтра Тирине объяснять, что произошло с постельным бельем.

— Необязательно. Я могу ее съесть.

— Нет!

— Ну нет так нет, тогда объясняй, — проворчало это странное существо и свернуло клубком. По-кошачьи.

Я с силой дернула из-под него одеяло, устроилась поудобнее на подушке, но глаз сомкнуть не могла. Не потому что он меня сожрет, нет, хотел бы — уже давно бы сожрал, но глазеть на него я все равно

не могла перестать. Черный дракономонстрик с шипами на шее, аккуратно свернувший хвост-жало, которым вполне может проткнуть человека насквозь даже сейчас.

«Становлюсь сильнее и расту».

Это до каких же размеров он вырастает, если уже сейчас величиной с крупную собаку?

Кожистые веки приоткрылись, зрачки в огненных глазах расширились.

— Спать-то будем? — спросил он.

— А ты ко мне из Заграницы поспать пришел?

— В том числе. В Загранице попробуй поспать.

Я покачала головой и вздохнула. Нет, разбираться со всем этим я точно буду не сегодня. Но кое-что еще нужно спросить.

— Как тебя зовут?

— А-акромангдраилговарнмархармтуэльгевджхаросан-ко-ломанр.

Что, блин?

— Призыв таких, как я, — поясняет дракончик, — происходит с помощью звуковых заклинаний, каждый раз с разными завершениями, потому что создается новая особь. Поэтому вот этот набор звуков и считается моим именем. Ну, в переводе на ваш, человеческий. Или драконий.

Я попыталась вспомнить хотя бы что-то из того, что он сказал, чтобы как-то сократить, но память упорно подсказывала нечто непроизносимое в принципе, поэтому я сдалась.

— Ладно. Будешь Дракуленком.

— Мне нравится, — сообщил Дракуленок и снова смежил веки.

А я, рассматривая его плотную, острую чешую и когти-кинжалы, подумала, что спокойной жизни в этом мире у меня не будет. Никогда.

Глава 22

— Ленор, поторопись! Максимилиан может опоздать в школу! — донесся голос Хитара, когда я уже спускалась по лестнице.

Брат с независимым видом стоял рядом с ним в холле, перекатываясь с носков на пятки и обратно. На лице его читалась смертельная скука, в глазах — абсолютное наплевательство на все и вся, но, что самое странное, сегодня он аккуратно причесался, зачесал волосы назад, как того требовал Хитар, а еще застегнул серую школьную форму на все пуговицы. Которые поблескивали, как его начищенные ботинки да серебристая форменная окантовка на пиджаке.

Для Хитара такое явно было в порядке вещей, а вот я откровенно насторожилась. Вчера, когда я зашла к нему попросить прощения за то, что обвинила его в разодранном платье, он отреагировал в своем привычном стиле:

— Может, свалишь уже из моей комнаты? — поинтересовался лениво.

— Да что с тобой не так?! Я пришла извиниться!

— Извинилась? Вали.

Поскольку я понятия не имела, что за всем этим кроется, то реально свалила. В конце концов, не лезть же к здоровому парню с сюсюканьями на тему «Что с тобой случилось?» Да и по лицу Макса становилось понятно, что он мне ничего не скажет, кроме очередного адреса, куда я могу пойти. Поэтому свой выходной я посвятила раскладыванию вещей, кое-что отдала в стирку Тирине, кое-что сразу распаковала и аккуратно повесила.

Все лишние мешки и коробки тоже забрала горничная, а всю вторую половину дня я усиленно готовилась к занятиям и восполняла пробелы по мироустройству. Завтрак у меня прошел в вежливом нейтралитете с Хитаром, обедала я одна, потому что дядя куда-то отбыл, а Макс так и не соизволил спуститься, а ужин вообще попросила подать мне в беседку, где сидела и смотрела на становящиеся невыносимо легкими осенние листья.

Стараясь не думать о том, что было между Ленор и Люцианом, а заодно и о том, что было между Люцианом и мной. Получалось с переменным успехом, но в целом день прошел уютно-спокойно. Дракуленок больше не появлялся — видимо, посчитал, что раз никого нельзя жрать и ничего нельзя драть, то со мной ему скучно. По крайней мере, когда я вчера проснулась, о его присутствии напоминала только распоротая простынь.

Тирине я сказала, что неудачно распаковала кое-какую покупку, а сама попыталась мысленно вызвать дракончика. Но то ли между нами не было связи, то ли это вообще так не работало, то ли он не захотел приходить — все было тихо. Не появился Дракуленок и следующей ночью, то есть уже сегодня, и сегодня же я собиралась задать Валентайну много вопросов. Очень много вопросов!

В том числе и о своем новом говорящем знакомом.

Втроем, как обычно (я, дядя, Макс), мы погрузились в маджикар, где нас уже ждал водитель.

— Сегодня сначала выйду я, — произнес Хитар, когда мы тронулись. — Потом Макс, потом ты, Ленор.

— Ты же во Дворце правителей работаешь, а он дальше всего, — сказала я. Теперь я даже представляла, где мой дядя-архимаг проводит свои рабочие часы. Преимущественно.

Макс фыркнул.

— А он к любовнице.

За что заработал убийственный взгляд Хитара, на который опять никак не отреагировал, откинулся на спинку сиденья и безучастно уставился в окно.

— Я не во Дворец правителей с утра, — пояснили мне. — Нужно будет заехать в одно ведомство.

Мы действительно поехали другой дорогой — вырулили в противоположную сторону, прокатились по мосту над речушкой, свернули в район с очень широкими улицами, где стояло множество богатых особняков, похожих на наш, почти весь оставили его за спиной, и где-то ближе к концу всей этой роскоши и великолепия Хитар и попросил водителя остановиться.

— А я что говорил? К любовнице, — снова фыркнул Макс, когда дядя скрылся между двухэтажными домами, окруженными небольшими уютными садами.

Я посмотрела на него:

— Ты всем специально дерзишь? Зачем нарываешься?

— Не всем, только тем, кто особо дерзibelен. — Парень пожал плечами. — Тебе, например. А что касается «нарываться», так это в прошлом. Моя сестра связалась с Валентайном Альгором, и она меня защищает. Поэтому дяде придется терпеть то, что я говорю, то, что я делаю, и все остальное.

Выдав все это, он сложил руки на груди и презрительно вздернул бровь, давая понять, что разговор окончен.

Велико было искушение послать его к драхам и больше вообще к этому разговору не возвращаться, но я привыкла доводить дело до конца.

— А как тебе такая история, Макс? Твоя сестра, которая теперь с Валентайном Альгором, идет к нему и говорит, что ее обижает младший брат? Очень сильно обижает, говорит всякие пакости. Дерзит.

Усмешка с его лица не исчезла.

— Ты этого не сделаешь.

— Ну если ты так хорошо меня знаешь, какого драха ты вообще ведешь себя так? Что лично я тебе сделала? Ведь судя по тому, что я тебе не сделаю — как ты считаешь — я в целом неплохая сестра. Так какого ты меня оскорбляешь и делаешь вид, что я тут мимо пробегала к любовнику, как Хитар.

Водитель как-то нервно дернул глазом. У них здесь тоже были зеркала заднего вида, правда, немного по-другому расположенные, но в целом, его замешательство можно было понять. Он на Хитара работает, а мы обсуждаем его и его любовниц — если, конечно, они у него есть, с его-то характером и скупостью в целом.

— А какая тебе разница? — Макс перестал ухмыляться. — Не было-не было разницы, и вдруг что-то случилось. Молчала, когда Хитар надо мной издевался — и тут нате вам, защищать начала, жизнью моей интересуешься. У тебя временное помешательство?

Да, пожалуй. Хотя насколько временное, я не знаю. И не знаю, насколько оно в целом помешательство, потому что... ну да, Макс мне не брат. Но он вполне мог им стать. В смысле, через год после моего рождения у меня и должен был родиться брат. Но он не выжил, что-то случилось во время родов. Родители мне об этом не рассказывали, а

вот тетя Оля как-то проболталась. Спустя год или два после того, как они погибли. Не мне даже, своей подружке, и не на трезвую голову. Потом, когда я на следующий день ее об этом спросила, она отпираться не стала.

У меня должен был родиться брат.

И разница у меня с ним была бы точь в точь как у Ленор и Макса.

— Предпочитаешь колупаться в прошлом и ныть на тему, какая я была плохая? — уточнила я. — Ну круто, ной дальше. Только сейчас я другая, и ты это должен был бы увидеть одним из первых. То, что я изменилась. Но ты предпочитаешь вспоминать то, что было и возвращать в себе обиды. Что ж, это твой выбор. Только подумай, насколько он для тебя важен. Насколько для тебя важно прошлое. Или все-таки важнее то, что мы вместе можем создать сейчас. То, что мы наконец-то сможем стать братом и сестрой по-настоящему.

В общем-то, я сказала все, что хотела. Говорить что-то еще не имело смысла, до него либо дойдет сейчас, либо не дойдет уже никогда. Судя по выражению лица — упрямо-насмешливому, скорее, второе, поэтому я пожала плечами и отвернулась. В конце концов, смотреть в окно — тоже занятие, и тоже достаточно интересное. Особенно пока мы едем по новым улицам и не встали в местную пробку.

— Я поссорился с лучшим другом. — Голос Макса ударил в тишину так неожиданно, что я вздрогнула и повернулась к нему. — Мы с ним дружили с детства. Хитар вообще-то не одобрял наше с тобой общение с кем бы то ни было, но тут решил сделать исключение. Да что я тебе рассказываю, ты же и так все знаешь.

Вот здесь надо мной прямо-таки замигала вывеска — крупная вывеска с большими красными буквами: «Опасность, Лена, опасность». Память Ленор периодически подсовывала мне воспоминания, но в них не было ничего про друзей младшего брата. Точнее, про лучшего друга младшего брата, которого, судя по всему, одобрил Хитар. А если Хитар одобрил, значит, этот друг неоднократно появлялся в особняке Ларо, и не встретиться с ним ни разу Ленор просто не могла. Не говоря уже о том, что я даже не представляю, как его зовут, и как он выглядит. Слова Макса «Ты же и так все знаешь» — прямое тому подтверждение.

— Я знаю только то, что с лучшими друзьями очень неприятно ссориться, — осторожно сказала я. С Соней у нас была очень серьезная ссора, после которой мы неделю не разговаривали, и в классе все говорили, что мы так и не начнем. На самом деле в первые дни мне и самой так казалось, и это было ужасно.

— Неприятно? — хмыкнул Макс. — Неприятно — это не то слово. Особенно когда он все это время тебя поддерживал, стоял за тебя горой, спина к спине вместе со мной отбивался от черных слов про маму с отцом. А теперь...

— А теперь?

— Он сказал, что ты шустро переметнулась к Альгору от Драгона, когда тот тебя кинул, и что в отличие от меня, у тебя здорово получается приспосабливаться и выживать. Даже если для этого придется лечь под темную тварь.

Что-о?! Вот теперь у меня даже слов не осталось, это ж как надо было укуриться, чтобы такое ляпнуть. А особенно лучшему другу!

— Я ему врезал, — сказал Макс, скривившись. — И теперь мы больше не дружим.

Да, это уже не про поссориться. Это про что-то другое, гораздо более серьезное, но откуда в школе Макса узнали про меня? Учитывая тот факт, что даже Хитар узнал обо мне позже, ему Валентайн обо всем рассказывал.

— Друзья никогда не скажут то, что сделает тебе больно, — сказала я. — Хотя... наверное, скажут, но точно не такое. Ты тоже считаешь, что я легла под Альгора, Макс?

В его глазах мелькнуло что-то такое на миг, что сразу стало понятно: да, считает. Считает, и драться полез из-за меня, потому что считает. Ну, в конце концов, это не самое страшное. Люциан тоже так считает, а с Люцианом у меня вообще роман намечался, с Максом я едва успела два-три раза поговорить.

— Это не так, — сказала я. Не в оправдание, а просто как факт. Потому что здесь и сейчас стоило расставить все точки над «і».

Брат недоверчиво посмотрел на меня:

— Но почему?

— Почему я согласилась надеть это? — кивнула на браслеты.

— Да!

В его голосе было столько раздражения, что впору поморщиться. Да, что бы ни говорили, а Валентайн Альгор так своим и не стал. Каково это вообще — жить в стране, где каждый второй косится на тебя с опаской и называет тебя темной тварью?

И могу ли я рассказать Максу о том, что происходит на самом деле? Не про попаданскую суть, разумеется, нет. Про темную магию.

Брат смотрел на меня, плотно сжав губы, темные глаза яростно сверкали, и в это момент он отчаянно напомнил мне Люциана. Несмотря на то, что представить себе более противоположную внешность — золотой дракон и темноволосый, смуглый парень — сложно, было в нем что-то неуловимо похожее. Больше в жестах, в движениях, во взгляде, в огне, плещущемся в глубине глаз. Только если в случае Люциана огонь плескался буквально, в случае Макса — иносказательно. Однажды я помедлила с объяснениями, и получилась грандиозная зад... в общем, не очень хорошая ситуация. Поэтому сейчас, набросив знакомое *Cubrire Silencial*, произнесла:

— Я расскажу тебе правду, но ты должен пообещать, что никогда, ни при каких обстоятельствах — даже если придется защищать мою честь или выслушивать насмешки в мой адрес, не используешь ее как аргумент.

Макс приподнял брови:

— Все так серьезно?

Я промолчала.

— Хорошо. Не расскажу. То есть не стану использовать вообще. Клянусь.

Может, я и совершала сейчас самую большую ошибку в жизни, но я кивнула:

— Не так давно в парке, в Академии, кто-то запустил в меня огненный шар, — глаза брата расширились, а я продолжила: — Спасла меня только сеть Грехмира...

Я рассказала ему обо всем. Пожалуй, без малейших прикрас и даже без огибания острых углов — о том, почему мы разошлись с Люцианом, о том, что я была арестована, о том, как Валентайн меня спас, и что последовало за всем этим. К чести Макса, он не перебивал, не ехидничал и вообще никоим образом не мешал мне рассказывать, потому что рассказывать, признаюсь честно, было очень сложно. Сложно доверяться и открываться почти незнакомому парню (даром,

что он мой брат, точнее, брат Ленор). Умолчала я разве что про Ниихтарна, чтобы не нагнетать, ну и еще опустила пару-тройку связанных с этим мелочей, но даже безо всего этого Макс проникся. Потому что, когда я замолчала, под Cubrire Silencial воцарилась долгая тишина.

Он молчал, я молчала, мы молчали. Прямо как в учебнике по русскому языку.

Я уже начинала думать, что он в школу свою пойдет, не проронив ни слова, потому что мы уже подъезжали, я помнила эти улицы.

— Знаешь, — все-таки произнес Макс, когда маджикар воткнулся в очередное плотное движение и потащился со скоростью улитки, — я бы решил, что ты все это сочинила, если бы не знал, что ты не умеешь врать.

Я приподняла брови, но тут же их опустила. Хорошо, что Ленор была такой вот... такой. С одной стороны, это создавало определенного рода сложности, а с другой даже помогало. Вот как сейчас.

— Я понимаю, почему ты попросила никому не рассказывать, — неожиданно серьезно продолжил брат. — И я ценю, что ты все-таки поделилась этим. Со мной. Ты можешь на меня рассчитывать, Лен.

Теперь пришло мое время удивляться, а Макс неожиданно нахмурился и подался вперед:

— Только пожалуйста, не скрывай больше такое от меня.

— А я много раньше тебе рассказывала?

— Нет. Немного. Но это другое, ты же понимаешь? И... ты правда меняешься на глазах. Я все думал, с чем это связано, а теперь понимаю, с чем.

Наверное, можно выдохнуть. Сейчас. Пока.

Странно, но у меня будто груз с плеч упал после этого разговора, как будто действительно с братом поговорила.

— Все будет хорошо, — он дотянулся и сжал мою ладонь в своей раньше, чем я успела опомниться. — Правда.

От этой неожиданной, но такой нужной сейчас поддержки защищало в носу. К счастью, Макс уже выпустил мою руку и подался назад, что всех нас спасло как минимум от сентиментального урагана Лена — примерно семерка по десятибалльной шкале. Мгновение — и брат уже снова насмешливо улыбнулся, кивнул на водителя:

— Сними заклинание, а то он явно нервничает.

Интересно, с чего бы? Водитель и правда слегка напрягся, и вот тут уже впору задаваться вопросом: Хитар поручил ему передать, о чем мы с Максом будем разговаривать?

Заклинание я все-таки сняла, а потом посмотрела на брата:

— Откуда у вас в школе узнали про меня и Альгора?

— В нашем классе сестра одной из ваших адептов учится.

— Кто?

— Асита Соровски.

Это имя мне ни о чем не говорило, но на заметку я его себе взяла. Надо выяснить, кто распространяет сплетни со скоростью электровеника. Выяснить и популярно объяснить журналистке издания «Драконова Академия: горячие драконы, горячие новости», почему так делать не стоит.

Глава 23

В столовой после выходных было меньше адептов, но и я заглянула туда в самый последний момент. Мне всего-то нужно было поймать Ярда перед занятиями, чтобы спросить, можно ли тайком стащить книгу у Валентайна Альгора. Правда, у кого я собираюсь ее стащить, я говорить не собиралась, мне бы узнать на тему маскирующих заклинаний или заклинаний копирования. Знаю, что это не очень хорошо, но вряд ли в библиотеке Академии завалялся экземплярчик-другой о том, как работать с воскрешением.

— Ленор! — заметив меня, друг помахал рукой. — Ты что так поздно? Завтрак уже закончился, даже еду больше не выдают.

— Брата отвозили в школу и застряли на дороге.

— Сочувствую, — он вздохнул.

— Ерунда. Слушай, мне нужно с тобой поговорить, — я оперлась кончиками пальцев о стол. — Можем уже по дороге в аудиторию.

Ярд кивнул, подхватил свой поднос и поднос Даны и отнес их в приемник, после чего вернулся к нам.

— Все, я готов. Слушаю.

Мы вместе вышли в коридор и повернули направо.

— В общем, мне надо скопировать книгу. Но так, чтобы ее владелец этого не заметил. Скопировать или создать какое-то маскирующее заклинание — вроде как она стоит на месте, а на самом деле ее нет.

— Хм-м-м. — В глазах Ярда тут же загорелся интерес. — На самом деле, с последним я бы на твоём месте не связывался. Если, конечно, книга нужна тебе не на два часа.

— Не на два. И даже не на два дня.

— Тогда точно не связывайся. Если этот кто-нибудь сунется почитать, все равно все вскроется, ну и да, по созданию магического контура тебя сразу же отследят.

Да Валентайну Альгору и магический контур отслеживать не надо будет, он сразу поймет, кто книгу стащил и зачем.

— Вообще этот вариант был запасной, — призналась я. — На случай, если с копированием не получится.

— С копированием как раз может получиться, — сказал Ярд. — Но там есть определенного рода сложности. Короче, одно время все развлекались тем, что копировали всяко-разное и для разных целей. Ну вот с помощью магии как раз. А пару столетий назад, когда фаворитка верховного архимага Лугора написала картину, и ее кто-то скопировал и выдал за свою, разразился грандиозный скандал. Короче, теперь все произведения искусства, в том числе книги защищены специальными заклинаниями. Которые мало того что при копировании срабатывают самыми невероятными способами, так еще и все скопированное — если удалось взломать защиту, превращается в нечто неудобоваримое. Но. Тебе повезло, у тебя есть я, а я люблю сложные задачи.

Да. Их бы систему в наш мир, проблемы с авторским правом решили бы считанные секунды. Ну или нет. Потому что в нашем мире тоже есть те, кто любит сложные задачи.

— В общем, я подумаю, что можно сделать. А что за книга-то хоть? — поинтересовался Ярд.

«Воскрешение. Обряды, ритуалы и их последствия».

Я не стала говорить это вслух.

— Так. Кое-что личное.

— М-м-м... ну ладно, — мне показалось, что парень немного обиделся, но правда тут точно будет лишней. Сеанс откровенности с Максом у меня уже был, и с меня на сегодня хватит. Да и втягивать Ярда во все это я точно не собираюсь. Пусть подумает над вариантами, подскажет, в каком направлении двигаться, а дальше я уже сама. В случае чего и ответственность вся тоже будет на мне, и только на мне.

— Что нового с утра произошло? — спросила у Даны, которая на ходу смотрелась в зеркальце.

— Нового? Ну... Драконова больше не дружит с Лузанской. У них теперь два лагеря. — Она пожевала губы. — Вроде как. Правда у Лузанской лагерь хилый, девчонки из свиты мечутся и понять не могут что делать, но в основном выбирают Софию.

Мне бы их проблемы. А хотя нет, не надо мне их проблем. Мне своих хватает, вот с ними разберусь — а там и лагерь можно выбирать.

— Еще пошел слух, что Драконы из-за нее сцепились, но сегодня пока никто не видел ни Люциана, ни Сезара, поэтому правда или нет — остается только догадываться. — Девушка убрала зеркальце и перекинула сумку через плечо.

Люциан и Сезар сцепились... из-за Софии?

В сердце снова кольнуло, но я решила не придавать этому значения. Пусть цепляется с кем хочет из-за кого хочет, это вообще не моя тема. Люциан мне никто. Никто. Никто. Никто.

Между нами все кончено, и чем раньше я это пойму, тем лучше.

Хотя сдается мне, понять-то я это уже давно поняла. А вот принять не могу. Не принимается. От слова совсем.

Дурацкие мысли пришли не вовремя, и я буквально на ходу выпала из реальности, а очнувшись, уже когда мы заходили в аудиторию. Первой парой нам вlepили историю, практику, и к ней я на этот раз была более чем готова. Правда, когда мы вошли и расселись по местам, обнаружила, что место рядом с Софией пустует, и вот к этому я оказалась не готова. Клавдию оттуда вытеснила не их ссора, а Люциан, он на всех практических занятиях садился рядом с ней, сейчас же его не было. Не появился он и на занятии, и я не могла перестать об этом думать.

Об этом и о том, что происходит между ним и Софией.

Правда ли, что они с Сезаром сцепились из-за нее?

Невс, Милли и Дас были, и они сели отдельно от Драконовой, с ней сидели только ее девочки, оставив почетное место для Люциана по правую руку от королевы. Что касается левой, слева был проход, по которому королева спускалась и поднималась. Судя по всему, София терпеть не могла, когда кто-то ходит мимо нее во время занятий, потому что, когда одна из девушек попросилась выйти ближе к концу первой части пары, пробираться она начала в другую сторону, через десять мест. Хотя через Софию было бы два и гораздо быстрее.

Сама Драконова была, кажется, очень далеко и даже не сразу услышала, когда магистр Оллихард назвал ее имя и попросил рассказать про алтарь Горрахона.

— Адептка Драконова! — повторил он. — Вы собираетесь возвращаться к нам, или древние времена Эрда поглотили вас окончательно?

София вскинула голову.

— Что?

Раздался смешок. Почему-то я даже не удивилась, оглянувшись на прячущую усмешку Клаву.

— Повторю еще раз, — седой магистр взглянул на Софию в упор. — Жду вас, чтобы послушать, вместе со всеми собравшимися, про алтарь Горрахона.

— Простите, магистр. Я не готова.

По аудитории пронесся гул, да что там, я сама подумала, что ослышалась. Кажется, и магистр Оллихард тоже, он даже приподнял густые, такие же седые как волосы, брови, а после только руками развел и повернулся в нашу сторону. Пробежался взглядом по собравшимся в аудитории, сверху вниз. Зацепился за Дану, которая почему-то вздрогнула и решила сползти под стол, но потом перепрыгнул через Ярда на меня.

— В таком случае слово вам, адептка Ларо.

Видимо, магистру Оллихарду понравилось мое заявление про алтарь Горбачева в прошлый раз, потому что сейчас он вцепился в меня взглядом и явно не намерен был отпускать.

— Смелее, смелее, адептка. Не стесняйтесь. Спускайтесь к нам и расскажите, почему алтарь Горрахона занимает такое значимое место в истории, а главное, не только в истории, но и по сей день.

Я поднялась, почему-то обернувшись на Драконову. Сама не поняла, почему, обычно мы так переглядывались с Соней, когда кого-то из нас спрашивали, это был вроде как наш ритуал на удачу у доски. Тем не менее Драконова была так же далека от моей Сони, как алтарь Горрахона от столицы Даррании, поэтому я просто передернула плечами и спустилась к доске. Магистр Оллихард посторонился, уступая мне место и предлагая начать.

— Алтарь Горрахона считается знаковой точкой в истории Даррании. Во всех смыслах. Он был первым правителем Мертвых или Темных земель...

— Алтарь? — ядовито поинтересовалась Клава, за что заработала пристальный взгляд магистра Оллихарда.

— Вы хотите помочь, адептка Лузанская?

Клава скривилась и заткнулась (надеюсь, что надолго), а я продолжила:

— Годы его правления были ознаменованы четким определением границ Мертвых земель, хотя до этого светлые и темные не делили земли Эрда границами. Каждый раз, когда Горрахон отнимал чью-то жизнь, он забирал жизненную силу человека себе. В момент, когда

происходило жертвоприношение, выделялось очень большое количество энергии и силы, подпитывающей его темную магию благодаря особому ритуалу. Из-за этого он не старел и становился сильнее с каждым убийством. Его мощь росла, замок Горрахона и раскинувшийся вокруг него город стал средоточием темной магии, ужаса, страха и боли. Правители Светлых драконов не вмешивались, поскольку считали, что это их не касается. В те годы миры драконов и людей были разделены, людям доставались самые неплодородные земли, самые невыгодные условия. От произвола темных их не защищал никто, человеческая жизнь ничего не стоила.

— Верно, — магистр Оллихард перехватил запястье одной руки пальцами второй. — Что же стало переломным моментом?

— Переломным моментом стала любовь человеческой девушки и светлого принца.

Клавдия снова хихикнула, но на этот раз магистр посмотрел на нее так, что улыбка собралась вешички и свинтила с ее противной физиономии куда подальше.

— В те годы это казалось невероятным, тем не менее это исторический факт. Наследный принц Коммелан полюбил девушку Мариту Хеллер...

— Это и сейчас кажется невероятным, — шепнул Дас, но шепнул так, чтобы все слышали. — А тогда у принца просто поехала крыша.

— Вас я обязательно вызову, чтобы побеседовать на следующую не менее важную тему, — с недоброй улыбкой заявил магистр Оллихард. — И, если меня не устроит ваш ответ, я с удовольствием назначу вам отработку для более углубленного изучения материала. Продолжайте, пожалуйста, адептка Ларо.

После этого желающих комментировать мой рассказ больше не нашлось, и я беспрепятственно могла закончить.

— У Мариты был старший брат, Холингер, и однажды, вернувшись домой, она узнала, что его забрал Горрахон. Точнее, воины Горрахона, которые собирали человеческую дань, а в обмен на это не трогали город. Она обратилась к своему возлюбленному за помощью, и тот в обход отца лично отправился к Горрахону. Горрахон согласился отпустить парня, но никто не был готов к тому, что произошло дальше. В тот день в первый и в последний раз на алтаре Горрахона пролилась королевская кровь светлых драконов. Выброс силы был такой

мощный, что оставил вокруг выжженные темной магией земли, на которых нет ничего живого и по сей день.

Я вздохнула и продолжила:

— День смерти Коммелана стал началом долгой кровопролитной войны. Историки до сих пор спорят, был ли Холингер провокацией темных: одни склоняются к тому, что да, потому что он был братом Мариты, другие — к тому, что нет, потому что проще было похитить Мариту, за ней бы Коммелан пошел наверняка. Первые апеллируют тем, что на Марите была защита светлых, и за помощью ради нее принц бы пошел к отцу, но, как бы там ни было, факт остается фактом. Горрахон, обезумевший от силы и безнаказанности, развязал войну, которая унесла миллионы жизней драконов и людей. Он считал, что способен растянуть Мертвые земли по всему Эрду и сделать темную магию изначальной и господствующей.

— Что ж, все верно, — произнес магистр, выдержав паузу после того, как я замолчала. — Вижу, что вы очень хорошо изучили материал, адептка. Остался всего один вопрос, и я вас отпускаю. Современность. Почему алтарь Горрахона считается знаковым в современности.

— Место, где отняли столько жизней, еще до убийства Коммелана хранило мощный отпечаток темной силы. Гибель светлого дракона разорвало тонкую грань бытия и небытия, но сила магии такова, что Загранье не может существовать открытым в живом мире. Магия сама запечатала рану, но именно в этом месте грань настолько хрупка, что это чувствуется на физическом уровне, стоит любому живому существу ступить на те земли. Поэтому там нет ни животных, ни птиц, поэтому не может возродиться природа. Что еще важно, алтарь Горрахона находится в современной Даррании, а не на Мертвых землях, в Даррании же, но чуть в другой стороне, находятся обломки замка Горрахона.

Сначала я не поняла, почему все смотрят мне за спину, а когда поняла, обернулась. Я уже видела эту картинку, когда просила Эвиль показать мне это жуткое место, только сейчас «оно» было растянуто на всю доску. Массивный камень с бурыми, вьёвшимися в него потеками, серое пятно, вырастающее из темной, неживой земли. Пустошь — куда хватает взгляда. Тяжесть свинцовых туч и вдали черные горы.

— Здесь не идут дожди, — сказал магистр Оллихард, — а небо застыло. Застыло таким же, как в день смерти Коммелана. Нам с вами предстоит посетить это место, чтобы вы могли почувствовать все, о чем вам сегодня рассказала адептка Ларо, но это уже во втором полугодии. И совместно с преподавателем по магии защитных полей, потому что оказаться там, не будучи закрытым — сомнительное удовольствие. Вы свободны, адептка Ларо. А мы продолжаем...

«Мы продолжали», потом продолжали на других парах, на которых Люциан так же не появился. Это мне не нравилось, но еще больше мне не нравилось то, что мне это не нравится — пусть вон Драконова о нем беспокоится! Увы, разум говорил одно, а сердце другое, поэтому, вернувшись к себе, я раздумывала, у кого бы незаметно спросить о Люциане перед тем, как пойду на занятие к Валентайну.

Спрашивать не пришлось: я только-только немного привела себя в порядок после физподготовки и перекусила запасной булкой с местным джемом, когда в дверь взволнованно заколотили. Я едва успела к ней подойти и открыть, как в комнату смерчем влетела Дана и выпалила:

— Ленор! Люциана перевели на военный факультет!

— На военный? — я вскинула брови.

— Да! Можно войти?

Дана просочилась ко мне и, едва оказавшись в комнате, огляделась.

— Ничего себе... как у тебя тут! — В ее голосе слышались завистливые нотки, а про Люциана она мигом забыла. — Мне говорили, что здесь очень крутые комнаты, но я как-то даже не представляла, что настолько. Тебе тут одной не скучно? Мы вот с девочками втроем живем.

— Люциан, Дана, — напомнила я. — Ты хотела мне что-то рассказать.

— А, да, — девушка приладила светлые пряди. — Так вот, сегодня он весь день не появлялся, потому что учился, только на другом факультете. У них там даже практику по истории ведет не Оллихард, а кто-то другой. На лекциях мы опять соберемся вместе, но пока так. В общем, видеть мы его будем гораздо реже, чем раньше. Как и Драконова.

Последнее она добавила мстительно, явно рассчитывая меня поддержать, но я вдруг поняла, что не испытываю по этому поводу ни малейшего злорадства. От того, что Люциана перевели на другой факультет, от того, что Драконова будет реже его видеть, а он ее. Удивительно, но в этот момент во мне поселилось какое-то странное чувство пустоты, понять которое сразу я не смогла. Да если честно, не очень-то и хотела.

А вот что я на самом деле хотела знать, так это...

— Почему? — спросила я.

— Что — почему?

— Почему его перевели?

Дана пожала плечами.

— Не представляю. Говорят, что это на выходных произошло. Эстре как-то мгновенно, сегодня утром подписала приказ.

Ну все понятно.

Привет, Валентайн. Кто еще будет на выходных дергать ректора, чтобы перевести адепта на другой факультет? А главное, для кого еще ректор так быстро все это сделает? Интересно, что он ей сказал?

— Дана, спасибо, но мне пора, — сказала я. Получилось резче, чем я рассчитывала, и, хотя эта резкость к Дане никак не относилась, я все равно подхватила сумку.

— Вот и приходи к тебе с новостями, — обиделась девушка. — Я, между прочим, для тебя старалась. Бежала чуть ли не через весь корпус, а ты даже присесть не предложила. Куда уж там, нам простым адептам перед женщинами темного архимага!

Выпалив это все, она развернулась и убежала, а я подавила вспыхнувшее внутри раздражение и поспешно вышла следом. Захлопнула дверь. Так, что эхо от грохота заметалось по всему коридору, как перепуганный заяц.

Нет, кажется, раздражение осталось со мной. Потому что с каждым шагом я заводилась все больше и больше. Какого, спрашивается, надо было это делать? Мы с Люцианом и так уже не вместе, но нет, Альгору надо окончательно все разрушить, распахать нас по разным факультетам, рассовать на разные этажи и сделать так, чтобы мы вообще никогда не виделись!

Я старалась справиться с эмоциями, даже дышала глубоко, пока шла через парк. Если бодрая трусца поддается под определение «шла».

Глубокое дыхание сейчас тоже отказывалось подчиняться и получалось через раз, в результате в кабинет Валентайна я влетела взъерошенная, покрасневшая и злая.

— Зачем?! — крикнула прямо на ходу, швыряя сумку на стол. — Зачем тебе потребовалось переводить Люциана на военный факультет?

Валентайн оторвался от изучения каких-то бумаг и посмотрел на меня. В упор.

— И тебе доброго дня, Лена.

— А я не говорила, что он добрый.

— С таким характером у тебя он точно добрым не будет. Причем не только этот, но и все остальные.

Что-о-о?! Вот тут я почувствовала, что закипаю.

— Кто бы говорил про характер! Я задала тебе вопрос, Валентайн.

Он приподнял брови: в своем излюбленном стиле, при этом умудрившись лицо оставить каменной маской.

— Значит, чтобы ты называла меня по имени, всего-то и нужно было перевести этого никчемного золотого мальчишку на военный? — Прежде чем я успела выпасть в нерастворимый осадок, Валентайн поднялся и обошел стол, оказавшись недопустимо близко ко мне. — Учту этот момент на будущее, и, если мне захочется услышать свое имя в твоём исполнении, придумаю что-нибудь еще.

После этого заявления я поперхнулась воздухом, не позволившим мне сказать все, что я о нем думаю, а Валентайн резким движением перехватил мои запястья и подтянул к себе. Так плотно, что удар о его грудь выбил из меня остатки дыхания, растекаясь по телу обжигающе-дурной слабостью, которая совершенно не к месту, и которой не должно было быть. Уж точно не в то время, когда его губы раскрыли мои в глубоком и совершенно собственническом поцелуе.

В довершение всего его рука легла на мою талию, не оставляя ни малейшей возможности отстраниться, а вторая скользнула по рассыпавшимся по плечам прядям, вплетаясь в них. Все это произошло так резко, так быстро и обезоруживающе, что я попросту растерялась. А когда нашлась, поняла, что поцелуй стал уже гораздо более глубоким и на удивление нежным — несмотря на его властную силу. Я вдруг почувствовала, что соскальзываю в него, как в пропасть, и растворяюсь, чтобы стать совершенно другой. Подаюсь вперед, чтобы ответить, прижимаюсь всем телом, касаюсь пальцами резко

очерченных мужских скул, впитывая горьковато-терпкий, с нотками шоколада, вкус его губ.

Джмерг он, что ли, только что пил...

Я целуюсь с Валентайном Альгором!

И как!..

Осознание обрушивается на меня с силой девятого вала — привет Айвазовскому — и ладонь на моей талии начинает ощущаться стальной пластиной, а пальцы, касающиеся моих волос, становятся обжигающими, как чистое пламя.

Что-то внутри отчаянно стремится к этому мужчине, а мысли врезаются в это что-то, и внутри меня бабахает так, что я не понимаю, это сердце, или в меня опять запустили огненным шаром, который взорвался рядом.

«Ну и ладно, Люциан вон тоже с Драконовой целовался», — мелькает очередная мысль, а в следующий миг Валентайн так резко разрывает поцелуй, что колючий, внезапно ставший холодным, воздух впивается в мои губы тысячами игл. В глазах Валентайна — абсолютная тьма, миг — и его радужка снова становится человеческой.

— Ты... — выдыхаю. — Ты нарушил наше соглашение!

Лицо его каменеет, пальцы Альгора сжимаются уже на моих запястьях. Раньше, чем успеваю пискнуть, раздается щелчок, браслеты падают на пол, а с моих ладоней срываются темные искры.

Ой, мама!

— Золотой мальчишка для упоминания моего имени, — холодно произносит он. — Поцелуй — для активации темной магии. Уверен, что это гораздо лучший выход, Лена, чем подвергать твою жизнь опасности для ее пробуждения.

Я хлопаю глазами на черные искорки над ладонью, которые тают, а Валентайн кладет руку мне на плечо. Кабинет стремительно теряет краски, становясь бледным подобием, тенью того, что я только что видела. Здесь все настолько странное, неживое, застывшее, будто меня перебросило к алтарю Горрахона. Только я осталась на месте.

— Что это? — здесь даже голос мой звучит иначе.

Суше. Как если бы из него выпили все эмоции, да и я чувствую себя другой. Такой же, как мой голос.

— Это — первый слой Тьмы, — Валентайн произносит это спокойно, неестественно-холодно, хотя теперь я уже не уверена, этот

холод в голосе, это его привычное ледяное, отстраненное выражение лица — они его, или все так из-за сути его магии? — На нем отчетливее ощущаешь темную силу, которая в тебе сейчас пытается скрыться. Послушай.

Я «слушаю»: искры, которые почти погасли там, в цветном кабинете, сейчас разгораются с новой силой, ладони словно становятся источниками холода.

— Почувствуй и запомни эти ощущения. Так будет проще обращаться к ней во время наших занятий.

Я чувствую — впитываю каждую странность, которая со мной происходит, а потом вдруг понимаю, что это не кажется мне странным. Ни разгорающийся на кончиках пальцев холод, ни тишина, ни поблекшие краски. Напротив — все это настолько манящее, настолько зовущее, насколько и стоящий рядом мужчина. Странные чувства-не чувства захватывают меня, увлекают в свои объятия, и я уже совершенно иначе смотрю на Альгора. На изгиб жестких, только что подчинявших мои, губ. На вырез расстегнутой на пару пуговиц рубашки, на ладонь, касающуюся моего плеча.

Самое правильное, что я могу сейчас сделать — это наклонить голову и потереться о руку Валентайна щекой. Прищурившись, соблазнительно улыбнуться...

Цвета неожиданно возвращаются. Вслед за ним меня оглушает жизнью, которая здесь повсюду: наверное, я никогда раньше не чувствовала ее настолько остро.

Что это только что было?!

— Чувствуй темную магию, но не позволяй ей почувствовать тебя, — комментирует Валентайн.

— Что это значит?!

— Это значит, что твоя сила способна завладеть тобой и полностью изменить твою личность. Мы еще будем повторять, чтобы ты уловила суть, а пока сосредоточимся на насущном. То есть на теории.

— На теории? — вырвалось у меня. — Но ты же сам говорил, что мне нужна практика!

— Тебе недостаточно? — Валентайн вскинул бровь. — Не волнуйся, Лена. Теперь я знаю уже два способа вытащить темную магию из тебя.

Скотина! Какая же он скотина!

— Ты. Нарушил. Соглашение, — процедила я.

— А ты меня оскорбила, — это было сказано ровно тем тоном, которым в светской беседе принято обсуждать приятный цвет занавесок. — Несмотря на это, я не отказываюсь от твоего обучения. Что будешь делать ты — решать тебе.

Я его оскорбила?!

— Чем именно? — уточнила я. — Не раскланялась, когда вошла в кабинет?

— Предположением, что мне есть дело до Люциана Драгона. И уж тем более тем, что я занимался его переводом на другой факультет. Поверь, в моей жизни существуют гораздо более приятные занятия.

Он произнес последнее так, что я живо представила, какие именно, а следом — так же живо подумала о том, что с ректором Эстре ему гораздо приятнее делать что-то другое, чем обсуждать приказы о переводах. Правда, он недавно заявил, что между ними ничего нет, но верить Альгору — такое себе. Особенно после того, что он сегодня вытворил! Не Эстре, так какая-нибудь другая... драконесса! Жаждающая острых впечатлений.

Вот почему, спрашивается, когда я рядом с ним, все с ног на голову?! Какое мне дело до его драконесс? Да в принципе до его женщин!

— Если не ты — тогда кто? — спросила я.

— Подумай в сторону Фергана. Он обладает достаточной властью, чтобы шевелением пальца не только перекинуть сына на другой факультет, но и закрыть Академию. Мне надоело говорить о Драгонах, — последнее прозвучало резко. — Садись. И начнем.

Это уже больше напоминало приказ, а если учесть, что наше соглашение было расторгнуто, и что мне только что намекнули, что я могу уйти, если пожелаю, велико было искушение это сделать. Очень велико.

Но в шкафу, за стеклом стояло то, что мне очень нужно, и это что-то сейчас было для меня гораздо большим стимулом, чем собственная безопасность и планы Адергайна Ниихтарна. Поэтому я просто резко вдохнула, подошла и плюхнулась на предложенное мне место. Не без раздражения наблюдая за тем, как Валентайн с непробиваемым спокойствием садится за стол напротив меня.

Глава 24

Не смотреть на Люциана и Драконову. Не смотреть на Люциана и Драконову. Не смотреть на Люциана и Драконову.

Именно под таким лозунгом проходило мое утро, потому что, несмотря на то, что вчера Люциан не появлялся ни на завтраке, ни на обеде, ни на ужине (на ужин, кстати, Драконова тоже не пришла, так что не исключено, что они ужинали вместе), сегодня он появился одним из первых. Ввалился в столовую в обнимку с Софией, которая тоже обнимала его за талию, а после они устроились вместе двойной компанией. Даже Клава снова подседа к ним и, кажется, больше не торопилась сыпать насмешками в сторону «подруги».

Единственное, что отличало Люциана теперь — горящий синим, а не пламенным огнем дракончик-значок, в остальном это был тот же старый-добрый Драгон: он улыбался направо и налево, девчонки на него глазели, кажется, с еще большим восхищением: военный факультет же, обалдеть! Поскольку комментариев Драгон не давал, все это было еще и украшено манящей завесой тайны.

Мне бы по-хорошему думать о своих делах, а я сидела, пялилась в тарелку и думала о том, что он только что обнимал Драконову и касался губами ее виска. Дурацкие мысли, с которыми я безуспешно пыталась справиться, дурнее не придумаешь. А мне еще на совместном занятии с ними сидеть, по первой магической помощи.

Ура, блин.

— Привет! Ждешь нас? Как это мило, — Ярд сбросил сумку на стул, усаживаясь рядом со мной, поставил поднос на стол. Дана последовала его примеру, хотя и выглядела несколько недовольной, оказавшись напротив, а не рядом с другом, как обычно. Вот только ее ревности мне еще не хватало для полного счастья.

— Не ждет. Ей кусок в горло не лезет из-за Драгона.

Да, точно не хватало.

— Дана, а вот это было грубо, — Ярд метнул на девушку взгляд из-под косой челки.

— Ну как есть, — пожала плечами она. — Я же правду сказала.

— Ленор, — вот теперь Ярד попытался заглянуть мне в лицо, — ты как?

— Все нормально. И я действительно ждала вас. На Люциана мне наплевать.

Дана фыркнула, а Ярד, понимая, что зреет драконов трындец, в простонародье именуемый бытовой женский конфликт, поспешил перевести тему:

— Занимался я вчера твоим делом. Полночи, надо сказать, занимался. После уроков.

Я даже развернулась к нему:

— Ты...

— Да, непростая задачка с этим копированием. В общем, я думал, прикидывал, изучил варианты и создал специальную схему.

Я сама не заметила, как Ярд оказался у меня в объятиях. Вот как-то само собой получилось, а когда заметила, друг уже сидел красный, как вареный рак, и невероятно смущенный.

— Я... ну...

— Спасибо-спасибо-спасибо!

— Да погоди благодарить. — Он почесал кончик носа, что в моих объятиях было довольно непросто, и я отстранилась. — В общем, там не все так легко, как кажется. Помнишь, я тебе говорил, что схемы защиты от копирования бывают разные? Вот и заклинания соответственно разные, никогда не знаешь, на какое нарвешься. Поэтому прежде чем изобретать антизаклинание для заклинания от копирования, нужно «считать» актуальную схему защиты. И только после этого действовать.

— Что это значит?

— Это значит, что я создал заклинание, которое поможет это узнать. После того, как я пойму, в чем защита, я создам уже то, что сможет ее обойти без последствий, — Ярд поднял вверх большой палец. — Вот так.

Я закусила губу.

— Ты же мне скажешь, как с этим работать? В смысле, объяснишь, как работает заклинание?

Ладно, это не самое сложное. Самое сложное будет выманить Альгора из кабинета, чтобы я там осталась одна и смогла с помощью заклинания Ярда изучить, как работает защита от копирования на

книге. Учитывая, что он оттуда вышел исключительно благодаря вызову Эстре... ну, я даже не представляю. Опять что ли Клаву драконить, чтобы она на меня побежала жаловаться?

— Зачем? — Ярד снова почесал кончик носа. — Я пойду с тобой. Там слишком сложная структура, Ленор, ты дольше будешь разбираться, ну и потом, если сделать что-то не так, может сработать то, что книгу защищает, и что мы, собственно, хотим с тобой определить, поэтому...

Э-э-э... в смысле, поэтому э-э-э. Уж что-что, а тащить Ярда с собой в кабинет Альгора, даже если тот оттуда выйдет ненадолго — чистейшей воды самоубийство. Друг потом оттуда в окно выпрыгивать будет, в лучших традициях анекдотов про «возвращается муж из командировки».

— Нет. Я должна это сделать сама.

— Да почему? — Друг вскинул брови, но тут же обиженно нахмурился. — Ты мне не доверяешь, что ли?

— Нет, я...

— Да, Ленор у нас очень недоверчивая, — снова ввинтила Дана, на сей раз ехидно. — И очень любит держаться в стороне.

Вот так бы и треснула ее... *Cubrire Silencial!* Жаль, что заклинание в стиле *Rot Zatikansial* относится к разряду подавляющих волю, а соответственно, и запрещенных!

— Зачем тогда помочь просила, — недовольно произнес Ярд. — Просила бы того, кому доверяешь.

— Да доверяю я тебе! — воскликнула я.

— А мне, значит, нет? — взвилась Дана. — А знаете, что? Сидите-ка вы тут... вдвоем! А я пойду к Джиа!

Она подхватила поднос и действительно пересела к одиноко жмущейся в уголке столика у дальней стены Джиа. За столиком сидели еще несколько парней и девушек, тоже люди, и, увидев Дану, они подвинулись. Кто-то из парней даже сбегал и принес ей стул.

— Все хорошо, что хорошо заканчивается, — пробормотала я.

— Я поговорю с ней, — устало произнес Ярд. — Потом.

Под глазами у него залегли темные круги: еще бы, всю ночь не спал. Ну или полночи, что дела не меняет, он старался ради меня, а я...

— Я правда тебе доверяю, — коснулась руки друга. — Просто дело очень серьезное.

Он внимательно на меня посмотрел:

— Почему?

Ладно, Лена. Кажется, пришла пора начинать доверять людям, тем более что Макс ты сказала правду, и ничего страшного не произошло.

Вздыхнув, подалась к Ярду чуть ближе — чтобы не пользоваться *Cubrire silencial* и не привлекать еще больше внимания — и произнесла:

— Потому что книга находится в кабинете Валентайна Альгора.

— Э-это вообще как? — Ярд вскинул брови, а потом нахмурился и так на меня посмотрел, что я на миг усомнилась в правильности своего решения. Все-таки Ленор Ларо здесь персона нон-грата не будем забывать из-за чего, а если он сейчас пойдет и все всем расскажет?

Ну ладно, не все, ничего критичного я ему не сказала. Просто сказала, что хочу скопировать кое-какие темные знания из кабинета единственного в Даррании темного дракона.

— Все не так просто, — осторожно сказала я. — И совсем не так, как кажется.

— Да мне пока кажется, что я рехнулся. Стащить что-то у Валентайна Альгора? Ты серьезно?! А главное — зачем?!

Теперь Ярд тоже понизил голос и подался ко мне, а я мысленно вздохнула. Все-таки умею я выбирать людей, которым стоит довериться, и это не может не радовать. С другой стороны, Люциану вот я не доверилась... так может, и не стоило? Тьфу, Лена! Да хватит уже о нем думать, как будто у тебя других дел нет!

И вроде бы все хорошо, и надо действительно перестать о нем думать, но в этот момент у меня ощутимо зачесалось между лопатками. Так, что, оборачиваясь, я даже не сомневалась, о чей пристальный взгляд ударюсь. Рука Драгона покоилась на спинке стула его новой девушки, а вот смотрел он на меня. Выражение его лица (далековато, конечно, сидел, но у меня со зрением все отлично) явно говорило о том, что меня хотят придушить. По меньшей мере, мысленно.

Я так же мысленно послала его по известному адресу и снова повернулась к Ярду.

— Это точно не для столовой разговор, Ярд. Сегодня вечером после ужина поговорим у меня, хорошо?

Парень кивнул, и мы вернулись к завтраку. Который, в принципе, больше ничем интересным отмечен не был, кроме как разве что одного: когда Люциан шел на выход, он якобы случайно врезался в наш стол, наши стаканы опрокинулись, но мне повезло — мой был пустой. А вот Ярду остатки витаминного напитка выплеснулись на форму, основательно ее заляпав.

— Драгон, тебе сколько лет? — не удержалась я.

На меня даже не оглянулись, вышли из столовой, продемонстрировав мне свою спину и королевское презрение. Покачивая головой, я взялась за салфетки:

— Давай помогу.

— Я сам. Спасибо. — Ярд взял из моих рук первую помощь при разлившихся напитках и принялся тереть пятна: хотя оттереть это явно не представлялось возможным, разве что подсушить.

— Детский сад штаны на лямках, — хмыкнула я.

Друг удивленно посмотрел на меня.

— Что? И кстати, что ты имела в виду, когда сказала — сколько тебе лет?

Эм-м-м.

— Оговорила просто. Книгу одну читаю сейчас, там про другой мир. Так вот, там года измеряют не зимами, а летами. Вот я и погрузилась вся в сюжет.

— Странные ты книги читаешь, Ленор. Детский сад оттуда же?

— Ага, — я постаралась выглядеть как можно более беззаботной.

— Это такое... в общем, дошкольное заведение, в которое родители отводят маленьких детей, где с ними занимаются, как в школе. Всякими предварительными развивающими программами.

Ярд покачал головой:

— Придумают же.

Перехватив странный взгляд Джаа, я собрала нашу посуду, сложила все на один поднос, после чего мы с другом вместе поднялись и вышли из столовой. Пятна на его форме начали приобретать буровато-серый налет, что даже на темно-синем смотрелось не очень. Можно было бы попробовать застирать, но застирать мы уже не успевали, а Ярд вообще ушел в себя, и я не стала ничего ему предлагать. После первой пары он все же побежал отмываться.

Что касается Даны, они с Джиа теперь сидели отдельно, но, проходя мимо меня, блондинка не преминула сообщить:

— Твоя компания явно не добавляет Ярду популярности. Если не хочешь для него неприятностей, оставь его в покое.

— О чем ты? — Я перехватила ее за запястье.

— О чем? — Она резко отняла руку. — Ну подумай сама. Мало того, что он за тебя вступился и пошел поперек Люциана, его выперли из театра, так еще теперь ты с ним шепчешься и дополнительно его подставляешь. Люциан за счастье почтет устроить ему еще какую-нибудь пакость, просто потому что. Оставь его в покое!

Не дожидаясь ответа, Дана вылетела из аудитории, следом за ней проплыла «пара столетия» (стозимия, Лена, стозимия!), то есть София и ее принц, или принц и его София. Как будет правильнее, я не знала, они оба соревновались за звание «популярстик первого курса», Драконова вон даже Аникатию задвинула. Из-за чего та выходила из аудитории с такой кислой рожей, как будто сжевала лимон целиком. Следом за драконессой и ее свитой уже привычно семенила Лика, и мне оставалось только пожелать ей удачи. Если Лика не хочет видеть, с кем связалась, это ее дело.

А Дана, похоже, влюблена в Ярда. Вот и что мне со всем этим делать?

Впрочем, что со всем этим делать, скоро стало неважным, потому что на парах нас загрузили по полной, потом меня загрузил Валентайн — теорией и практикой, как отрезать себя от темной силы, а темную силу от себя. На этот раз я уже не выпадала в нерастворимый осадок, когда он меня целовал, и постаралась максимально отстраниться от этого чувства. В конце концов, у нас тут занятия темной магией, а не чем бы то ни было еще.

К моему величайшему сожалению, отстраняться не получалось, я снова чуть не провалилась в поцелуй, который перетряхнул меня всю, и только усилием воли заставила себя вернуть мысли в нужное русло и настроиться на учебу. Валентайн ничего не чувствует по этому поводу, а значит, и я могу так же. Или не могу?

Главным в любом случае было то, что это активировало прорывающуюся через меня силу. Силу, которая поможет мне вернуть Соню, а еще — с наибольшей вероятностью — разобраться с

защищающим книгу Альгора заклинанием, в котором наверняка есть темная магия.

Вчера я была настолько потрясена, что забыла поговорить с ним про дракончика, который жрет людей. Точнее, который может потенциально сожрать людей, но пока никого не сожрал, сегодня же не сделала это сознательно. Не хотела лишний раз напоминать Валентайну о таком странном существе, потому что в голове у меня понемногу зрел план, как выманить Альгора из кабинета.

Если в Академии на всю темную магию стоит сигналка, то появление Дракуленка явно спровоцирует ее срабатывание. Потом, разумеется, он сразу уйдет в свое подпространство, но пока Валентайн туда-сюда бегает и разбирается с тем, что же произошло, я успею все сделать. «Считать», какая защита стоит на его книге.

Дело осталось за малым: договориться с Дракуленком.

Ну и с Ярдом, разумеется, потому что Люциан Люцианом, но меня гораздо больше напрягал Альгор. Впутывать друга в эту историю лично я совсем не хотела, поэтому, когда мы пришли ко мне после ужина, я первым делом спросила:

— У тебя точно не будет проблем, если ты мне все это подскажешь? Я имею в виду, по всем твоим заклинаниям тебя точно нельзя отследить в случае чего?

— Вообще-то можно, — сказал Ярд. Мы сидели у меня в комнате, он в кресле, я на кровати, пили ранх, который мне еще вчера доставили из дома (вместе с остальными вещами), и предварительно обсуждали происходящее. — Опытный маг может отследить все, об этом, кстати, на военном факультете на специальности по магической криминалистике много рассказывают. Но! Если заклинание растворится до того, как его почувствуют — точнее, если не останется ни контуров, ни плетения, отследить будет невозможно. Разумеется, я создаю такие заклинания, чтобы меня нельзя было отследить.

Я кивнула. Надо будет еще в этой теме покопаться, как все это работает, но если уж снова говорить о приоритетах, то магическая криминалистика пока болтается где-то в самом конце моего списка.

— Кстати, о военном факультете. И о Драгоне. Ты уверен, что хочешь продолжать мне помогать?

Ярд снова нахмурился.

— Мне кажется, тему Люциана мы уже давно обсудили.

— Я просто не хочу, чтобы у тебя были неприятности. Правда.

— И я это ценю, Ленор. Но постоянно делать то, что хочет Люциан, чтобы, выражаясь твоим языком, «у меня не было неприятностей», я не хочу. Надеюсь, больше мы не будем к этому возвращаться вообще. Никогда. А вот насчет Валентайна Альгора и того, что и зачем тебе нужно, я бы хотел от тебя откровенности. — Парень стал серьезным, как никогда. — Потому что я должен понимать, во что я ввязываюсь, и что мне за это будет.

— Моя подруга погибла. Из-за темной магии, — произнесла я. — И я хочу ее вернуть.

Ярд поперхнулся фруктово-цветочным ранхом и закашлялся. Я даже подумала, что придется вставать и хлопать его по спине, но нет. Обошлось.

— Так, — сказал он, когда лицо его перестало быть красного цвета, и чай, то есть ранх, прошел туда, куда нужно. — А ты это собираешься сделать — как? А главное, ты можешь это сделать — потому что?

— Потому что во мне есть темная магия.

Дальше я снова рассказала ему все. Примерно то же, что вчера говорила Макс, снова оставив мое иномирное происхождение в стороне. Надо сказать, что и без иномирного происхождения для Ярда информации было через край, и мне оставалось только надеяться, что парень с воплями «Спасите-помогите» не сбежит из моей комнаты хотя бы до того, как я закончу. Лучше бы, чтобы он и после этого не сбежал, и вообще не сбежал, или даже не ушел, потому что на это доверие и на него я поставила все. От того, согласится ли он мне помочь, зависело слишком многое.

О чем я и сказала ему в заключение.

— О том, что я собираюсь спасти подругу, знаешь только ты, Ярд. Тишина.

Густая, напряженная — кажется, ее можно резать ножом, при этом лучше раскаленным, потому что по ощущениям, она как масло из морозилки. Друг застыл в кресле, неестественно выпрямившись, он даже на занятиях так никогда не сидел.

И, когда я уже мысленно попрощалась со своей тайной и с надеждой узнать все про ритуал, он, наконец, произнес:

— Хорошо, Ленор. Я тебе помогу.

Обрадоваться я не успела.

— Но при одном условии: я пойду с тобой.

— Что? Нет! Я не стану подвергать тебя такому риску!

— А я не стану подвергать такому риску тебя. — Ярד поднялся, скрестив руки на груди. — Заклинание защиты может повести себя непредсказуемо, и что ты тогда будешь делать?

Браслеты сниму.

Это было первое, что пришло мне в голову, с губ сорвался нервный смешок.

— В общем, работаем вместе мы только на таких условиях. Либо вдвоем. Либо никак.

Вот и что с этим парнем делать?

Я вскочила и подлетела к нему:

— Ты понимаешь, во что ввязываешься? Это темная магия!

— И это говорит девушка, которая собирается провести ритуал воскрешения? — Ярד покачал головой и поднял руку. — Все, Ленор. Нет, это не обсуждается. Да. Или нет. Я жду.

Да что ж мне за властные мужчины-то попадаются, а? Один круче другого!

— Мое мнение ты не учитываешь, да? — попыталась зайти с другой стороны.

— А ты мое? — Ярд хмыкнул. — И вообще, хватит добавлять мне комплекса неполноценности! Спорим, если бы на моем месте был Драгон, ты бы спокойно взяла его с собой?

— Я... что... я... — От такого заявления во мне кончились и мысли и слова. — Нет!

— Вообще-то мне без разницы. Мои условия ты слышала.

Я прикрыла глаза.

— Да, кстати. Предложение действует до тех пор, пока я не вышел из этой комнаты.

— Тебе в маркетинге работать не предлагали? — мрачно поинтересовалась я.

— Где?

— Неважно.

Не уступит: это становилось понятно сразу. Вот не уступит — и все тут, видно и по взгляду исподлобья, из-под бровей, по выражению лица — упрямому и серьезному, и по сложенным на груди рукам.

И я не могу уступить! Потому что... потому что из-за меня уже пострадала Соня, да и достаточно уже того, что он будет над этими заклинаниями работать.

Идея!

— Прости, — сказала я. — Прости, я не могу принять твои условия. Спасибо, что согласился выслушать и хотел помочь...

На этом моменте я обхватила себя руками, отошла к окну и всхлипнула. Натурально так. Нет, плакать мне сейчас не хотелось, я была полна решимости действовать, но, если действовать напрямую не получается, буду импровизировать. Надеюсь, получится.

— Ленор... — донеслось растерянное из-за спины, но я замотала головой.

— Нет. Не говори ничего. Я доверяю тебе, Ярд, но... я не смогу туда пойти, зная, что ты рядом, и что я подставляю тебя. — Эти слова вообще были искренними от и до, разве что слезы были для драматизма. Пришлось даже ущипнуть себя за руку, побольнее, чтобы они как следует навернулись на глаза. И снова всхлипнуть.

— Ленор! Ну ты чего? — В голосе парня уже слышалась паника. — Да помогу я тебе, дурная! Не реви.

Он подлетел ко мне, развернул лицом к себе.

— Помогу. Слышишь! Просто опасно это, а я... ну... волнуюсь за тебя. — Он осекся и поспешно добавил: — Только учить буду, как с этим работать, а это время займет. Я же как быстрее хотел... Хорошо?

Он схватил меня за плечи, с тревогой вглядываясь в мое лицо:

— Хорошо?

— Хорошо! — воскликнула я, порывисто его обнимая. — Ярд! Ты лучший!

И это тоже было искренне. От души. Как и мои объятия, в которых он сначала закаменел, а потом неуверенно обнял в ответ.

Меня даже совесть сейчас не грызла. Разве что самую чуточку — за мое представление, но и эта вспышка тут же растворилась в радости.

Победа! Моя первая маленькая, но такая важная победа. Ярд мне поможет, а я не буду подвергать его опасности. Ура!

Следующий пункт в моем списке — разговор с Дракуленком. Осталось только понять, как выйти с ним на связь.

Глава 25

Люциан Драгон

— Они вместе пошли к ней, — отчиталась девчонка, избегая смотреть ему в глаза — видимо, боялась реакции. — Ушел он вот... только что, и я сразу к вам, тэрн-ар Драгон.

Люциан потер виски, с трудом сдерживая вновь накатившую ярость. Вот почему все так, а? Альгор, даже этот неудачник Ярл, которого отовсюду поперли, и тот за ней таскается и удостаивается чести заседать чуть ли не до отбоя. Было бы что тут спалить — спалил бы, а так... просто сжал пальцы, гася вспыхнувшее между ними пламя и одновременно с ним чуть не зашипев от боли.

Защитные заклинания, мешающие собственному пламени обжигать — для драконов они как дыхание. Вот только сегодня он настолько вымотался, что и дышать забывал. Или просто его дыханием была она?

Дурацкая мысль пришла совершенно не к месту, был бы толк — обругал бы себя последними словами. Но в случае с Ленор не срабатывали ни ругательства на себя, ни ругательства на нее, ни присутствие Альгора или даже других парней рядом с ней. Да если бы Аникатия или хотя бы кто-то из его предыдущих пассий просто осмелились посмотреть в сторону другого! Даже после того, как они расставались, все они бегали за ним и умильно заглядывали в глаза в надежде на продолжение.

Как же все это бесит!

Абсолютно все!

— Я могу идти? — напомнила о себе Джиа, перехватывая ремень перекинутой через плечо сумки. — Т-тэрн-ар Драгон?

Люциан сфокусировал направленный сквозь нее взгляд.

— Куда-то торопишься?

— Так отбой же скоро... дежурные.

— Ладно. Иди. И Джиа...

Готовая уже вылететь за дверь девчонка обернулась:

— За Ларо больше не следи.

Она даже замерла, приподняла удивленно тонкие брови:

— Что? То есть как?

— То есть так, — раздраженно произнес Люциан. — Совсем. Понадобись еще — позову. А пока иди, а то отбой же скоро. Дежурные.

Передразнил ее с теми же затравленными сюсюкающими интонациями, какие звучали в ее голосе. Девушка метнула на него испуганный взгляд, но возражать и повторно спрашивать не посмела, выбежала и аккуратно прикрыла за собой дверь. А он, как только раздражающий фактор исчез, откинулся на кровать и со стоном закрыл глаза.

Военный факультет на то и военный, что там занятия в два раза интенсивнее и насыщеннее не только по боевой магии и физподготовке, но и по всем предметам. Такое ощущение, что магистры вознамерились за неделю впихнуть ему в голову все, что положено знать выпускнику этой драховой академии. Не считая всяких спаррингов и тренировок на выносливость, информация уже лезла из ушей, а в теле, несмотря на драконье самоисцеление и силу, болела, кажется, каждая мышца.

Кого за это благодарить? Папочку. Сезара.

И еще Ленор.

Из-за нее все!

Поэтому он и решил, что с ней лучше завязывать. В смысле, со слежкой за ней. В столовой вот сегодня едва удержался от того, чтобы не выдернуть этого хлюпика Ярда из-за стола и не врезать ему как следует. Так, чтобы больше даже в голову не приходило с ней обниматься и изображать влюбленного. Или не изображать.

Чтоб его!

Скривившись, Люциан поднялся, открыл портал и уже спустя секунду стучал в дверь Драконовой. Стараясь не думать, что здесь, совсем рядом — она. И что от нее только что ушел Ярд.

— Люциан? — София явно собиралась спать, потому что была только в тонком халатике, коротком, до середины бедра. Задрать бы его сейчас — и...

И вот на этом — все. Тут впору думать, что на нем использовали заклинание притяжения или еще какую запрещенную дрянь, потому что откровенно симпатичная Драконова, со всеми положенными

девчонке выпуклостями и впуклостями любимых размеров Люциана, его совершенно не привлекала.

— Поговорить хочу.

— Уже поздно. Сейчас...

— Дежурные пойдут, ага. Я умею пользоваться порталами, не забыла?

— Не забыла. — На лице Драконовой появилось то упрямое выражение, которое Люциан уже успел изучить. — Но я собираюсь спать, так что разговор вполне может подождать до завтра.

— Не может, — резковато заявил Люциан и едва успел поставить ногу до того, как София захлопнула бы дверь. — Ай.

— Нечего было пытаться ко мне вломиться. — Она совершенно не раскаивалась. — Так что давай, Люциан, до завтра.

— Пожалуйста.

Это дурацкое слово выдавить из себя оказалось сложнее всего, особенно учитывая, что хотелось пнуть драхову дверь так, что она сорвалась бы с петель. Но у него вроде как «испытательный срок» до первого вяка кого бы то ни было, и это тоже бесило. Бесило неимоверно, просто до зубовного скрежета!

София приподняла бровь:

— А что ты еще умеешь? — поинтересовалась ехидно, но, прежде чем он развернулся и пошел бы к Ларо делать глупости, все-таки открыла дверь. — Ладно. Заходи. Не на кровать!

Люциан и впрямь направился к кровати, но после резкого предупреждения Драконовой остановился и фыркнул.

— Мы ж не вдвоем там будем.

— Один ты в моей постели тоже не будешь, не надейся.

Она скрылась в ванной, а вернулась уже в банном халате, достающем ей чуть ли не до пят. Вот ведь женщины! Она голая валялась на нем, а теперь стесняется короткого халатика. Одракуеть просто.

— У тебя там кружево торчит, — не постеснялся ее поддеть.

Кружево и правда торчало, беленькое, и краешек темно-зеленой, переливающейся под неярким светом магического светильника, ткани. В ответ Драконова только плотнее задернула свои «доспехи», стянув ворот чуть ли не у горла, и завязала пояс так, что чудом не передавила

себя пополам. После чего села у своего стола и указала Люциану на кресло:

— О чем ты хотел поговорить?

— О тебе. О Сезаре.

— Нет! — это прозвучало очень резко и угрожающе. Надо отдать ей должное, Драконова умела быть грозной, особенно когда сдвигала брови вот так и делала лицо в стиле «Я тут главная».

Тем не менее Люциан не впечатлился, опустился в предложенное кресло и чуть не застонал от блаженства. Широкое, мягкое, с высокой спинкой, оно будто было создано для тех, кого «пытали» на военном факультете. Причем сейчас он даже не был уверен, что слово пытали надо брать в кавычки.

— Я серьезно, — он посмотрел на нее, положив руки на подлокотники.

— И я серьезно. Я не хочу и не стану об этом говорить.

— Мне вот интересно, — проигнорировав ее «не хочу и не стану», Люциан прищурился, — как ты справляешься с этим вот всем. С тем, что он скоро женится на Женеьеве.

Драконова гневно сверкнула глазами и вскочила.

— Убирайся!

— Это не праздный интерес, — пришлось с большой неохотой вытряхивать себя из кресла, хотя тело на такое измывательство отреагировало усилившейся болью в мышцах и желанием завалиться обратно. — Мне правда нужно знать.

София сложила руки на груди:

— Зачем?

— Затем, — хмыкнул он.

— Это не ответ.

Люциан закатил глаза.

— Ладно, недогадливая ты моя. Никак не могу выкинуть Ларо из головы.

— Поэтому ты сегодня пнул ее стол, как первоклашка?

— Как кто?

София мотнула головой:

— Как тот, кто учится в начальной школе.

«Драгон, тебе сколько лет?»

Слово-то какое стремное: лет. Как будто время исчисляется не зимами, а летами. Но Ларо после дуэли вообще была странная, да и Драконова от нее недалеко ушла. Первоклашка! Подавив странное чувство, что эти двое бы подружились, ответил:

— Не пнул, а врезался. И не ее, там за этим столом еще кое-кто сидел. Не считая того, что она носит браслеты Альгора.

Ждал, что София скажет что-нибудь привычное в своем стиле, ехидное, но она неожиданно очень серьезно ответила:

— Мне этого вполне достаточно. Того, что Сезар собирается жениться на Женевьев, и того, что я этого изменить не могу. По сути, мне больше ничего и не надо знать, чтобы выкинуть его из головы.

Такая откровенность тоже оказалась не к месту, или к месту, но он оказался к ней не готов. Как бы там ни было, Драконова опередила его с ответом, кивнув на его руку:

— Ты обжегся. Давай посмотрю.

Этот странный жест заботы выбил из колеи еще больше. Иначе как объяснить, что Люциан позволил ей взять его руку в свои и осторожно раскрыть пальцы. Пока София смотрела на его ладонь, он смотрел на нее. Смотрел и не находил в этой девчонке ничего от той, кого боялись все первокурсники (те, которые не были под его защитой, и те, кто не делал все, чтобы примазаться к ней и к ее подружкам).

— Похоже, тебя здорово приложило на той дуэли.

— Что? — София вскинула голову, в ее глазах мелькнуло непонимание. Которое, правда, тут же ушло. — Дерьмом ты был, Люциан, дерьмом и остался.

Она оттолкнула его руку и отступила.

— Выметайся.

Любая другая просто не позволила бы себе такое вякнуть, но София Драконова любой другой и не была. Не считая того, что он после этих слов сам почувствовал себя паршиво. Паршивее некуда.

— Прости, — сказал, глядя ей в глаза.

Драконова покачала головой.

— Это я могу исцелить сам, — он посмотрел на обожженные пальцы, которые, по-хорошему, действительно стоило бы подлечить. Ничего критичного, конечно, но кожа пульсировала от боли, просто за другой, гораздо более сильной, этого как-то не замечаешь.

— Можешь — отлично, — София, видимо, продолжала дуться, но Люциан шагнул к ней.

— Я имел в виду, что ты сильно изменилась. К лучшему.

Собиравшаяся было возразить девушка открыла рот и тут же его закрыла.

— С тобой... уютно, Драконова.

— Это самый головокружительный комплимент, который мне приходилось слышать, — хмыкнула она. Но даже сквозь смуглую кожу на щеках проступил легкий румянец, откровенно намекающий на то, что услышать такое ей было приятно.

— Я мастер комплиментов, — Люциан усмехнулся, а потом шагнул еще ближе.

София, разумеется, отступила, но за ее спиной оказался предательский стол, наткнувшись на который, она чуть не упала. Не упала, потому что он ее подхватил — за талию, удерживая и не позволяя сбежать, что, кстати, тоже было совершенно непохоже на Драконову. Фантазий на тему этой девицы у Люциана никогда не было, но если бы они были, он готов был поспорить, что, оказавшись в его объятиях, София не стала бы упираться ладонями ему в грудь и говорить:

— Отпусти.

— А если я не хочу?

— Этого хочу я!

— Аргумент.

Он все-таки разжал руки, но, проскользнув между ним и столом в сторону, София далеко не побежала. Остановилась.

— Странные у нас с тобой отношения, Люциан.

— Ты тоже это заметила?

Она улыбнулась. Преобразившись так невероятно, что ему впервые за все это время по-настоящему захотелось ее поцеловать. Именно ее, а не Ленор в ее лице, или не под воздействием дорнар-оррхар, как тогда в лабиринте. Странно, но именно сейчас между ними повисла та самая неловкая тишина, которой обычно принято избегать, а может быть, она была неловкой только для него?

Вряд ли. Судя по тому, как Драконова на него смотрела, она тоже пребывала в раздумьях, куда ей двигаться дальше, и Люциан решил эту дилемму за них двоих. В два шага и один поцелуй, когда его

ладони просто легли на ее скулы, пальцы скользнули по нежной коже, а губы — по ее губам. София вздрогнула, но, как ни странно, не отстранилась. Ответила, мягко вливаясь в этот самый удивительный поцелуй, осторожно положив руки ему на плечи.

— Это было бы хорошо, если бы не было так странно.

И ведь был бы это его первый поцелуй — но нет! Так дико Люциан не чувствовал себя уже давно, при том, что испытывал к этой девчонке самую необъяснимую в мире нежность. Возможно, именно поэтому он и не стал разрывать поцелуй первым, позволил сделать это Софии. Она отступила, приложив ладонь к губам и глядя на него с совершенно непонятным выражением в глазах.

— Прости, — наконец, выдохнула Драконова.

— Нет, — он покачал головой. — Все в порядке.

— Точно?

— Нет. Драх... — Люциан даже не представлял, что сказать.

Целовать ее было, как целовать Нэв. Но не говорить же об этом Драконовой прямо в лицо!

— Ничего не получится, да? — спросил, чтобы не молчать снова.

— Нет, — София мотнула головой. Видно было, что ей тоже неловко.

— Ну, в таком случае нам остается только самая старая в мире история. Пафосно сообщить: давай останемся друзьями, и разойтись.

— Можно без драмы. — София не улыбалась, но уголки ее губ все-таки подрагивали. — Можно просто остаться друзьями и никуда не расходиться.

— А это идея, — Люциан хлопнул в ладони. — Я впервые в жизни буду дружить с девчонкой.

— Все когда-нибудь случается впервые. Кстати, впервые-то почему? У тебя же есть Милли и Лиллея.

— Они... ну, в общем, — Люциан хмыкнул. — С ними мы далеки от дружбы.

— Что?!

Драконова так искренне удивилась, что теперь улыбнулся уже он.

— Драгон, в этой Академии есть девушка, которая не твоя... гм, бывшая?

— Поищи где-нибудь на старших курсах или среди выпускников.

София фыркнула, а потом все-таки расхохоталась. Было в этом что-то удивительно простое и уютное, вот так шутить с той, кто не имеет на тебя планов. В конце концов, может это и не самая дурацкая в мире идея — просто дружить с ней. Если Драконова, конечно, снова не выдраконится и не превратится в ту, кем была до дуэли.

— Значит, дружба, — сказал он.

— Вроде того, — София явно собиралась что-то сказать, но закусила губу. Разумеется, от него это не укрылось.

— Но?

— Ты не против, если для всех пока все останется как есть?

— Для всех или для Сезара?

Она вздохнула.

— Для меня в первую очередь. Мне просто нужно, чтобы рядом был тот, кто своевременно пнет меня в противоположную от глупости по имени Сезар Драгон сторону. Клянусь сделать то же самое для тебя в отношении Ленор Ларо.

Люциан снова улыбнулся.

— Договорились.

— Договорились? — напряжение в глазах Софии уступило место недоверию. — Точно?

— Точно. Мне сейчас все равно не до романов, а если ты объявишь всем, что мы только друзья, я ж просто не отобьюсь.

Драконова закатила глаза.

— Да и в целом мысль пинать друг друга в правильном направлении мне нравится, — мысленно усмехнувшись ее реакции, продолжил Люциан. — Это может сработать.

— Да.

— Да.

София протянула ему руку, и он с удивлением взглянул на нее.

— Я, конечно, понимаю, что ты привыкла к моим поцелуям, но мы не на официальном приеме.

— Ой, я... в смысле, это вроде как жест скрепления нашего соглашения.

Снова эти странности. Помнится, Ларо тоже предлагала скрепить их договоренность — как она там выразилась — рукопожатием? Откуда они только этого всего нахватались: если уж говорить о договоренностях, в Даррании они скрепляются, когда каждая из сторон

кладет руку на область сердца, что символизирует искренность намерений.

— Неважно, — София спрятала ладонь за спину, потом и вторую руку туда убрала, сцепив их за спиной. — В общем, будем считать, что мы просто договорились.

— Будем, — Люциан кивнул.

Будь у него возможность узнать о Драконовой побольше — кроме того, что она ничего не помнит после дуэли — от кого угодно, кроме Сезара, он бы этим воспользовался. Но учитывая, что ее отец связан с политикой, а главное, что он отвечал за взаимодействия с островными народностями Даррании, не пожелавшими переселиться на Опоясывающий материк, там возможно все. Может статься, это чья-то традиция, в которую она влюбилась.

— Доброй ночи, — пожелал он и шагнул в портал сразу к себе в комнату.

Правда, успев заметить — перед тем, как София отвернулась — что девушка снова закусила губу.

Аникатия Эльдор

— Он приходил. Только не к Ларо, а к Драконовой, — отчиталась блондинистая девчонка, кажется, Дана. Аникатия не особо вникала в имена этих прислужниц, которых, Ликарин Эстре основательно взяла в оборот. Все-таки толк от этой драконессы был, не такая уж она и забитая, да и голова работает хорошо. Правда, иногда слишком много на себя берет. Вот как сейчас.

— Ты уверена? — разочарованно переспросила Эстре, вперив в девицу такой взгляд, что та даже стушевалась.

— Я... да. Конечно же, я уверена. Он пришел к Софии, — кажется, Дана даже возмутилась.

— Ничего в этом удивительного нет, — подала голос Клавдия, которая устроилась в ее комнате, в одном из ее кресел, как королева! Хотя она вообще-то даже не драконесса, а знаменита исключительно дружбой с Драконовой и тем, что много знает о потенциальной сопернице. — Я вам говорила, что София перетянет одеяло на себя. Уж что-что, а общаться... — Клавдия сделала многозначительную паузу, видимо, для того, чтобы все присутствующие догадались, о чем речь, после чего продолжила: — с мужчинами она умеет. Через пару дней он и не вспомнит эту вашу Ларо, с которой вы все так заморачивались.

— Вот это вряд ли... — снова взяла на себя слишком много Эстре, но Аникатия вскинула руку.

— Я склонна согласиться с Клавдией, — как ни прискорбно, придется принять сторону человечки. — Драконова мне кажется куда более опасной, чем Ларо.

Если бы ей так не казалось, она бы не стала даже говорить с Лузанской, но в то время, как Лика бегала и верещала, что надо избавляться от Ленор Ларо, Аникатия очень пристально наблюдала за поведением Драгона рядом с Драконовой. Неужели непонятно, что он полностью на нее переключился?!

Именно поэтому, когда Клавдия пришла к ней сама и предложила уничтожить Драконову и ее репутацию раз и навсегда, Аникатия не стала отказываться. В конце концов, если можно кого-то использовать в своих целях, почему бы этого не сделать. Потом, когда все

закончится, очень выгодно будет все свалить именно на Лузанскую, а самой остаться не при делах, чистенькой в глазах окружающих.

— Ани, — подала голос Эстре, — я все-таки считаю, что Ларо не стоит списывать со счетов...

— Он отказался даже за ней следить, — перебила драконессу Клавдия, ткнув наманикюренным пальчиком в Джиа, которая все рассказала. — Какие еще доказательства тебе нужны?

— Я вообще-то не с тобой разговариваю, — ошетинилась Лика.

— Ну а я разговариваю с тобой, — сладкий голосок Лузанской мигом стал шипящим, — а мы здесь все на равных. Или я ошибаюсь, Ани?

Аникатия мысленно закатила глаза. Как же ей хотелось разогнать всех этих девиц и никогда больше их не видеть! Но — увы — если она хочет сполна насладиться унижением Люциана и соперницы, увидеть их полный крах, нельзя. Нельзя привлекать к плану никого, кроме них, она даже своим девочкам, с которыми дружила долгие годы, ничего не сказала. Да и как тут скажешь — одна из них общается с Милли, другая ходит в тот же женский салон, что и Лиллея. Наверняка что-нибудь разболтают, потом проблем не оберешься.

— Девочки, не ссорьтесь, — поспешила сгладить конфликт. — Я согласна с Клавдией, что Драконова наша основная цель. Но и про Ларо забывать не будем, — Аникатия ослепительно улыбнулась Лике. — Чтобы подстраховаться.

— Эй, я согласилась вам помогать, при условии что Ярда не пострадает, — с боевыми интонациями заявила блондинка.

Аникатия недоуменно посмотрела на Клавдию, но в глазах той читался тот же вопрос, что и у нее: «Кто такой Ярда?»

— Парень, которого Ларо увела у Даны, — пояснила Лика.

— Не увела! — вскинула блондинка.

— Ладно. Не увела. Уводит.

Дану перекосило, а Аникатия в очередной раз восхитилась умением Лики грамотно расставить акценты. Все, теперь эта девчонка будет бегать и докладывать о каждом шаге Ларо. Зачем им это — непонятно, но в любом случае может пригодиться. Сама по себе Ленора Ларо Аникатию вообще не интересовала, но может, найдется что-то интересное, что позволит проучить ее за дерзость.

— Ярда не пострадает, — пообещала Аникатия Дане.

Искренне.

Хотя на самом деле ей было совершенно все равно, пострадает тот несуразный парень с цветной косой челкой или нет. Главное, чтобы под ногами не путался, не будет путаться — не пострадает.

— Вроде все обсудили, — Аникатия потянулась. — Можем расходиться. Вы свободны, девочки.

Она многозначительно посмотрела на дверь, но Дана с Джиа не двинулись с места.

— Вы же обещали портал, — осмелилась напомнить блондинка.

Ани уже хотела ее приструнить, когда снова вмешалась Лика:

— Да, обещала, и Ани все сделает. Правда? Нам же не нужно, чтобы девчонок поймали дежурные и вкатили им штрафы?

Точно. Дежурные! На то, что девчонки попадутся и им вкатят штрафы, ей было плевать, а вот если они что-нибудь случайно расскажут... Например, откуда они шли... Ну да, ничего не поделаешь. Придется разориться на портал, а в следующий раз все уже заранее договорились собраться в городе. Во-первых, чтобы их никто не увидел вместе даже случайно — в этой Академии такое ощущение, что глаза на стенах растут, а во-вторых, чтобы вот так порталами всех не провожать. Потому что тайком встречаться можно уже только когда по коридорам ходить запрещено.

— Да, конечно, — миролюбиво согласилась драконесса, про себя отметив, что надо бы высказать Лике все, что она думает о ролях в их небольшой компании.

И открыла портал. Сначала — к дверям комнаты Даны и Джиа, потом — напрямик в комнату Клавдии, которая, к счастью, жила одна, и не нужно было высаживать ее в точности перед дверью. В случае с порталами гораздо проще (да и меньше магии требуется) открыть его «примерно вот здесь», чем «именно перед той дверью».

— погоди. — Лика перехватила ее руку, когда Ани уже собиралась открыть портал и для нее. — Мне кажется, что с Драконовой и Люцианом что-то не чисто.

— Конечно, не чисто, — фыркнула драконесса. — Они там явно чем-то грязненьким сейчас занимаются.

При мысли об этом захотелось что-нибудь разбить, и лучше — о голову этой девицы, которая ее, откровенно говоря, временами очень сильно доставала. Вот как сейчас.

— Нет. Я имею в виду Ларо... Мне кажется, он все еще...

— Тебе кажется? — раздраженно переспросила Аникатия. — Ну так найди доказательства! Учитывая то, что он даже Джиа отпустил, сразу понятно, что Люциан переключился на Софию. Ты, разумеется, с ним не так хорошо знакома, поэтому можешь думать все, что угодно, но девчонки для него — расходный материал. Одна, другая, третья... он забывает их сразу, как только перестает трахать.

— По собственному опыту говоришь?

Аникатия открыла рот.

— Что ты сказала?! — выкрикнула она, когда обрела дар речи.

— Что слышала. У меня ощущение, что Клавдия появилась рядом с тобой с одной-единственной целью: чтобы сожрать твой мозг!

Вот теперь Ани сощурилась. Недобро.

— Осторожнее, Ликарин Эстре, — произнесла тихо, но угрожающе. — Я приняла твою помощь, потому что мы с тобой на одной стороне и можем помочь друг другу, но я не потерплю оскорблений. И кстати, София Драконова имеет все шансы заполучить нашего принца. Над ним, разумеется, больше не висит угроза скорой женитьбы — после того, что он выкинул с Ларо, его отец вряд ли заикнется с отцом потенциальной невесты о свадьбе, вот только София умеет вертеть парнями. Умеет их привязать и водить за собой на веревочке, поэтому — ты либо с нами, либо одна. Как обычно. Выбирай.

Лика так сжала губы, что рисковала превратить свой и без того невыразительный рот в крохотную точку на лице, но потом только мотнула головой.

— С вами.

— Вот и чудненько, — Аникатия открыла ей портал. — До завтра.

Эстре не ответила, шагнула внутрь, и портал тут же схлопнулся, а Аникатия направилась в ванную. Как же все это надоело! Ну ничего, когда они закончат, от репутации Драконовой мало что останется, а Люциан... там видно будет. Возможно, она все-таки позволит ему вернуться, правда, для начала ему придется вымаливать прощение на коленях.

Сладко улыбнувшись своим мечтам, Ани сбросила халат и с наслаждением опустилась в ванную, под мягкое покрывало шелковистой, приятно пахнущей пены.

Глава 26

Лена

— Что, прости, я должен сделать? — поинтересовался Дракуленок. Я уже набрала в грудь побольше воздуха, чтобы продолжить, но он меня перебил: — Нет. Молчи. Я понял, что сейчас выслушаю все по второму разу, но так, специально для недоразвитых — предложение повторить — это была издевка. По буквам надо? И-З-Д-Е...

Я запустила в него подушкой, из-за чего зверь молниеносно взмыл в воздух и, хлопая крыльями, возмущенно взирал на меня сверху вниз. Из-за его хлопанья мне на лицо прилетели собственные же пряди волос: за неделю, что мы не виделись, он слегка... гм, подрос и в не сильно большой спальне Ленор чуть не задевал крыльями стены.

— То есть, — осознав, что вторая подушка в него не полетит, он спустился и сел на пол, не мигая глядя на меня, из-за чего создавалось чувство, что кое-кто освоил техники гипноза в процессе роста, — ты хочешь, чтобы я возник посреди Драконовой Академии, напичканной охранными заклинаниями против темной магии, и отвлекал Валентайна Альгора, пока ты будешь тырить книгу из его библиотеки?

— Тырить я буду потом, — ответила я. — Сейчас мне надо с помощью особого заклинания считать защиту.

Он так натурально вздохнул, что я даже подумала, не шлепнет ли себя лапой по физиономии в фэйспалме. Но нет, он только прикрыл глаза, что, видимо, в его исполнении обозначало прищур, а после снова открыл.

— Нет, я, конечно, понял, что ты достаточно долбанутая, — Дракуленок разговаривал помесью моего языка и того, что успел изучить, гуляя по городу. Ну как гуляя — он не выходил дальше третьего слоя, но третий слой — уже достаточен для того, чтобы слышать и понимать язык людей и драконов.

«Надо же мне было как-то образовываться, — пояснил он, когда появился передо мной вновь. — А то от тебя не дождешься. В твою Академию не проникнешь».

С этого и начался наш разговор, с этого и с моего: «Кстати, об Академии...»

Если честно, я не представляла, как его позвать, потому что на обычные призывы он не отзывался. Не отозвался и когда я сняла браслеты Валентайна, и тогда я вспомнила, что моя темная магия просыпается, когда я пугаюсь и когда я целуюсь. Целовать в этом доме было некого (не к Хитару же приставать, да и к тому же, я не была уверена, что сработает, а даже если бы и сработало, Хитар — последний, с кем бы я поделилась своей тайной), поэтому я открыла окно и выпрыгнула в сад.

Испугаться — испугалась, но темная магия проснуться во мне не успела. Возникший из темного подпространства (или попросту Тьмы) Дракуленок подхватил меня и втащил в окно. Точнее, подлетел к окну, я залезла обратно, стуча зубами, а он спустя мгновение исчез на улице и материализовался уже здесь, в спальне. Материализовался и поинтересовался:

— Совсем сдурела?

— Ты по-другому не отзывался, — обиделась я, когда смогла нормально вздохнуть.

— Надо было дать тебе упасть. Сломала бы шею, в Загранье бы встретились.

В этот момент мне стало немного не по себе, а Дракуленок хохотнул:

— Шутка, Ленка! Шучу я.

— Ты чувство юмора тоже у Альгора стянул? — не осталась в долгу я. — Вместе с голосом?

— А что? Оно у него такое же классное?

— Ты где вообще говорить научился?

— Как где? Везде.

Я не стала учить зверя плохому и комментировать, а дальше мы перешли непосредственно к тому, что он путешествовал по Даррании, слушал людей и драконов и никого не жрал. Потому что я попросила.

Вот, кстати, однажды я его уже попросила, и он никого не жрал. Так почему не хочет помочь с Валентайном?

Я озвучила этот вопрос ему, после чего дракончик фыркнул, выпустив из носа угольно-черный дым и мотнул головой.

— Ну, знаешь ли... а если он меня поймает?

— В прошлый раз не поймал.

— В прошлый раз я не помогал тебе тырить книгу.

— Я не буду тырить! — повторила я. — Тьфу! Я не буду копировать. Мне просто нужно заклинание считать.

— Но потом-то будешь.

Теперь уже вздохнула я. Опустилась, закрыла лицо руками и услышала цокот когтей, когда Дракуленок топал ко мне.

— Реветь будешь что ли? Со мной не сработает.

Я вскинула голову.

— Что? — Он облизнулся. — Я ж говорю, везде ходил. На третьем слое в Академии защита тоже не срабатывает. Я ж не высовывался.

— Ты за мной следил?!

— А то. За тобой глаз да глаз нужен! Кстати, когда ты купалась...

Я покраснела, как сегодняшний закат, обещавший ветреную погоду, и схватила вторую подушку.

— Вот только чур не драться! — Дракон (называть его дракончиком уже язык не поворачивался) вскинул лапу. — Я против такой дипломатии, и вообще это как-то недипломатично. С тебя кусок мяса. Размером с меня. Или могу сожрать твоего дядю.

Я вытаращилась на него:

— Ты торгуешься, что ли?

— Не-ет. Я просто прошупываю условия сделки.

— Проговариваешь.

— Прощупываю. Или проговариваю? Неважно. Так что насчет куска мяса?

Теперь впору самой биться в фэйспалме, потому что представить, где я ему возьму такой кусок мяса, было сложно. Если не сказать невозможно, но в целом, я его даже понимала. Перебила ему тут хищнические инстинкты, он никого не ест, хотя был для этого создан.

— Могу предложить свою вечернюю порцию. Завтра. И вообще каждый день, — я поправилась, — то есть каждые выходные.

— Мне твоя порция на один укус.

— Зато с солью и специями.

— Тьфу.

Кажется, переговоры зашли в тупик.

— Слушай, я попрошу повара, чтобы делал мясо с кровью. Пойдет?

— С руки кормить будешь.

Я моргнула.

— Что? Соглашайся, Ленка. Другого такого выгодного предложения больше не будет. Каждые выходные у нас с тобой будет сви-да-ни-е!

По-моему, он не только голос и чувство юмора у Валентайна «скачал».

— Хорошо, — согласилась я.

— Чудненько. И спать я теперь буду с тобой.

— А?

Я не успела опомниться, как эта туша взгромоздилась на постель и заняла... да почти всю ее заняла! Посмотрев на это непотребство, я покачала головой.

— Нет.

— Нет?

— Нет! Ты посмотри на себя! Ты же вымахал в чудище!

— Ну и отвлекай тогда своего Валентайна сама, — обиделось «чудище», явно собираясь покинуть мою комнату и этот мир в принципе.

— Стой! — Я успела схватить его за кончик хвоста. — Одна ночь.

— Три.

— Одна!

— Две.

Я вздохнула.

— Ладно, две. Но не сегодня...

— Ночи вперед, — прищурился Дракуленок. — И больше никакого торга! Спим вместе.

А вот здесь, пожалуй, Альгору стоило бы у него поучиться. Хотя, если они познакомятся, Дракуленок же его реально плохому научит. Нет уж, я сделаю все от меня зависящее, чтобы эти двое не познакомились. Поближе — та ночь в моей комнате не считается. Тем более что ему и надо-то всего ничего: появиться — охранный «сигнализация» сработает — и тут же исчезнуть. С его скоростью Валентайн не успеет даже в портал шагнуть, а пока он там на месте

будет разбираться, что же произошло, я считаю защитную схему и передам все данные Ярду для дальнейшей работы.

Все получится!

Это позволило мне немного примириться с мыслью, что я буду спать с огромным драконом заграничного происхождения, которого послали меня убить! Правда, он не только меня не убил, а сегодня так вообще спас. Зажмурившись, я быстро нырнула под одеяло, потянула его на себя, насколько могла...

— Эх, Ленка. Ну что ты как ребенок, — слышать этот голос за спиной было невыносимо дико.

Но еще более странно я себя почувствовала, когда меня заботливо укрыли крылом.

— Получилось! Поверить не могу, у нас все получилось! — Мне было трудно удержаться и не запрыгать, как девочка из мультика, поэтому я просто сияла, глядя на Ярда. У нас в самом деле все получилось, и Валентайн очень быстро убежал из кабинета прямо в портал, стоило сработать охранным заклинанием. А мне стоило невероятных усилий не просто считать защитную схему книги и передать ее «мимо пробежавшему» Ярду, но потом еще и отзаниматься с самым независимым видом, при этом тщательно следя за своими мыслями.

Чтобы ненароком что-нибудь не «сболтнуть», я просто сосредоточилась на учебе, а под пристальными взглядами Валентайна притворялась табуреткой. Хотя бы потому, что эту самую «табуретку» и переключение мыслей я тренировала почти неделю. Каждый день. В том числе и на наших с ним занятиях, перед сегодняшним.

В итоге все получилось, Дракуленок благополучно навел шороха и слинял, я отучилась темной магии, как мне и полагалось, и чинно-мирно отправилась к себе. Где перед ужином мы договорились встретиться с Ярдом, который должен был успеть изучить переданную мной схему и вынести свой вердикт. Но первым делом, когда я его увидела, мне просто безумно захотелось его обнять.

За то, что не отвернулся, когда я обо всем рассказала. За то, что согласился помочь. За то, что вообще решился на эту авантюру! За подготовкой к которой время от выходных и до выходных в очередной раз пролетело незаметно. Я даже с Люцианом как-то почти не

цеплялась взглядами, а когда цеплялась, сосредотачивалась на Соне, и его появления с Драконовой сразу меркли как незначительные.

На прошлых выходных, когда я договаривалась с Дракуленком, мы еще и чуть больше подружились с Максом. Я даже пригласила его посидеть вместе в беседке, а брат не стал отказываться. Рассказал, что друга у него больше нет, при этом говорил так, словно для него это не имело никакого значения. Хотя я видела, что имеет, и сделала все, чтобы его отвлечь. В итоге мы проговорили весь вечер о какой-то совершенно незначительной ерунде, как могли бы говорить брат и сестра — смеялись, шутили, обменивались впечатлениями об учебе.

Словом, жизнь в новом мире налаживалась, и я даже представить себе не могла, как она наладится, когда я верну Соню. Пока что я смутно представляла, как работает ритуал, но мне почему-то казалось, что у меня все получится. И вот тогда, когда у меня все получится, я буду счастлива окончательно. Хотя я и сейчас счастлива. Уже первому маленькому достижению, первому успеху. Пусть все дальнейшие будут такими же!

— М-м-м... Ленор, — Ярד все-таки улыбнулся в ответ на мою радость, но как-то не очень уверенно.

— Да?

— В общем, заклинание там очень запутанное, и за день я вряд ли найду способ его обойти.

— Я понимаю, — махнула рукой. Я готова была ждать.

— Но тут еще такое дело... потребуются темная магия. Заклинание создано Альгором, судя по всему, лично. Оно не какое-то стандартное, и в него вплетено очень много темных узлов.

Ну да, кто бы сомневался, что просто не будет. Правда, сейчас меня это смутить не могло, я была в эйфории и на адреналине.

— Да, но у меня есть темная магия.

— И ты вот прямо на сто процентов уверена, что знаешь, как безопасно ее применять?

— Я этому учусь.

Ярд пожевал губы.

— Хорошо.

— Ты боишься? — спросила я. Правда, тут же поправилась: — В смысле, опасаясь? Того, что может произойти?

— Ну я бы соврал, если бы сказал, что нет. И, Ленор... мы же люди. Ты человек. Откуда ты знаешь, как систематическое применение темной магии отразится на твоей сути?

— А как оно может на мне отразиться?

— Не знаю. Я не спец. Но темная магия — это вообще то, с чем в Даррании предпочитают дело не иметь. Не просто так, а еще помнишь, что говорил Альгор на общем занятии? Каждый раз, когда ты глубоко погружаешься в темную силу, она погружается в тебя и меняет тебя. По крупицам. Раз за разом. Справиться с таким потом будет сложно.

Валентайн действительно такое рассказывал на общих лекциях, но я как-то не придавала этому значения. Во-первых, зачем? Если эта сила часть меня, она во мне уже есть, и отменить ее я не могу, а во-вторых, он рядом и вряд ли допустит, чтобы со мной произошло что-то непоправимое. Как минимум он это почувствует и сумеет остановить, да и вообще, волноваться о темной магии, будучи ученицей Альгора — это как-то странно. Рядом с ним вообще о чем бы то ни было волноваться странно.

Я поймала себя на этой мысли, как в стену врезалась. Я что, правда настолько ему доверяю?

— Ленор, — позвал Ярד, возвращая меня в реальность, — я не хочу, чтобы ты пострадала.

— Не пострадаю, — отмахнулась я. Уж точно не больше, чем от собственных мыслей о том, как спокойно я чувствую себя рядом с Валентайном.

— Правда? Ты в этом уверена?

— Подумай сам, — я сложила руки на груди. — Я не согласилась, чтобы ты шел в кабинет Альгора вместе со мной, а сейчас ты думаешь, что если бы был хоть малюсенький шанс... хотя бы крошечный, что моя темная магия может вырваться или что с ней может что-то пойти не так, и что я могу навредить тебе — так вот, неужели ты считаешь, что я бы стала этим заниматься?

Ярд слегка покраснел.

— Нет. Я так не думаю.

— Ну вот и отлично. Значит, с этой темой мы разобрались, когда приступим к заклинанию?

— На выходных я его посмотрю, — друг кивнул. — Повнимательнее. Попытаюсь разложить на знакомые или хотя бы

относительно знакомые составляющие, и на следующей неделе, думаю, мы уже им займемся.

Супер!

Я все-таки его обняла, из-за чего Ярд покраснел еще сильнее.

— Пойдем на ужин?

— Да, разумеется.

Я улыбнулась, и мы вместе вышли из комнаты. Настроение и впрямь было такое, что впору бежать вперед и петь. Петь в коридорах Академии было бы странно, а вот скорость я развила приличную — поняла это, когда увидела, что Ярд еле-еле за мной успевает. Пришлось немного сбавить шаг, но улыбаться я не перестала, просто светила от счастья. А друг, как-то странно на меня поглядывавший, неожиданно выдал:

— Ты очень красивая, Ленор.

Из-за этого я споткнулась на пороге столовой, а потом споткнулась взглядом о сидящую за нашим столиком Дану.

Глава 27

— Привет! — девушка приподнялась и помахала нам рукой.

Ярд сразу изменился в лице, и неудивительно: он очень переживал из-за того, что Дана перестала с нами общаться. В отличие от той же Джиа, насколько я поняла, они с Даной были достаточно близкими друзьями, даже на подработку устроились вместе.

Я предложила поговорить с ней, но Ярд сказал, что он с ней уже говорил, и что ни к чему хорошему это не привело, а я в кои-то веки решила не вмешиваться. В конце концов, надо уважать желание друга разбираться самому, да и к тому же, я не была уверена, что моя попытка поговорить с Даной только все не усугубит. Похоже, она действительно его ревновала. И, похоже, не зря. Мне казалось, что мы просто хорошие друзья, но последнее заявление Ярда как-то намекало совсем на другое, и вот об этом точно стоит поговорить.

С ним. Наедине.

— Привет, — отозвалась я. Ярд ничего не сказал, просто пошел за ужином.

В глазах Даны мелькнула обида, и я опустилась на стул напротив нее.

— Он очень переживает, — кто-то обещал не вмешиваться, но не сказать этого я не могла. — Ты ему очень дорога.

Вот теперь на лице девушки отразилась злоба, а еще выражение «Все из-за тебя», но Дана тут же нахмурилась, плотно сжала губы. Потом все-таки произнесла:

— Я тоже. Он... — Она опустилась за стол, стараясь не смотреть в сторону очереди, куда ушел Ярд.

— Тебе просто нужно с ним поговорить.

— Поэтому я и пришла. И Джиа тоже... хочет вернуться. Мы скучаем по вам.

— По нам? — я выделила последнее слово.

— Ладно, по нему, — фыркнула Дана. — Но ты же прилагаешься в обязательном порядке, поэтому тебя никак никуда не денешь. Приходится и по тебе скучать.

Я фыркнула.

— Спасибо за честность.

— Да не за что. — Она отвела взгляд, потом снова посмотрела на меня. — Вы теперь все время вместе ходите, Валентайн Альгор не ревнует?

— Не ревнует! — громыхнув подносом о стол, Ярда подвинул его ко мне. — Прости, Ленор.

— О, а ты уже подавальщиком заделался? — Дана вскинула брови.

— Кем надо, тем и заделался.

По ощущениям от Даны сейчас вот-вот должен был пойти пар, поэтому я поспешила исправить ситуацию:

— Дана, у нас общее дело.

— Это какое же?

Я посмотрела на Ярда. Он выглядел раздосадованным, расстроенным, а еще явно чувствовал себя не в своей тарелке. То, что он тоже безумно скучает, было очевидно: они с Даной познакомились еще в школе, потом вместе ходили на подготовительные, вместе поступали. Дружба с детства, такая дружба не должна рушиться из-за чего бы то ни было.

— Расскажем. Если Ярда не против, — я серьезно посмотрела на девушку.

По сути, Дана не делала мне ничего плохого, а еще она была лучшей подругой Ярда. Я не хотела вставать между ними, я вообще не хотела, чтобы их компания распадалась, поэтому и сказала то, что сказала. И да, я готова была довериться ей, но мне нужно было понимать, насколько готов Ярда. Если он доверяет ей, то и я тоже.

— Я не против, — буркнул тот. — Это же твоя тайна.

— Отлично. Тогда мы можем спокойно обо всем поговорить, — я улыбнулась.

Ярда по-прежнему не улыбался, правда, теперь уже не понять из-за чего. То ли из-за того, как начался ужин, то ли из-за того, что я сказала — о том, что у нас общее дело. По сути, это было правдой, но, если он действительно во мне заинтересован, мог воспринять это болезненно. В последнее время я научилась думать о чувствах других людей: как ни странно, этому меня научил Люциан, который думал преимущественно о себе.

И который сейчас обнимался с Драконовой. Я посмотрела на них в упор и вдруг отчетливо поняла, что мне уже не больно. Да, как-то еще слегка тянет в груди, но не так сильно. Уже не хочется отвести взгляд. Не хочется сказать что-нибудь колкое в ответ, не так пронзительно вспоминать о «наших» моментах. Конечно, до полного безразличия еще далеко, но, наверное, именно с этого все и начинается. Именно так все и проходит: сначала болит, потом жжется, потом жжение затихает, и остается только слегка зудящая корочка, которую просто поддеть пальцами и скovyрнуть. И забыть окончательно.

— Ленор? — поинтересовалась Дана, проследив мой взгляд.

Я не стала говорить, что все в порядке. В этот раз вообще ничего не стала говорить, мне просто-напросто не хотелось. Не хотелось развивать эту тему, потому что она неизбежно приведет меня к мысли «как все могло бы быть».

Потому что все так, как есть. Сейчас.

— Всем приятного аппетита, — сказала я.

— Приятного, — отозвался Ярд.

— Так что у вас там происходит? — Девушка заинтересованно подалась вперед.

— Лучше поговорим после ужина у меня.

— Все настолько серьезно?

— Ну, есть немного.

После ужина мы действительно пошли ко мне. Я не стала говорить все, у Даны был краткий вариант событий — во мне проснулась темная магия, Валентайн меня обучает, моя подруга погибла и мне нужны данные из книги, чтобы ее вернуть. Ярд мрачно молчал, просто слушал, и, когда я закончила, Дана воскликнула:

— Так что же вы сразу не сказали?!

Кажется, моя темная магия показалась ей меньшим из зол, чем если бы у нас с Ярдом был роман. Улыбнувшись этой мысли, я услышала разъяренное Ярда:

— Потому что ты не спрашивала! Ты только говорила, что я тебя бросил! Из-за не... — Он осекся, виновато посмотрел на меня, а я сделала самое простое, что могла — вышла из комнаты, оставив этих двоих наедине. Им явно нужно было поговорить и разобраться между собой, а мне — подумать.

Как потактичнее сказать Ярду, что между нами действительно только общее дело.

До того, как Академия «закроет» коридоры на ночь еще оставалось время, поэтому я решила немного прогуляться. Дошла до дальнего поворота в одну сторону, развернулась, пошла в другую.

Наверное, лучше ничего больше Ярду не говорить. В конце концов, в столовой я и так сказала достаточно, и если он сам что-нибудь еще скажет — тогда да. А пока...

Из мыслей меня выкинули самые что ни на есть первобытные звуки, доносящиеся из-за двери Драконовой. Я даже назад дернулась, инстинктивно, и только потом поняла, что все это происходит именно там. Причем кто-то слишком громкий и совершенно этого не стесняется — например, для того, чтобы поставить *Cubrire Silencial*. Впрочем, когда это Люциан стеснялся. Да и Драконова от него наверняка недалеко ушла.

Я прислушалась: не к первобытным звукам, разумеется, к себе. Поняла, что мне как-то без разницы уже. Рано или поздно это должно было произойти, да я уверена, что происходило и раньше. Эта парочка точно не из тех, кто будет только за ручки держаться и обниматься.

Я дошла до конца коридора, взобралась на подоконник арочного окна с витражным стеклом, на котором расцветал выплавленный темно-синий цветок, и толкнула тяжелую створку. С неба на меня уставились три луны, одна почти полная, другая стареющая, а третья — растущая. Одна была чуть ближе, еще две чуть подальше, и все они рассыпали холодный свет, разбросанные по небу на расстоянии парочки ладоней с растопыренными пальцами. Разумеется, это если смотреть из окна, в космосе между ними я даже не представляю, сколько.

И уж точно не представляю, сколько отсюда до мира, где я родилась. Как-то совсем не задумывалась раньше, но сейчас, глядя на украшенное крошкой драгоценных камней небо, поняла, что где-то там есть и мой мир. Мир, в который я вполне могла бы вернуться, если бы там изобрели межпланетные корабли со сверхсветовыми двигателями. А сколько вокруг нас еще миров?

— Ну и мысли тебя посещают, Лена.

Я вздрогнула и чуть не свалилась прямо в окно: благо, было кому поймать. Валентайн рывком сдернул меня с подоконника и впечатал в

себя.

Я заморгала, пытаюсь сообразить, откуда он тут взялся, но, прежде чем я успела спросить или хотя бы мысленно озвучить ему вопрос, Валентайн меня опередил:

— Решил заглянуть к тебе вечером. Твои друзья сообщили, что ты оставила их в комнате и сбежала в неизвестном направлении.

— Не сбежала. Пошла прогуляться. А то у них... в общем, им надо было поговорить.

— Поговорить — это дело хорошее, — Валентайн по-прежнему удерживал меня в руках, и я забарахталась, пытаюсь вырваться. Тщетно.

— Что, мы опять тренируем темную магию? — поинтересовалась, когда мои ладони, которыми я уперлась ему в грудь, оказались еще и очень близко от моей. Означало это только одно: меня прижали к себе еще плотнее, спасибо хоть, целовать не пытались.

Или не спасибо? Я неожиданно подумала, каково было бы целоваться с Валентайном по-настоящему, и мысленно отвесила себе затрепину. Не хватало еще, чтобы он это услышал, как то, что я только что думала про корабли, бороздящие просторы вселенной.

— Нет, — ответил он, наклоняясь ко мне. Как будто и впрямь собирался поцеловать.

— Нет? Тогда...

Поцелуй все-таки случился: правда, не совсем такой, как я ожидала. Внезапный и резкий, как порыв ураганного ветра, ударившего в мои губы, противиться которому совершенно невозможно. Да и не хочется?

Мне вдруг действительно расхотелось сопротивляться, а захотелось почувствовать его в полной мере. Так, как не позволяла себе сделать это раньше. Прикрыв глаза, впитывая это сильное прикосновение, раскрывающее мой рот, присваивающее, клеймящее. Заставляющее что-то в груди закручиваться смерчем, поднимающимся вверх и заполняющим меня целиком.

Позволять себе это было слишком опасно, но я позволила. Ровно до той минуты, когда вспомнила, где мы находимся, и что я собираюсь сделать.

Порыв ветра из окна ожег губы, как пламя, пусть и не сильнее его поцелуя, а взгляд Валентайна — затягивающий своей бесконечной

пропастью, в которой клубилась черная сила — отрезвил.

— Что-то не так, Лена? — хрипло спросил он, когда я сильнее надавила в его грудь ладонями.

— Все.

Начнем с того, что я собираюсь сделать. А продолжим...

— Я привыкла к тому, что мы целуемся по учебе.

— А я не хочу к этому привыкать.

Вот и что он имел в виду?

Меня слегка повело от этих слов. Или от скользящего по мне взгляда? Коснувшегося припухших губ своей властной давящей силой, спустившегося ниже — в вырез блузки, которую я расстегнула на пару пуговиц.

— Мы вообще-то в коридоре Академии, — напомнила я.

Что я несу?

— Меня это не смущает.

— Это смущает меня.

— Хорошо.

Я не успела удивиться. Не успела разочароваться. Не успела обрадоваться. Да вообще мало что успела понять, потому что короткое мгновение перехода сквозь разомкнувшийся пространство портал — и я уже стою вместе с Валентайном на крыше, а перед глазами — весь Хэвенсград. Сияющий и переливающийся огнями фонарей, манящих домашним уютом окон, магическая подсветка Алой площади, превращающая камень в красный даже в ночи. Башенки собора, петляющие бесчисленные улочки, а чуть поодаль, над нами — воздушный остров Академии. Отсюда, особенно густым чернильным вечером, она казалась фантастической громадой, из-за чего ощущение реальности происходящего для меня стиралось окончательно.

Все-таки я до конца к этому не привыкла. И, наверное, никогда не привыкну.

— Это здание — одно из старейших в Хэвенсграде. — Валентайн меня отпустил только для того, чтобы мне было удобнее смотреть на город, а после снова прижал к себе, но уже спиной. — И находится в самой высокой точке.

— Что за здание? — спросила я, чтобы отвлечься от тепла его ладоней на своих бедрах, а заодно и от странного, манящего желания податься назад и прижаться к нему сильнее, самой сократить это

неощутимое расстояние между нами, окончательно переводя наши объятия в завершённую близость.

— Палата королевских дознавателей.

— Что?!

— Как это называется в вашем мире?

— Ты хочешь сказать, тайная служба? Разведка? Шпионская сеть?

До меня донёсся смешок, отразившийся на моей коже теплом его дыхания.

— Можно и так сказать.

— И ты так спокойно запрыгнул к ним на крышу из телепорта?

— У меня особый допуск, Лена.

— Ах, да. Как я могла забыть. А есть что-нибудь, куда у тебя нет особого допуска?

— Есть кто-нибудь. Особого допуска у меня нет к тебе.

Прозвучало это так, что я подавилась воздухом, следующей своей фразой, которая к тому же тут же вылетела у меня из головы, а Валентайн тем временем продолжал:

— Когда-то светлые предпочитали жить над землей. Им не нравилась приземленность, а ещё они — весьма забавный факт, правда — считали себя выше темных. Поэтому Драконова Академия — дань прошлому и символ объединения людей и драконов. О том, что произошло с островами светлых, ты наверняка прочитала.

Да, я читала, что во время развязанной Горрахоном войны почти все они были уничтожены. Осталось несколько на севере, как раз неподалеку от Портуале, где жила мама — и то преимущественно потому, что эти земли были далеки от основных военных действий. Правда, о том, что сказал Валентайн, я как-то не задумывалась. О том, что воздушные острова были символом превосходства.

Он усмехнулся. Снова.

— Никогда не думала о светлых в таком ключе?

— А ты не мог бы не лезть в мои мысли?

— Прости, Лена. Очень заманчиво.

— Нет, не думала. — Я снова решила перевести тему, потому что ладони мягко скользнули по моим бедрам. В такой странной, короткой ласке. — Тамея считается символом света...

— Тамея, если верить истории, была той ещё... — Валентайн кашлянул. — Не стану говорить вслух. Они с Лозантиром друг друга

стоили.

— Ты веришь, что она существовала на самом деле?

— Я верю только в то, что могу видеть и к чему могу прикоснуться. — На этих словах он почему-то подвинул руки чуть выше и теперь держал их сцепленными на моей талии. — Тем не менее я считаю, что не существует абсолютного света и абсолютной тьмы. Мир гораздо более яркий, чтобы делить его на черное, белое, плохих и хороших.

— И как ты тогда объяснишь то, что сотворил Горрахон? Среднестатистическим допустимым злом?

— Никак. Я же не Горрахон, — он отпустил меня, и я шагнула чуть ближе к краю.

Здание и правда было старинное, на массивных ограждениях расселись уменьшенные копии каменных драконов — видимо, исполняющих обязанности горгулий, хотя я не была уверена, что от палаты дознавателей надо отгонять нечисть и темную силу. Особенно если вспомнить, что нечисть и темная сила тут вообще по земле ходит, и одна из них за моей спиной...

Я резко оборвала собственные мысли, но Валентайн, судя по всему, ничего не «услышал». Потому что приблизился и встал рядом со мной, его профиль на фоне драконов и города сейчас тоже казался выточенным из камня, выбивались из этой картины только длинные пряди темных волос, которые подхватил ветер.

Странно, но сейчас мне захотелось к нему прикоснуться. К этому профилю, повторить словно вылепленный искусным скульптором лоб, нос, брови и скулы. Я даже кулаки сжала, чтобы этого не сделать, и снова развернулась к городу. Река, петляющая между домов, отражала огни и катала их на сверкающей черной глади.

Красиво. Невероятно красиво.

— Спасибо за то, что привел меня сюда.

Валентайн повернулся ко мне. В этот момент я снова провалилась в его темнеющий взгляд и осознала, что с этим надо что-то делать.

— Но я не готова к тому, чтобы целоваться не по учебе. Я не готова к отношениям, и вряд ли буду готова в ближайшее время.

С тобой — никогда. Этого я не сказала, только подумала, и, наверное, не против была бы, чтобы он это услышал. Потому что сейчас я как никогда раньше отчетливо понимала, что если провалюсь

в эту черную бездну всего один раз, спасения уже не будет. Не будет, несмотря на то, что я уже прошла с Земсковым, да и с Люцианом — нет. Валентайн как провал, в который можно упасть только один раз, а выбираться потом — бесконечно долго. Причем не факт, что вообще возможно, потому что то, что я вижу в его глазах, отражает меня саму.

Я не могла этого объяснить, просто чувствовала. Это странное, изматывающее, невыносимое притяжение, от которого кружилась голова и губы становились пересохшими, как в эпицентре пламенного кольца.

С самого начала, с самой первой встречи я отчаянно этому сопротивлялась, но признать это оказалось куда опаснее. Потому что на краткий миг мне захотелось просто ему поддаться: этому странному влечению, манкому чувству, определения которому не было и нет в моей голове. Зато есть на уровне животных инстинктов, и все они просто вопят: опасность!

Валентайн смотрел на меня, я на него, и мне казалось, что от центра моей груди до центра его протянулась натянутая струной звенящая нить, зацепившая нас друг на друга какими-то магическими крючьями. Он отвернулся — и нить лопнула, напоследок больно хлестнув по сердцу. Он так ничего и не сказал, а я неожиданно для себя шагнула на возвышение между драконами, подставляя лицо колючему ветру.

И ничуть не удивилась, когда услышала:

— Пора возвращаться.

Глава 28

Проклятое заклинание защиты никак не хотело поддаваться. Мы с Ярдом что только ни делали, но оно было составлено так, словно... словно к нему вообще невозможно было найти ключи! Ярд с каждым днем мрачнел все сильнее, я психовала, потому что шло время. Оно, это самое время, шло слишком быстро, а я понятия не имела, как там в Загране все происходит, и сколько времени у меня есть, чтобы вытащить Соню.

Понятно, что все сведения о ритуале были в книге, но я хотела бы знать хоть чуточку, хоть самую малость больше — возможно, тогда не волновалась бы так сильно. Переживала еще и потому, что боялась, что Валентайн обо всем узнает и спрячет книгу подальше от меня — там, где ни я, ни Ярд ее уже не достанем, и хорошо, если просто спрячет, без воспитательных процессов.

В последние дни с ним было просто невыносимо общаться: возможно, отчасти в этом была виновата я сама, потому что поцелуи с ним заставляли напрягаться, отшатываться, дергаться. В общем, ни коим образом не способствовали углубленному изучению материала (именно по темной магии). Сказала бы я, чему они способствовали, но я обещала себе, что думать об этом не стану, с той самой ночи на крыше — как пообещала, так и не думала больше.

Почти.

Ладно, если уж быть до конца честной с собой, Валентайн Альгор был второй не менее важной причиной, по которой я психовала. Сейчас, когда до зимнего бала и каникул оставалось меньше недели, а занятия стали насыщенными настолько, что я едва успевала бегать между аудиториями, его кабинетом и собственной комнатой, где мы с Ярдом решали задачку, мне казалось, что я все сделала не так. Тогда, на крыше.

Казалось, что надо было откровенно поговорить с ним. Рассказать о Соне — искренне, как я рассказала Ярду — возможно, он не отказался бы помочь. Я думала об этом и тут же себя останавливала, потому что это желание ему довериться, открыться настолько, тайло

под собой еще один слой. Этот слой, от которого я шарахалась, как от огня.

Я хотела его целовать не по учебе.

Хотела и не хотела одновременно, а он в последнее время снова стал разговаривать приказами и короткими фразами, как командир на плацу, из-за чего здоровья в наши и без того напряженные отношения не добавлялось. Для полного счастья я чувствовала, что своими попытками разбить заклинание защиты, я его предаю. От этого всего начинала ехать крыша, возможно, именно поэтому когда Дана за ужином между делом сообщила, что Люциан пригласил Драконову на зимний бал, и что все только и говорят о том, какое у нее будет платье, я лишь отмахнулась.

Мне было не до платьев. Не до Люциана с Драконовой и уж точно не до бала. На котором я, между прочим, рассчитывала быть уже с мыслью, что Соня жива!

К счастью, хотя бы Макс радовал: рядом с братом я проваливалась в такие уютные семейные моменты, о которых можно было только мечтать. Заодно мы с ним готовились к поступлению: у него скоро должны были пройти отборочные испытания (не путать с экзаменами), после которых он начнет посещать Академию. Подготовительные курсы продлятся до лета, за ними последуют экзамены — сразу после того, как экзамены сдадут адепты.

Вот мы и занимались, в свободное время на выходных. Я не только рассказывала ему про магию, о чем успела узнать сама, но и про магистров, с кем лучше не шутить, с кем и как вести себя на отборочных испытаниях. По сути, эти самые отборочные испытания нужны были для того, чтобы пропустить сквозь сито огромное количество желающих поступить. Академия Драконова, а точнее, образование, полученное в ней, ценилось очень высоко, она занимала первое место в рейтинге высших учебных заведений, поэтому и рвались сюда многие. Между тем как на экзаменах с таким потоком желающих просто не справились бы, вот и действовали по схеме:

1. Отборочные испытания.
2. Подготовительные курсы.
3. Вступительные экзамены.

К счастью для меня, в самой Академии экзамены сдавали раз в год, избавив адептов от зимних мучений. Считалось, что зима — время

светлое, праздничное: именно благодаря возникновению магии в мире, и что в такое время как-то странно проводить экзамены, а весной, видимо, уже и толку не было.

К зиме Хэвенсград и правда преобразился: если у нас готовились исключительно к Новому году, то здесь — к Зиме в принципе. Украшали города еще осенью, проводили служения в храмах, устраивали ярмарки и готовили площади для зимних развлечений. Ночь Магии (так здесь назывался Новый год), разумеется, была одна, но к ней стоило должным образом подготовиться, а также провести зиму максимально счастливо. Всю.

Это считалось хорошей приметой на весь последующий зим (то есть год), и я, кажется, своими психами этот момент слегка запорола. Но, как бы там ни было, я старалась. В родном мире всего одну ночь надо встретить и провести хорошо для счастья, а здесь весь сезон. Попробуйте сразу взять такой снаряд без должной тренировки!

Если говорить откровенно, не очень-то я в приметы и верила, поэтому не заморачивалась. Заморачивалась только по другому поводу, и он, этот повод (поводы?), не давал мне спать спокойно. Настолько, что в последнее время я стала дерганая, как при обострении ПМС — хотя все-таки поставила себе то важное женское заклинание! Несмотря на это, чуть не поругалась с Ярдом, два раза поругалась с Даной, потом так же горячо помирилась, и с трудом сдерживалась, когда приходилось целоваться с Альгором.

Вчера, например, мы с ним сцепились во время отработки защитного заклинания, когда он мне сказал, что такими темпами меня быстрее убьет, чем я успею его поставить, на что я огрызнулась, что над педагогическим талантом ему еще работать и работать. В итоге оставшийся вечер настроение было ни к Лозантиру, особенно после очередных неудачных попыток с Ярдом, и я просто полночи не спала. А как только начала засыпать, в дверь поскреблись:

— Ленор! Ленор, открывай!

Сначала мне показалось, что у меня галлюцинации, потом — что мне это снится. И только когда в дверь стукнули посильнее с умоляющим:

— Меня ж сейчас дежурные поймают! — я подскочила.

Подскочила и, завернувшись в одеяло, подбежала к двери, за которой обнаружился всклокоченный заспанный Ярды, в форме,

застегнутой по диагонали, из-за чего левый лацкан пиджака у него задрался, как и нижний край с этой же стороны.

— Я понял! — воскликнул он, оттолкнув меня и влетев ко мне в комнату на манер сумасшедшего ученого со сверкающими глазами. — Я понял, как это сделать! Сегодня мы разобьем это заклинание! Больше того! Мы его разобьем сейчас!

— Что? — переспросила я внезапно севшим голосом.

— Я нашел, как его можно разбить, — повторил Ярл, когда я автоматически захлопнула дверь. Он же набросил *Cubrire Silencial*, а потом вскинул руки. Подчиняясь активированной магии, перед нами возникла схема заклинания, в которую я, стянув браслеты, влила темную магию.

Спасибо Валентайну, мне не грозило поднять «сигнализацией» всю Академию. Продумав стратегию нашей с Ярдом работы, я попросила, чтобы Альгор сделал с моей комнатой то же самое, что он сделал с аудиторией и с собственным кабинетом. На случай, например, если я сниму браслеты, когда переодеваюсь (переодеваться в них и правда было то еще удовольствие). То, что он сразу не отказал, наводило на мысли, что ректор Эстре в курсе нашего небольшого секрета. С другой стороны, какое мне вообще дело до Эстре?

Мотнув головой, я сосредоточилась на заклинании: благо, темная магия у меня сейчас работала и без поцелуев. Валентайну я этого не сказала, поэтому приходилось целоваться и дальше, ну или «приходилось» — не совсем точное слово?

Тьфу ты!

— Смотри сюда. — Ярл указал на сплетения магических узлов, над которыми сверкали искрящиеся тьмой линии. — Вот здесь заключается обманка. И если мы развернем ее вот так... *Carrmonte Our*.

Подчиняясь заклинанию, линии разошлись друг над другом, выгнулись и застыли, подрагивая, искря темной магией, рассыпая мельчайшие, в темноте видимые глазу сверкающие брызги только потому, что основа созданного Ярдом «тестового» заклинания светилась самой обычной магией. В смысле, светлой. Я даже подумала, не задернуть ли шторы, чтобы случайно никто не увидел проблески в моем окне, но друг яростно на меня шикнул:

— Сосредоточься!

С того самого дня, как мы помирились с Даной, и они с Даной, видимо, тоже помирились, он больше ни на что мне не намекал. Я бы хотела думать, что они встречаются, но они, похоже, продолжали дружить, как и раньше. Не знаю, что по этому поводу думали Дана и Ярл, мне же было достаточно того, что мы просто друзья. Разбивать парню сердце я не хотела, равно как не хотела разбивать их пару. То, что они искрят, как вот эта самая магия, становилось понятно невооруженным взглядом: очевидно, всем, кроме них.

— Ленор! — шикнул Ярл.

— Да. Что мне нужно делать?

— Сейчас вот этот узел разомкнешь с помощью Norrmin Nore, а потом верхнюю параллель наложишь на среднюю и соединишь вот эти узлы. Только темной магией!

— Да я уже поняла.

После всех наших упражнений и всего, что мы перепробовали, мне самое время идти в местные магические хакры. Проглотив нервный смешок, я потянулась к глубинам темной магии, от которой, как всегда, по телу прошел легкий пугающий холодок. Тут же, впрочем, сменившийся знакомым равнодушием к происходящему. Валентайн говорил, что темная магия опасна, но как по мне, она всегда отрезала лишние эмоции и чувства, позволяя действовать взвешенно, точно, резко и быстро.

Вот как сейчас.

Три движения, одно заклинание. Выступившие на лбу и над верхней губой капельки пота.

Вспышка, щелчок, и...

Заклинание распалось на наших глазах. Мгновение я смотрела на тающие в воздухе контуры. Мгновение или минуты, растянувшиеся во времени? Понятия не имею! Я понимала только, что мы это сделали. Мы это сделали. Мы это....

— Мы это сделали! — возбужденно шепнула, и мы с Ярдом порывисто обнялись. — Да, да, да, да, да, да!

Я бы сейчас запрыгала по комнате, если бы не опасалась перебудить всех. Правда, вспомнила, что мы защищены Cubrige Silencial и все-таки запрыгала. Мне надо было дать выход радостному возбуждению, овладевшему мной — причем так, чтобы оно не порвало меня на много маленьких Лен и не разбросало по всей Академии. Ярл

явно разделял мою радость, потому что перехватил меня за руки, и мы вместе закружились по комнате, а потом вместе плюхнулись на мою кровать: я справа, он слева. Глядя в плавающий перед глазами потолок, я улыбалась.

Что это значит?

Да только то, что до бала у меня уже будет информация о том, как спасти Соню. Я изучу книгу от и до, пусть даже мне придется не спать ночами, изучу все, что связано с ритуалом, как его провести так, чтобы никому не навредить, а потом... потом приступлю к подготовке.

Глубоко вздохнув, я повернулась к Ярду:

— Спасибо!

— Пожалуйста, — он повернулся ко мне. — Ленор! Пойдешь со мной на зимний бал?

Мы лежали слишком близко друг к другу, возможно, именно поэтому получилось так резко и неожиданно. Из-за того, что его дыхание касалось моей кожи так же, как мое, наверное, касалось его.

— Можешь не отвечать сразу, — Ярд добавил это поспешно. — То есть вот прямо сейчас мне ответ не нужен, я подожду. Времени еще много. То есть не так уж много, но...

— А как же Дана? — вырвалось у меня.

Парень нахмурился.

— А что Дана? Мы с ней друзья. Или ты не хочешь из-за Валентайна? Слушай, я не подумал... он же вроде как твой... твой кто?! — Глаза парня вспыхнули какой-то дикой ревностью, и я поспешно села на постели. Ярд последовал моему примеру, а я задумчиво смотрела на дальнее окно, пытаюсь понять, как бы так выразиться, чтобы объяснить ему ситуацию.

По всему получалось, что я благополучно прохлопала, что Ярд все-таки во мне заинтересован. Но ведь мне казалось, что это не так! Он же больше ни разу не заговаривал ни о чем таком! Даже на свидание не пытался пригласить.

— Валентайн тут ни при чем, — ответила я, когда все-таки нашла слова. — Это только между нами... между мной и тобой. Я думала, что...

— Что? — Ярд заглянул мне в лицо.

— Я думала, что ты во мне не заинтересован! — сказала, как есть, чего уж там.

— А в тебе можно быть не заинтересованным? — хмыкнул он. — Вон даже Альгор на тебя запал.

— Он на меня не запал. Он меня учит и делает все, чтобы я не влипла в неприятности, — а я собираюсь скопировать его книгу. — Я же тебе говорила.

— Значит, ты можешь пойти со мной на бал, и ревновать он не будет.

Я почему-то мысленно зажмурилась. Возможно, именно поэтому повысила голос:

— Я же сказала, что дело не в Валентайне!

— А в чем? Или в ком?

— В том, что я считала тебя своим другом. Я думала, мы друзья. Что тебе... этого достаточно!

— Мне и было достаточно, пока я не мог тебе помочь. Я понимал, что должен решить это дурацкое заклинание, иначе я никогда не буду тебя достоин.

Мне захотелось спрятать лицо в ладонях. Упасть им в колени — благо, растяжка позволяла, особенно после местных занятий по физподготовке. Все это время Ярд работал над заклинанием, чтобы быть достойным позвать меня на бал? Кошмар. В смысле, не кошмар, конечно, но и кошмар тоже.

— Ярд, — я снова повернулась к нему. — Я счастлива, что ты мой друг.

— Я тоже, Ленор. И, поверь мне, я не собираюсь на тебя давить или требовать, чтобы у нас с тобой были сразу какие-то серьезные отношения. Я просто приглашаю тебя на бал. Просто хочу, чтобы ты пошла со мной. Разве я о многом прошу? Просто прийти со мной. Просто танцевать — со мной больше, чем с остальными. И, как я уже сказал, ты можешь не отвечать. Пока.

Он поднялся, сбросил Cubrire Silencial.

— Все, мне пора. Пока никто в комнате не проснулся и не увидел, что я гуляю непонятно где. Я набросил на них усыпляющее... ладно, укрепляющее сон заклинание, но у него срок недолгий, скоро развеется.

— Ярд...

— Пока, Ленор. До утра. До завтрака. В общем, увидимся.

Он выбежал из комнаты раньше, чем я успела хоть что-то добавить или его остановить, а я снова плюхнулась на кровать. Заползла под одеяло и закрыла глаза. Сон снова не шел, но теперь уже по другой причине. Заклинание мы все-таки разбили, и после выходных, по договоренности с Дракуленком, я смогу скопировать содержание книги Альгора. Вот только почему-то по моим ощущениям, вкус у победы был, как в известной притче, какой-то странный.

Я ворочалась с боку на бок, то откидывала край одеяла, потому что становилось жарко, то заворачивалась в него как в кокон, потому что становилось холодно. Что, чисто теоретически, было невозможно: артефакты обогрева в комнате работали на отлично и поддерживали нужную комфортную мне температуру, такой вот магический климат-контроль.

Я смотрела на три луны, которые скоро должны были одновременно стать круглыми. Тройное полнолуние случалось в мире раз в два с половиной года, точнее, раз в две с половиной зимы, и в этот раз выпадало именно на ночь бала в Академии Драконова. Я лежала и думала, что надо бы задернуть портьеры, чтобы свет не мешал засыпать, а кончилось все тем, что я все-таки заснула.

Мне снился Валентайн, с которым мы вдвоем кружились по залу в безумном ритме непонятого танца. И нас обоих поглощал раскручивающийся черный вихрь.

Глава 29

— Что случилось?! — спросила я у Ярда, когда увидела его одного в столовой, за тем самым столом, за которым в последнее время мы снова сидели вчетвером: я, Дана и Джиа! Джиа, правда, в нашу историю мы не посвящали, и Дана тоже обещала ей ничего не говорить, но на общие темы вполне общались все вместе. До сегодняшнего дня.

Девчонок в столовой вообще не наблюдалось, хотя обед был в самом разгаре, а я прибежала на него вся в мыле именно потому, что искала Ярда. На завтрак он не явился, на сдвоенную пару по теормагии влетел вместе с рычанием, и сел не с нами, а вообще на другой ряд! А после пары сразу слинял в неизвестном направлении, чтобы найтись таким вот образом. Вот здесь!

Я понимала, что он не хочет со мной говорить о том, что произошло в моей комнате, но не до такой же степени. И куда он дел девочек? Сейчас этот вопрос интересовал меня гораздо больше, потому что мы с Даной и Джиа расстались, когда они собирались на обед.

— Ярд! — Я оперлась ладонями о стол, вглядываясь в мрачное лицо друга.

— Что? — буркнул он.

— Где Дана? Джиа? Почему ты сидишь тут один и почему так странно себя ведешь?

— Дана узнала, что я пригласил тебя на бал и сбежала.

Я чуть мимо стула не села, мысленно схватившись за голову.

— Узнала?! Как?!

— Я ей сам сказал. Когда она прибежала ко мне.

Впору биться головой о стол. Получается, Дана не пошла на обед, а пошла искать Ярда. Учítывая, что она знает его гораздо лучше, чем я, и нашла его она быстрее. На свою голову. Он, впрочем, тоже хорош — заявить влюбленной девчонке, что пригласил на бал другую.

Р-р-р-р-р-р!!!

— Куда она пошла? — спросила я, понимая, что обед мне не светит. Теперь мне нужно найти Дану.

— Какая разница?

— Какая разница?! Она в тебя влюблена.

— А я в тебя! — Ярд рывкнул это так, что в столовой мигом воцарилась невыносимая тишина. Я просто чувствовала, как все взгляды прилипают к нам, один за другим. Исключение составляли, разве что, Люциан, Драконова и компания, хотя даже в исключениях бывают исключения — Клава ехидно ухмылялась, рассматривая нас. Еще ехиднее ухмылялась Аникатия, Лика делала вид, что нас нет.

— Так. Пойдем, — понизив голос, я кивнула на дверь. Знала бы, что все так получится, привязала бы Ярда к кровати ночью, и вовсе не затем, о чем он мечтает. А чтобы сказать, что между нами ничего нет и быть не может, потому что я не создана для отношений, и что ни на какой бал я с ним не пойду.

— Зачем? — Он упрямо посмотрел на меня, будто прочитал все мои мысли, как Валентайн.

— Ну ты же хотел со мной поговорить. Насчет бала.

Это сработало. Забыв про обед, он подхватил сумку и вышел следом за мной. Я так разогналась после устроенного в столовой «спектакля», что остановилась только у дверей, перед выходом в парк, в котором сейчас в танце кружились снежинки — видимо, репетировали перед балом.

— Я не смогу с тобой пойти, Ярд, — сказала без предисловий, как надо было сразу. Увидела, как исказилось лицо парня, и тут же добавила: — Мне сейчас не до отношений. Мне, по большому счету, даже не до бала, и ты как никто другой знаешь, почему.

Ярд сунул руки в карманы, но от меня не укрылось, что он сжал кулаки.

— На бал со мной ты тоже не собираешься, я правильно понял?

— Правильно. Я люблю тебя, Ярд. Ты мой друг. И я не...

— Знаешь, Ленор, могла бы сразу сказать, что тебе от меня нужен только способ спасти подружку, — он скривился. — По крайней мере, так было бы честно. И не нужна мне твоя жалость и твои подачки в виде дружбы. Если бы ты меня любила, ты бы ни за что не сказала такого. Того, что ты сказала сейчас!

Он выпалил все это мне в лицо, а после развернулся, чтобы уйти.

— Ярд! — Я попыталась удержать его за локоть, но он вырвался. Вырвался и процедил:

— Тебе нужно еще скопировать книжку, я помню. Как понадоблюсь — позовешь. Не переживай, я и так все сделаю.

Он быстро направился через холл к коридору, из которого мы только что пришли. Я шагнула было за ним, но услышала хихиканье и обернулась. Рядом с нишей, где на постаменте стоял бюст основателя Академии, обнаружились двое старшекурсниц. Одну из них я видела впервые, а вот вторую, рыжую, узнала сразу. Именно она отправила меня тогда в Портуале, а сейчас откровенно хихикала, глядя на удаляющегося Ярда.

Ну все.

— Привет, девочка с топографическим кренинизмом, — я шагнула к ней, и хихиканье смолкло. Ее брюнетистая подруга тоже перестала ухмыляться и воззрилась на меня. — Что-то смешное увидела? Не поделишься?

— Привет, неудачница, — усмехнулась она. — Или, правильное будет сказать, подстилка темной твари?

«Ну как бы подстилке Альгора не положено с однокурсниками через порталы ходить, нужно окружение рангом постарше». — Я вспомнила эту фразу, прозвучавшую перед тем, как меня отправили куда подальше. Буквально. Тогда я не поняла, кто это сказал, зато сейчас осознала отчетливо. И еще вспомнила слова Макса о том, что в их классе учится сестра некоей...

— Асита Соровски? — уточнила я.

Девушка изменилась в лице:

— Откуда ты знаешь мое имя?

Да, выдающимися умственными способностями она явно не блещет. Но что самое обидное, в тот раз она показалась мне милой и вполне адекватной.

— От драконоблюда, — перефразировала известную в нашем мире фразочку. — Не переживай, у меня свои информационные каналы.

— Ты что, за мной следишь?! — взвизгнула девушка. Ее подружка просто хлопала глазами.

— Предпочитаю знать все о тех, кто мне устраивает подлянки. Это никогда лишним не будет.

Ее лицо исказилось, превращаясь в злобную маску:

— Угрожаешь, Ларо?! Думаешь, я испугаюсь твоего покровителя...

— Думаешь, мне нужен кто-то, чтобы поставить зарвавшуюся стерву на место? — холодно поинтересовалась я и щелкнула застежками браслетов.

— Асита, пойдем. Пойдем, она ненормальная! — завопила ее подруга, резко дернув рыжую на себя.

Через минуту их и след простыл, а я, полюбовавшись на бюст отца-основателя, то бишь Драконова — импозантного мужчины в военном мундире, с лихо закрученными усами и густой бородой — направилась уже в сторону аудитории по драконьему языку. Возвращаться на обед уже не было смысла, да и не хотелось: аппетит пропал подчистую. Поэтому я чуть ли не одной из первых заняла место в классе, где должны были скоро начаться занятия и ничуть не удивилась, что Ярл сел отдельно, Дана и Джиа — отдельно.

Мириться сейчас, а главное, мирить их, у меня тоже не было сил, и я решила отложить этот вопрос до вечера. Тем более что после занятий по драконьему языку мне еще предстояли занятия с Валентайном, на которые тоже требуется немало сил. Почему-то в последние дни я выходила от него такой измочаленной, будто грузовики на плечах таскала, как Чудо-женщина. И это при том, что он надо мной не издевался, не грузил дополнительно и каких-то супертяжелых заданий и заклинаний не давал.

Может, все дело было в том, что я собиралась сделать, а может, в чем-то еще, но думать еще и об этом мне сейчас тоже не хотелось. Поэтому сначала я погрузилась в языковую практику, а потом, наведавшись к себе и немного перекусив, отправилась к нему. По дороге тренировала отключение мыслей, чтобы даже случайно не проболтаться о том, что нам с Ярдом удалось справиться с заклинанием, а на входе в кабинет уже привычно бросила взгляд в сторону шкафа. К счастью, рядом с ним висела картина, и я делала вид, что рассматриваю ее, а на самом деле смотрела на полку.

Мне нужно было на нее смотреть, чтобы удостовериться, что книга на месте, что она никуда не делась, что Валентайн ее не переставил или вовсе не утащил куда-нибудь еще, и, когда я видела знакомый переплет, я выдыхала. Всегда.

До этого дня.

Потому что сегодня книги на месте не оказалось.

Я просто залипла, потому что судорожно скользила взглядом по полкам в надежде увидеть ее если не там где обычно, то хоть где-нибудь! Но ничего не находила, и от этого мое сердце провалилось в район пяток и там звонко брэнчало, как кошель с монетами. Не представляю, сколько прошло времени, пока я поняла, что откровенно пялюсь на шкаф, а потом медленно перевела взгляд на Валентайна. Он поднялся из-за стола, не просто поднялся, он успел его обойти и теперь сидел на краю, скептически глядя на меня. Я надеюсь, что скептически, потому что в его взглядах я так и не научилась до конца разбираться, мастер маскировки чувств — это к нему.

— Что-то потеряла, Лена? — поинтересовался он.

— Я? Нет. С чего ты взял? — Что-то мне подсказывало, что отпираться уже бессмысленно, но я просто не могла этого не сказать. У меня в голове мысли устроили броуновскую дискотеку и метались в разные стороны, сменяя одна другую с такой сумасшедшей скоростью, что я толком не успевала ни за одну из них ухватиться. Может, оно и к счастью, Валентайн тоже не ухватится. — Мы заниматься будем?

Я прошла к столу и опустилась на свое место, где сидела всегда, пока Валентайн рассказывал теорию. Тот факт, что рядом маячит его бедро, меня здорово нервировал, и я подняла голову:

— Ты будешь тут сидеть?

— С твоего позволения. — Яда в голосе было столько, что он уже должен был самостоятельно отравиться. — А теперь объясни мне, Лена, я что, правда настолько похож на идиота, что все это время ты рассчитывала стащить книгу из моего кабинета?

— Не стащить, а скопировать. — Отпираться было действительно поздно, и я решила больше не отпираться. В конце концов, лучшая защита — нападение, так может, стоит сразу переходить в нее? — Скажешь, ты бы дал мне ее почитать?

— Разумеется, не дал бы. — Рядом со мной на стол легла его рука, пальцы обхватили тяжелый край. — Я и принес ее исключительно для того, чтобы ты заиклилась на ней и не вздумала искать информацию об этом где бы то ни было еще. Потому что у тебя не то что в голове, у тебя на лице все написано.

Я открыла рот. Закрыла.

Снова открыла. И снова не нашла слов.

Получается, Валентайн не просто обо всем догадался, он притащил книгу, чтобы — что? Чтобы меня спровоцировать? Чтобы я думала, что я могу спасти Соню и занималась тем, чем занималась, а он тем временем был спокоен и не переживал по поводу того, что я влезу в какую-нибудь историю?!

Задохнувшись от нахлынувших на меня чувств, я вскочила.

— Да как ты...

— Я, — он поднялся, резко оттолкнувшись от стола и возвышаясь надо мной, — сделал все, чтобы ты не влипла в историю. Я рассказывал тебе о последствиях применения темной магии. Об опасности погружения в ее глубины. О том, что бывает, если прикоснуться к тому, о чем ты понятия не имеешь. Я не просто говорил, я тебе это показывал — когда уводил на первый слой. Надеюсь, что у тебя хватит ума не связываться с тем, что тебе неподвластно. С тем, что может тебя уничтожить.

Он чеканил слова, и они отскакивали от моего сознания, как от стены, рикошета и причиняя боль, царапая, как стальные когти.

Все. Это. Время. Я. Надеюсь.

Я думала, что мы с Ярдом справимся. Я думала, что у нас получится, а он... он просто издевался! Казалось бы, ничего необычного, это же Валентайн Альгор, но меня полоснуло так, что стало нечем дышать. Даже слезы попытались на глаза навернуться, но я не позволила. Не достоин он моих слез. Он вообще ничего не достоин. Кроме ректора Эстре, с которой у него... да что бы у него ни было! Она сдала меня Лэйтору, а он разрушил все, что я делала, просто смеялся надо мной. Над моими чувствами. Над моим желанием вернуть подругу.

— Тебе не понять, — с трудом сдерживая дрожащий в голосе гнев, прошептала я. Шептала, чтобы не перейти на крик. — Ты никогда никого не любил, и не сможешь. Потому что у тебя просто нет сердца, Валентайн, а то, что дергается на его месте — сгусток тьмы, в которую один раз сунешься — и потом не отмоешься никогда!

— Превосходная речь. — Ядовитого смертельного холода в его голосе стало больше. Он даже хлопнул в ладоши пару раз — видимо, для закрепления эффекта собственных слов. — Но вернемся к тому, от чего мы с тобой ушли. Я предупреждал тебя о том, на что способна темная магия, но, видимо, пришла пора проговорить все еще раз и

закрепить эффект. Возвращение кого бы то ни было из Заграницы — это прямое взаимодействие со смертью, погружение на самые низшие слои тьмы. Там, где нет места ничему живому и ничему человеческому. Это тоже своеобразный обмен, Лена — душа за душу, жизнь за жизнь. Нет, тот, кто попытается вернуть своего близкого, не умрет, но он пропитается темной силой настолько, что человеком ему больше не быть. Ты бы узнала все это, если бы спросила у меня напрямую. Или если бы в самом деле попросила книгу, чтобы ее прочитать. Чтобы увидеть, что ты ищешь, и на что собираешься пойти, но ты предпочла играть. Лгать. Изворачиваться. Притворяться. Что ж, это твой выбор. Мой выбор — стать для тебя тем, кем ты меня считаешь. Я прекрасно знаю, с кем ты все это собиралась проверить, и этот парень будет отчислен.

Что?! Как?!

— Ты за мной следил?! — сорвались с губ банальные слова. Донельзя банальные, особенно в контексте того, что недавно в точности так же на меня кричала Асита.

— Пришлось. У тебя талант делать глупости, поэтому в твоей комнате стояло прослушивающее и следящее заклинание.

Он видел все. Все, что мы делали с Ярдом... все, о чем говорили. Наши уютные посиделки, часы наших работ, неудач... что он делал, когда все это видел — смеялся? И теперь он собирается сделать... отчислить Ярда просто за то, что он мне помогал?!

— Ты ничего не сделаешь! — выдохнула я. — У тебя нет доказательств!

Валентайн жестко усмехнулся:

— Можешь мне поверить, доказательства у меня есть. Больше того, поскольку ты являешься моей женщиной, никто не сможет предъявить мне претензии за размещение следящих заклинаний в твоих покоях. Я вполне мог поставить их для того, чтобы тебя защитить и оберегать.

Это прозвучало не как издевка, а как откровенный плевок в лицо — после всего, что он только что сказал.

— Какая же ты все-таки темная тварь! — крикнула я.

В комнате потемнело. На миг. Или у меня потемнело перед глазами, или мы снова провалились на первый слой? Мгновение, я не

успела ничего понять, успела только увидеть залитые темной силой радужки Валентайна, поглотившие его зрачки.

— Ты абсолютно права, Лена. — Холод его голоса можно было сравнить разве что с рычащим шипением дракона, выходящего из самого Загранья. — Поэтому я предоставляю тебе непростой выбор: отчисление твоего друга. Или наказание для тебя.

Мне на щеки плеснуло краской. От обиды — незаслуженной, горькой. Но ужаснее всего было то, что я готова была вот-вот разреветься, хотя запретила себе это делать.

— Ненавижу тебя, Валентайн, — выдохнула я. — Как же я тебя ненавижу!

Не надо было показывать свои чувства, но они уже поднимались изнутри — черные, сильные, острые, такие же, как его режущие и бьющие наотмашь слова.

— С той самой минуты, как я тебя впервые увидела, моя жизнь превратилась в кошмар! — выплюнула я. — Начиная от твоих прикосновений и заканчивая приказами, унижениями, желанием разрушать все, до чего ты дотрагиваешься!

У меня под рукой не было ничего, кроме сумки, поэтому я запустила ей в него. Запустила — громко сказано, практически шмякнула, со всей дури. Шмякнула бы, если бы мы не стояли так близко, и он просто магией не отвел и мою руку, и направляющуюся в него сумку. А больше у меня ничего и не осталось. Хотя нет, вру! Осталось!

Я расстегнула браслеты и швырнула их на пол.

— Забери! Подавись своей силой! Своими знаниями! Всем, что у тебя есть, и что никогда никому не принесет счастья!

Мне было уже настолько все равно, что будет дальше, что я не почувствовала, как изнутри вслед за чувствами поднялась волна силы. Она обрушилась на меня, затопив всей своей мощью, холодом, ледяной отрешенностью. В этой отрешенности не было ни слез, ни отчаяния, ничего вообще. Меня уже не пугало отчисление Ярда. Не пугало и то, что я никогда не найду Соню, и то, что стоящий передо мной мужчина сотворил, играя моими чувствами и моей надеждой.

Я даже почувствовала, как губы изгибаются в улыбке, улыбке освобождения от всего, что мешало мне жить. Чувства? Ерунда какая-то. Досадная неприятность. Как будет здорово их стряхнуть...

навсегда. Я даже плечами повела, избавляясь от этого наваждения, звучащего во мне забытым эхом.

Человечность? Какое нелепое слово. Кому вообще все это нужно, весь этот бред.

Я так сосредоточилась на замораживающем меня изнутри холоде, что пропустила момент, когда Валентайн шагнул ко мне.

— Лена. — Собственное имя показалось далеким, забытым, странным.

Прикосновение — вот что выдернуло из погружающей меня в оцепенение темной магии. Я вздрогнула, словно очнувшись, когда его пальцы сомкнулись на моих плечах, на моих глазах вытягивая тьму, которой я будто бы пропиталась. Странно было видеть текущую сквозь меня, искрящуюся черную силу, вплавляющуюся в его ладони.

Это длилось какие-то мгновения — прикосновение, или все, что случилось, когда я соскользнула с грани темной магии, а после вернулись чувства. Обрушившись огненным шквалом, затопившим меня с головы до ног.

Чувства, среди которых билось осознание-страх: я могла этого всего лишиться. Я была рада этого всего лишиться. Минуту назад. Две? Три?

Неважно.

Прямо в руках Валентайна меня затрясло, а он резко прижал меня к себе. Рывком, выбивая из груди воздух, но я все же судорожно втянула его, не поднимая головы. Глядя в лацкан его пиджака, оказавшийся непростительно близко.

— Я не хочу становиться такой, — прошептала я. — Не хочу. Не хочу...

— Я тоже этого не хочу, Лена, — его голос звучал глухо. — Поэтому я сделал то, что сделал. Потому что потерять тебя во тьме...

Он не договорил, и, когда я подняла голову, в его глазах по-прежнему клубилась суть его силы. Вот только помимо нее в ней клубилось такое, что становилось нечем дышать. Настолько, что в комнате снова потемнело.

— Я не могу к тебе прикасаться, — вытолкнул он. — Не прикасаться тоже не могу. Это сводит меня с ума. Это, крутящиеся вокруг тебя мальчишки, а еще то, что постоянно подвергаешь свою жизнь и свой свет опасности. Я никогда не видел никого более

светлого, чем ты, Лена. И более темного одновременно. В тот вечер, когда я перенес тебя на крышу, я слышал твои мысли даже через браслеты. В тебе сила, природа которой не поддается описанию, и все, что я могу — это держать тебя как можно дальше от того, зачем тебя сюда привел мой отец.

— Через... браслеты? — переспросила я.

— Да.

— Но разве они не должны сдерживать мою темную магию?

— Должны. Мы ходим по грани, Лена. Поэтому я пытаюсь... — Он судорожно вздохнул. — Удержать тебя. И себя. Себя было удерживать проще.

Меня все еще морозило от того, что случилось, и еще чуть сильнее морозило от того, что Соню спасти нельзя. Точнее, можно, но то, во что я потом превращусь...

На глаза все-таки навернулись слезы. Я всхлипнула. Стараясь их удержать, но не получилось. Оплакивая свои несбывшиеся надежды, я заревела так, что моим голосом можно было бы объявлять о начале пары или делать побудку. Тот дракон, который был до меня, от зависти просто бы удавился.

Не представляю, сколько я так рыдала, выплескивая из себя напряжение, страхи, отчаяние, пепел осыпавшейся надежды. Пиджак Валентайна, наверное, можно было уже выжимать, но даже это меня не смущало. Меня не смущало даже то, что я стою в его объятиях после всего, что было. И, когда мне начало казаться, что сил на слезы уже не осталось...

— Я хотел спасти мать, — произнес он. — Хотел вернуть ее. После того, как отец убил ее у меня на глазах и запер меня с ней. Он знал, что я могу это сделать. Он хотел, чтобы я это сделал. Но я так и не сделал, потому что последнее, что она мне сказала — останься человеком для меня, Валентайн. Книга, которую я написал, была ценой за возможность остаться в Даррании.

Глава 30

Я хотел спасти мать.

Хотел вернуть ее.

После того, как отец убил ее у меня на глазах и запер меня с ней.

Каждое слово кажется тяжелым, как камень, оно ударяет по мне так, что снова становится невыносимо больно. Я даже тру грудь в надежде избавиться от этой боли, она не моя, во мне ее быть не должно, тогда почему она есть?

— Я говорю это тебе не для того, чтобы вызвать жалость, Лена. — Его голос становится сухим, надтреснутым и неживым. Как хрустящие под ногами ветки в лесу после пожара, должно быть, или как после прошедшейся по всему живому темной магии. — И уж тем более не для того, чтобы заставить прожить все это вместе со мной. Исключительно для того, чтобы ты поняла: если бы была возможность вытащить твою Соню без последствий, которые ты сама сегодня почувствовала, я бы это сделал. Это было бы первое, что я бы тебе предложил.

Во мне уже давно должны были закончиться слезы, и кажется, они все-таки закончились, но дышать по-прежнему нечем. Сейчас — неожиданно становится нечем совсем, поэтому я судорожно, несколько раз вздыхаю прежде, чем вообще открыть рот. Боюсь, что у меня ни слова не получится сказать, но все-таки получается:

— Прости меня.

Может, эти слова звучат слишком поздно, а может, они вообще не в тему, но они вырываются как-то сами собой, и я о них не жалею. Жалею только о том, что... да кто его знает о чем вообще. Меня как через мясорубку провернули, я такой эмоциональный фарш, который точно не стоит пускать на котлеты: несварение будет. Поэтому я отпускаю многострадальный пиджак Валентайна, разжимаю пальцы, отмечая, что вцепилась в него, как ребенок: странно, что вообще получилось отцепиться. Отхожу и сажусь туда, где только что сидела. Или не только что.

Может, вообще тысячу лет назад, по ощущениям, время и пространство перемешались во мне настолько, что я уже потерялась в

них. Так же, как в черном и белом, в темной и светлой магии. В своих чувствах. В том, что происходит вокруг и в том, что происходит со мной.

— Лена, — Валентайн присаживается рядом со мной, берет мои руки в свои.

— М?

— Мне казалось, что я все в своей жизни могу контролировать. Так же, как свою темную суть. Казалось, что я могу управлять всем, но я не могу. Не всем. Мои чувства к тебе не поддаются контролю, и чем сильнее я пытаюсь с ними справиться, тем больше соскальзываю в то, чего хочу избежать.

Я смотрю на наши руки. На пальцы в его ладонях.

Вспоминаю крышу и ночной Хэвенсград. Если брать такие моменты — мгновения, когда он пришел ко мне в комнату, когда мне было плохо, и не было женского заклинания, когда мы стояли вдвоем, окутанные ночным ветром и друг другом — их единицы. В остальном — это какое-то исступленное противостояние, когда каждый стремится сделать другому как можно больнее. Когда каждый бьет на поражение. Почему-то все эти мысли приходят ко мне именно в тот момент, когда я смотрю на обнимающие мои руки ладони.

— Мы делаем друг другу больно, Валентайн, — я поднимаю голову. — Очень больно.

Встретиться с ним глазами оказывается непросто, но я это выдерживаю. И его темный взгляд, который уже просто темный, без сути и глубины его силы, поднимающейся, кажется, из самого Загранья, и мои чувства по этому поводу.

— Ты мог сказать мне все это сразу. Почему не сказал? Я бы не стала влипать ни в какие больше неприятности, если бы сразу узнала все это. Я бы не надеялась так долго. Не жила этой надеждой...

— Вот именно. Ты ей жила.

Он поднялся, отпустив мои руки. Отошел к окну, рассматривая что-то, но и не поворачиваясь ко мне спиной. Встал вполоборота.

— У меня ее не осталось. После того, как отец убил мать, меня медленно убивал тот факт, что это — из-за меня. Что я должен был это предотвратить. Должен был перестать сопротивляться тому, что он хотел во мне видеть. Знаешь, что происходило со мной потом? Я не впустил в себя глубинную тьму через магию, но я впустил ее в себя

иначе. Через чувство вины. Через злость и ненависть к отцу. Через желание разорвать ему глотку.

— Ты думал, что то же самое случится со мной? — Я все-таки снова поднялась и подошла к нему.

— Не думал. Был в этом уверен, — Валентайн развернулся ко мне. — Мне не изменить того, что было, Лена, и я не хочу. Я больше не стану заключать никаких договоренностей с тобой о том, что между нами будет, а что нет. Я хочу к тебе прикасаться, как к своей женщине. Не как к ученице. Я хочу сделать тебя своей по-настоящему. И я больше никуда тебя не отпускаю.

«Даже в туалет?» — захотелось поинтересоваться мне, но это было как-то несерьезно. С другой стороны, все, что сейчас произошло в этом кабинете, было слишком серьезно, настолько, что у меня не осталось желания ни юморить, ни препираться.

— То есть наказание теперь отменяется? — уточнила я. Валентайн замер, а я продолжила: — У тети Оли — это женщина, которая меня воспитывала в другом мире, был ухажер. Ну как ухажер, она даже женихом его считала одно время, поэтому у него были ключи от квартиры. Сам он нигде не работал, но очень любил, когда тетя Оля возвращалась с работы и вкусно ему готовила. Он вообще мало что любил, кроме себя и бутылок пива, которые покупал на ее деньги.

Эту историю я и правда никому не рассказывала раньше, потому что при воспоминаниях о ней мне хотелось пойти и помыться. Но учитывая все, что между нами произошло, и то, что Валентайн мне рассказал и сказал, наверное, он заслужил и моей откровенности тоже.

— Когда он все их выпивал, он начинал распускать руки и приставал к тете Оле настолько грубо, что однажды я не выдержала. Пришла после школы и отнесла все эти бутылки на помойку. Он вернулся первым, орал, как потерпевший, а потом зажал меня в угол и сказал, что за такое полагается хорошая порка. — Рассказывать это отстраненно как-то не получалось, но я все равно спутанно продиралась через рваные слова и короткие предложения, с помощью которых вытаскивала из себя информацию, душившую меня долгие годы. — В общем, он меня перекинул через колено и выпорол. Мне было десять лет. А потом еще решил меня полапать. Я его так ненавидела в тот миг, что саданула кулаком между ног. Сама не знаю, откуда во мне нашлось столько сил, но он взвыл, скрючился, а потом

пришла тетя Оля. Я попыталась ей все объяснить, но он орал, что я несу бред, и что я сама полезла к нему на колени. Тетя Оля выставила его за дверь, а мне посоветовала забыть и сменила замок. Он больше у нас не появлялся, правда, спустя пару месяцев я услышала ее разговор с подругой по телефону, тетя Оля говорила, что этот мужик стал импотентом. Надеюсь, теперь до тебя дошло, что отношения в стиле наказание-поощрение не для меня?

Я замолчала, обхватив себя руками. Мне и правда было настолько холодно, что хоть заворачивайся в пиджак с головой и дыши часто-часто, чтобы согреть воздух под тканью и согреться самой. Мне действительно было дико стыдно об этом говорить, и сейчас я вообще не понимала, зачем сказала об этом ему. Зачем я вообще ему обо всем рассказала — начиная от своего попаданчества и заканчивая тем, что...

Валентайн молчал, а мне захотелось исчезнуть, раствориться или провалиться сквозь землю. Особенно когда я подняла на него взгляд, увидела играющие на скулах желваки и стремительно заполняющиеся тьмой радужки.

Дернуться в сторону, правда, не получилось — я только посмотрела на дверь, как меня, основательно встряхнув за плечи, уже прижали к себе:

— Ты забыла, что я тебе обещал?

— Что ты мне обещал? — переспросила я, потрогав пальцами мокрое место на его пиджаке.

— Что я никогда тебя не ударю, Лена. И что я оторву голову любому, кто попытается это сделать.

— Последнего точно не помню. — Я сейчас находилась будто под какой-то эмоциональной анестезией, ну или же стыд от рассказанного выжег из меня все остальные чувства.

— Значит, обещаю сейчас.

Я подняла голову и наткнулась на темный, как ночь, взгляд. Лицо его было настолько хищным и жестоким, что я с трудом узнала Валентайна, которого видела пару минут назад.

— Давай не будем никому отрывать голову. Как и ты, я рассказала это не для того, чтобы меня жалели, а для того, чтобы ты понимал, что я чувствую, когда ты говоришь о наказаниях и обо всем таком. Я не

ребенок, чтобы меня наказывать. И уж тем более я не стану терпеть такого отношения, особенно от мужчины, который...

— Который?

— Неважно. Ни от кого не стану. И насчет того, что ты меня не отпустишь. А что, если я захочу уйти?

Руки, обнимающие меня, напряглись.

— А ты хочешь?

— Давай проверим, — ответила я. — Просто отпусти. И посмотришь.

Кажется, он прижал меня к себе с такой силой, что я рисковала парой-тройкой ни в чем не повинных ребер, готовых вот-вот треснуть от его объятий. Впрочем, ненадолго. К своему удивлению, я почувствовала, что Валентайн разжал руки, а после даже позволил мне отступить. На несколько шагов.

— От кого ты бежишь, Лена? От меня? Или от себя?

— Я никуда не бегу, — коснулась пальцами стола, словно искала опору.

— Нет?

— Нет. Но я все равно не понимаю тебя, Валентайн. Ты... — Сложно было подобрать слова, особенно сейчас. — Ты говоришь, что никуда меня не отпустишь, что тебе сложно меня не касаться...

— Так и есть. Мне до безумия сложно видеть тебя и сдерживаться. — Он сделал шаг ко мне, снова сократив расстояние между нами. Сейчас мне уже не хотелось отодвинуться, поэтому я просто смотрела ему в глаза и ждала — ждала того, что он скажет дальше. — Сейчас все так, как есть, только потому что об этом просила ты. Находиться рядом с тобой и не иметь возможности сделать тебя своей — это какая-то изощренная пытка, безумие и помешательство. Если раньше меня останавливала черная страсть...

— Черная страсть?

— Влечение сродни безумию, когда не остается ничего человеческого, ничего светлого в желании обладать кем бы то ни было. Когда ты готов на все, чтобы сделать объект желания своим, и не остановишься ни перед чем.

— Почему ты вообще решил, что у тебя ко мне... эта самая черная страсть?

— Потому что я видел все ее признаки. Потому что желание обладать тобой временами затмевало все доводы разума и даже тебя саму. Я не имел права к тебе прикасаться, пока чувствовал это в себе.

— Тогда что изменилось сейчас?

— Не сейчас. Еще до того вечера, когда мы с тобой стояли на крыше. Я разговаривал с Ферганом.

— Обо мне?!

— Не о тебе. О матери Сезара.

— А она тут при чем?

— Это Тэйрен. Сестра-близнец моего отца.

Пуф.

Это было все, что у меня сложилось сейчас в голове. Если бы мои мысли можно было визуализировать, то маленькое пушистое облачко на глазах у всех расплзлось бы туманом и растаяло.

Когда я читала о королевской семье, мать Сезара называли Темной, принявшей светлое имя. В храме Тамеи ее нарекли Орина Фаррей, и именно так звучало ее имя перед народом и когда она стала невестой принца, а впоследствии женой короля. Их брак был недолгим, почти сразу у них появился сын. После рождения наследника с разделенной пополам магией — светлой и темной — в королевской семье начались сложности. Писали, что сила Орины все ярче и ярче просыпалась рядом с мужем и сыном, который стал ее отражением. Примерно в это же время на горизонте появилась мать Люциана, но...

— Никто никогда нигде не упоминал имя Тэйрен Ниихтарн.

— А ты хотела, чтобы упоминали? — Валентайн холодно усмехнулся. — Настоящее имя женщины, которую больше половины Даррании и придворных ненавидели?

— За что?!

— Просто за то, что она была темной.

— Я в это не верю.

— Твое право. Факты говорят сами за себя, Лена, но мы сейчас не об этом. Мы о черной страсти. Об этом тоже не напишут и не расскажут, но, когда рядом с Ферганом появилась мать младшего принца и принцессы, Тэйрен накрыло. Черная страсть — это то, с чем она боролась и с чем справилась перед тем, как навсегда покинуть Дарранию. Тэйрен вела дневник, и Ферган дал мне доступ к ее

записям. Справиться с черной страстью можно только через любовь. Через то светлое, что в тебе есть. Через то светлое, что ты чувствуешь к кому бы то ни было. Тэйрен ушла, зацепившись за сына и за свою любовь к нему.

Он замолчал, и между нами повисла та самая напряженная ниточка тишины, с которой достаточно сложно справиться. Особенно если позволить ей укрепляться, потому что с каждой секундой молчания она становится все толще, толще и крепче, и грозит через пару минут вообще превратиться в канат.

— А ты... — все-таки начала я и осеклась, потому что наткнулась на его глубокий, голодный, яростный взгляд.

— А я, — повторил он, подхватив мой вопрос, хотя я еще не успела его задать, — рядом с тобой чувствую себя живым, как никогда раньше. Ты мой свет, Лена.

Ниточка лопнула. Или уже канат? Не суть важно.

Важно, что мы шагнули друг к другу одновременно, остановившись, врезались друг в друга взглядами, а потом Валентайн подхватил меня с силой набирающего мощь урагана. От удара его губ перехватило дыхание, а от близости — странной, ни на что не похожей, какого-то нового уровня, в груди полыхнуло светом. Мне кажется, я начала понимать, о чем он говорил только что, но даже это стерлось в сменяющемся калейдоскопе эмоций, окутавших меня сумасшедшим вихрем. Я целовалась так, как ни разу в жизни, забывая о том, где я, кто я и все остальное, вместе взятое. Сосредоточившись только на этой яростной ласке, которая сейчас была мне нужна, как дыхание, на этой глубокой близости, на этом мужчине, чье сердце билось у меня под ладонями.

В эти минуты мне и правда казалось, что кроме нас больше никого нет.

Глава 31

Люциан Драгон

— Классно выглядишь, — сказала София и поправила ему значок на лацкане пальто. Пальто — зимний формат одежды военного факультета, обязательный атрибут на построении перед праздником. Им даже на балу полагалось присутствовать исключительно в мундире — правда, только на Зимнем. Остальные балы в Академии или любые другие, где бы то ни было еще, допускали появление в гражданском, но только не этот. Таковы правила.

Правила, которые он так ненавидел. Когда-то.

Впрочем, когда-то Люциан даже представить не мог, что будет дружить с девчонкой. Дружить! Да еще с кем! Тем не менее Драконова и правда очень сильно изменилась, ну или он недостаточно хорошо ее знал. Потому что оценить девчонку по поступкам с расстояния, как показала практика — не лучший вариант. Когда-то он так же ошибся насчет Ларо, и сейчас впервые за долгое время задумался о том, а не ошибся ли в тот день, когда вышел из кабинета Эстре.

Аникатия с компанией уверяли, что она хотела устроить ему веселую жизнь, но Ларо, похоже, вообще ни до кого не было дела. Она часами пропадала у себя в комнате с Ярдом, и, хотя Люциан обещал себе за ней не следить, он видел их, когда приходил к Софии. Их комнаты располагались слишком близко, поэтому и видел. Поэтому, и только поэтому, не почему больше.

— О чем задумался? — улыбнулась София.

— О построении.

Никому из его девчонок по большому счету не было дела до того, что он думает. Да даже из его друзей. Девчонок в основном интересовало то, что он думает о них и о продолжении отношений, а друзей преимущественно то, чем они займутся на той или иной вечеринке. Ему и самому было мало дела до окружающих, если уж говорить откровенно.

В том числе о том, почему Ларо не сказала ему о темной магии сразу.

— К построениям ты точно готов, — сказала София. — Что насчет бала?

— Когда это я не был готов к балам, Драконова?

— Я имею в виду Ларо. И то, что она будет с Альгором.

А вот это оказалось неожиданно. Тема Ларо была для них под запретом — в точности так же, как и тема Сезара. С того дня, как они случайно обнаружили в комнате Софии следящее заклинание, которое его братец умудрился поставить Лозантир его знает когда. Уж точно после того, как они договаривались о дружбе, потому что иначе ставить его было бы незачем. София пришла в такую ярость, что только чудом не воспламенилась от своей магии, а Люциан предложил ей устроить показательное представление, чтобы Сезар услышал то, что хочет услышать. В итоге они целый вечер изображали предающихся страсти на полную громкость, после чего прослушивающее заклинание исчезло. Так же, как сам Сезар окончательно исчез с горизонтов Софии и, по слухам, на зимнем балу должен был появиться со своей Женевьев.

А Ларо — с Альгором. После этой новости о Ларо говорили больше, чем о них с Софией, потому что это был моветон. Даже несмотря на то, что Ленор Ларо официально являлась женщиной Валентайна, магистр и адептка как пара на балу... ну, это было очень скандально. Честно говоря, даже более скандально, чем Ларо-невеста принца на балу перед началом занятий. Вот только Ларо и Альгору было на это плевать, а значит, и ему будет на это плевать. То есть не будет, а уже. Плевать ему на них.

— Более чем, — отрезал он. После чего внимательнее присмотрелся к Софии: — А ты?

Раньше он бы даже до такого не додумался: спрашивать. Но теперь просто не мог не спросить, потому что Софии предстояло впервые увидеть будущую жену Сезара. Она особо не посвящала его в тонкости их краткосрочного романа, но нужно было быть абсолютно слепым и бесчувственным, чтобы не видеть, как ее зацепило — тогда, несколько месяцев назад. Оставалось только понять, торчит сейчас еще крючок в ее сердце или уже расплавился.

— Мне все равно, — сказала она, передернув плечами, — если ты про Женевьев.

— Тебе все равно пришлось бы встретиться с ней на приеме у отца.

София пожала плечами.

— Я знаю.

Попыталась отвернуться, но Люциан ее перехватил и развернул лицом к себе:

— Эй. Мы договорились: друзья. А друзья помогают друг другу.

— Последний месяц я думаю, что тебя подменили, — попыталась отшутиться Драконова, но тут же стала серьезной: — Спасибо.

— Да не за что. Я на построения. Ты придешь?

Почему-то для него это было важно.

— Разумеется! — возмутилась Драконова, причем так искренне, что он невольно улыбнулся. — Как ты вообще мог подумать, что я не приду на тебя посмотреть?

— Девчонки предпочитают примерять наряды и прихорашиваться перед балом. В ванной там полежать...

— Значит, тебе попадались неправильные девчонки, — фыркнула она. — Нет, я тоже все это люблю, но между часом в ванной и первыми построениями друга, я выберу второе. Так что давай, мне еще надо собраться, чтобы не примерзнуть к стене.

— Платье покажешь? — усмехнулся Люциан. — О нем вся Академия говорит, а я его еще даже не видел.

— Увидишь на балу, — Драконова уперлась руками ему в спину, — все, Драгон! Давай. Не заставляй меня думать, что я стала для тебя кем-то большим, чем друг, а то я сейчас подумаю.

— Пф-ф-ф, — хмыкнул он. — Надейся, Драконова, надейся. Надежда — она вообще жизнь продлевает.

София стукнула его кулаком в плечо, правда, легко, рассмеялась, он же повернулся и вышел из комнаты. Оставив ее собираться, а еще почему-то не меньше других думая о том, как Драконова будет выглядеть в своем сногшибательном платье, и каким оно вообще будет.

Лена

На построения я не пошла. Эта традиция — когда adeпты военного факультета выходят на марш на центральной площади Академии, была введена здесь с самого первого года. Мне же было достаточно и того, что я периодически проходила мимо, когда у них шли учения. Зимний вариант формы: пальто поверх мундира, брюки и сапоги Люциану на удивление шел. А я шла мимо, и, к счастью, в то время думала исключительно о том, что мне надо спасти Соню.

Спасение Сони осталось в прошлом. Люциан тоже. Дни, когда мы с Ярдом засиживались допоздна над заклинанием — тоже в прошлом. В настоящем я, кажется, на полном серьезе стала женщиной Валентайна Альгора. Ну то есть не стала, потому что чтобы стать женщиной, полагалось еще одно вполне очевидное действие, а к этому я была не готова. Я вообще ко многому оказалась не готова после того внезапного поцелуя в кабинете, поэтому попросила Валентайна дать мне время. Он, как ни странно, очень легко на это согласился, правда на балу мы должны были появиться вместе. Я возражать не стала: глупо было бы возражать после всего, что было. Правда, сказала, что платье выберу сама, равно как и украшения, и все остальное.

С Ярдом мы так и не помирились, ну то есть как... он вроде сказал, что все в порядке, на деле же мы теперь чаще молчали, чем говорили, а все разговоры, которые я пыталась завести — в том числе, когда я рассказала ему правду о том, что Соню спасти не получится, очень быстро затухали. Дана к нам вообще не приближалась, везде ходила с Джиа, а, заметив нас, быстро разворачивалась и уходила.

Если поведение Ярда можно было объяснить уязвленным мужским самолюбием, то в случае Даны я вообще не понимала, в чем дело. Очевидно же, что между нами ничего нет, это неочевидно было только для слепого! Мне кажется, даже Люциан уже это понял, потому что перестал цеплять Ярда давным-давно. А может, ему стало без разницы из-за их активного романа с Драконовой.

Как бы там ни было, в последние дни перед балом я заползла в свою ракушку, мирно ходила на занятия, а после занятий — к себе, где делала уроки. Занятия по темной магии мы с Валентайном пока тоже

отменили, до «после бала» — как раз потому, что мне нужно было время. В итоге мой день представлял себе донельзя скучное расписание: завтрак, занятия, обед, занятия, уроки, ужин, отбой.

Ладно, было кое-что еще. Я училась танцевать. Местные танцы мне были совершенно незнакомы, поэтому Валентайн организовал мне учителя, который появлялся где-то между уроками и ужином и вытряхивал из меня остатки мыслей про то, что Соню спасти не получится. Времени до бала оставалось не так уж и много, поэтому занятия получались весьма интенсивными, насыщенными и напряженными. Самое сложное, в отличие от наших земных танцев, здесь состояло в том, чтобы запомнить порядок движений. Потому что, если в нем потеряться, это могло выглядеть так, что ты от партнера отмахиваешься, а не позволяешь себя вести.

Мой день начинался с того, что я открывала глаза, а заканчивался тем, что я падала лицом в подушку и тут же проваливалась в сон.

К моему величайшему счастью, мне удалось договориться с девушкой, которая создавала мой образ для знакомства с Ферганом. Вообще-то у них все было забито в зиму, а особенно перед грядущими балами и приемами, но она взяла себе пару деньков выходных.

— Творчество не терпит напряженного графика, — сообщила Имона, когда мы с ней разговаривали. — Но тебя я возьму отдельно, Ленор. Ты меня вдохновляешь.

Оказывается, образ «Невеста принца» имел небывалый успех у них в салоне, и куча девушек просили сделать им «так же, пожалуйста», в результате чего Имона стала еще более востребованным мастером, и очередь к ней была такая, что хоть стой, хоть падай. Мне же банально повезло, что она посчитала меня своей музой и с легкостью согласилась создать мне образ для зимнего бала. Изначально я не хотела заморачиваться, но потом поняла, что хочу быть красивой. Хочу быть невероятно красивой.

Уж точно красивее, чем Драконова, вокруг которой наверняка будут плясать десятки мастеров.

На этот раз Имона с помощниками приехали ко мне прямо в Академию. Ну как приехали — пришли через персональный портал, благо, я могла себе это позволить на остатки денег-магии от Хитара. На ее переход сюда, обратно и на создание моего образа все и ушло. Учитывая даже выплаты за последние месяцы, все подчистую. В ноль.

Разумеется, у меня оставался еще собственный резерв, который очень активно развивался, но его я пока не трогала. Равно как и то, что мне перевел Валентайн.

Пока я не научилась тонко чувствовать грань, сколько магии можно отложить, а сколько расходовать, к своему ресурсу я решила не притрагиваться. Что же касается Валентайнова, то я не собиралась притрагиваться к нему вообще. Сама не знаю почему, мне это казалось диким, странным и неправильным. Даже несмотря на статус «Его женщина».

Может, дело было в том, что я хотела быть кем-то большим, чем просто женщиной Валентайна Альгора, а может в чем-то еще, но факт оставался фактом. Последние запасы магии от Хитара ушли Имоне, а я смотрела на себя в зеркало и не могла от него отлипнуть.

На этот раз мастер не стала убирать мои волосы наверх, она заплела их в невероятно роскошную объемную косу, которой оформила мою голову на затылке, а после пустила через плечо. Чтобы создать такую красоту, ей пришлось использовать еще и комплекс заклинание-зелье для ускоренного роста волос, потому что моей изначальной длины не хватило. В итоге мои волосы стали даже ниже талии, а коса получилась просто невероятная. Обрамляли лицо пышные укороченные пряди, а вся прическа закреплялась магическим порошком и чем-то там еще, я не вникала — чтобы сохраниться надолго. Даже если я макнусь головой в сугроб, ей ничего не будет (прическе, насчет головы вопрос), и, хотя я смутно представляла себе ситуацию, в которой мне придется макаться в сугроб во время бала, такой вот магический бонус «нерушимой прически» не мог не радовать.

Магические бонусы меня, к слову, в последнее время радовали все больше. Например, самподстраивающиеся по ноге туфли или платье, которое я купила, из дорогой ткани — антолеана (нечто среднее между шелком и атласом) разглаживалось само. Его не надо было отпаривать и уж тем более переживать, что что-то там примнется, пока я буду в него заворачиваться, или если куда-нибудь неосторожно сяду.

Драгоценности, кстати, мне даже покупать не пришлось: их мне выдал Хитар со словами, что они принадлежали моей матери. Колье, серьги, брошь и тройное перехлестье браслетов с оданитами —

фиолетовыми камнями, похожими на александрит из нашего мира, под которые я и подбирала себе платье.

Лавандовое, переливающееся на свету, струящееся, с пышной юбкой и плотным корсетом, полосы пластин-вставок которого чем-то напоминали о перепончатых мощных крыльях драконов. Впрочем, в этом мире все чем-то напоминало драконов или о драконах, поэтому я уже привыкла.

— Как назовем этот образ? — По лицу Имоны становилось понятно, что я ее действительно вдохновляю, а еще — что ей самой безумно нравится то, что получилось. — Женщина архимага?

Я покосилась на лежавшие на моей кровати браслеты. Валентайн сказал, что я могу их снимать ненадолго. На такие вечера, например, тоже — когда он будет рядом со мной, браслеты мне совершенно точно не понадобятся, не говоря уже о том, что моя принадлежность будет вполне очевидна.

Посмотрела на них — и перевела взгляд на драгоценности, украшения Эвиль Ларо.

— Лучше Дочь заговорщиков.

— Ого. — Имона наклонила голову. — Провокационно.

— Решать все равно тебе, — хмыкнула я.

— Мне нравится, — она кивнула. — Пусть будет так.

— Чудесно.

Имона с помощниками успели собраться как раз до прихода Валентайна, они только-только отбыли, когда появился он. Появился прямоком из портала, в моей комнате, привычно в черном, освеженном только классической белой рубашкой. Завершал образ черный галстук и зачесанные назад длинные волосы, привычно чуть выющиеся на концах. Я смотрела на себя в зеркало в полный рост, поэтому и заметила, как он появился — из клубящейся черной воронки особенного портала. Разрыва, созданного темной магией.

Валентайн шагнул ко мне, его руки легли мне на плечи, а в потемневших глазах мелькнуло серебро, отразившее его магию.

— Ты прекрасна, Лена, — хрипло произнес он.

Наверное, именно в этот момент я отчетливо осознала, что мы идем на зимний бал Академии, как пара.

Это осознание выбило меня из колеи настолько, что я готова была развернуться и в лучших традициях передумавшей невесты в

мелодрамах и сериалах выдать: «Я не готова!»

Спасло только понимание, что я не в мелодраме, не в сериале, а в другом мире. Ну и еще то, что я самую малость не невеста, а он самую малость не звал меня замуж. Он — темный дракон, а я — его женщина, вот этим можно и ограничиться, и вообще, Лена, выдыхаем, выдыхаем. Там ползала ждет, что ты облажаешься, прольешь на себя какой-нибудь дорнар-скар, или прольешь этот дорнар-скар на него, а еще отдавишь кому-нибудь ногу в танце. Так что — спокойствие, спокойствие, только спокойствие, как говорил Карлсон.

Банку варенья мне. Стресс заест.

К счастью, из-за стресса во мне напрочь отключилось смущение, и я совершенно беззастенчиво выдала:

— Благодарю.

Валентайн улыбнулся, а я возблагодарила всех, включая этого Лозантира, что сейчас мои мысли не сверкают перед моим спутником неоновой вывеской. Вот было бы позорище!

— Пойдем? — Он предложил мне руку, и я положила пальцы на сгиб его локтя.

Вот не знала бы, что я в стрессе, ни за что не поверила бы. Вся такая красивая, пальцы не дрожат, даже сердце колотится ровно. Ровно же?

Глубоко вздохнула.

— Пойдем порталом?

— К чему торопиться? Время у нас еще есть, прогуляемся немного.

— Немного? — уточнила я.

Корпус, где устраивали праздники, стоял особняком, идти до него было не то чтобы долго, минут двадцать-тридцать, со всеми переходами, лестницами, в том числе и по улице. Валентайн времени зря не терял: пара слов — и надо мной закружилась легкая дымка заклинания обогрева, которая тут же растаяла. Теперь она окутывала меня невидимым щитом, подстраиваясь под температуру моего тела и окружающей среды. Образно говоря, если бы я сейчас макнулась в сугроб (дался мне этот сугроб!) все равно чувствовала бы себя, как на пляже в Майами.

— Почему ты не хочешь идти порталом?

— А почему ты не пользуешься моей магией, Лена?

Я остановилась и выразительно посмотрела на него:

— Это такой способ уйти от ответа?

— Нет, это такой способ выяснить то, что меня интересует уже несколько месяцев. Но раньше наши с тобой отношения были далеки от откровенности, сейчас же я готов тебя выслушать.

Я поперхнулась и закашлялась. Готов он! Меня выслушать. При этом как ни в чем не бывало идет в сторону двери, увлекая меня за собой. Бац — и мы уже в коридоре. Хотя нет. Бац — это когда из-за поворота появляется Люциан, вышагивающий к комнате Драконовой.

— Что-то не так, Лена? — обманчиво-спокойно интересуется Валентайн.

— Да нет. Все так.

Мы просто расходимся, даже не взглянув друг на друга, я слышу шаги за спиной. Стук в дверь. Слышу, как она открывается, но в этот момент мы уже поворачиваем, коридор остается в прошлом, впереди следующий, а вот тот поворот — это уже на центральную лестницу.

Комната, которую мне выдали благодаря Валентайну, очень выгодно расположена. Центральная лестница совсем рядом, а ведь именно от нее мгновенные ответвления рукавов и точек порталов, чтобы сократить адептам путь до столовых, до той или иной аудитории, и так далее. Сегодня, правда, точек-порталов нет, а сама лестница в приглушенном свете парящих под потолком магических шаров кажется мистической. Она широченная, массивная, такие же массивные каменные перила справа и слева, а по ступенькам можно идти вдесятером, взявшись за руки.

Мы с Валентайном спускаемся вместе с другими парочками: на зимний бал принято приходить со своим спутником. Если спутника нет, тогда можно приходить одному, но приходить одному, если тебя пригласили, и вы идете вместе — дурной тон. Такие традиции, поэтому лестница пестрит именно парами, парни преимущественно в темном, девушки — в платьях оттенков зимы. Это тоже такой своеобразный дресс-код: зимний праздник, зимний бал — наряды холодных тонов. Даже световые магические шары сегодня «холодные», а над самой лестницей кружатся падающие из них снежинки, создавая зимнюю атмосферу, чтобы уж наверняка. А то вдруг кто-то забыл, что сегодня за вечер.

Девушки натываются на меня взглядами и отворачиваются, кто-то с откровенной завистью, кто-то вздергивает нос, кто-то презрительно морщится. Я как-то не обращала внимание на это во время учебы, или же мне было не до того. А может быть, мое появление с Валентайном еще сильнее акцентирует внимание на том, кто такой он, и кто такая я — рядом с ним. Как ни странно, именно эти взгляды придают мне решимости: я в ответ беззастенчиво рассматриваю их.

Платья и правда все как одно холодных оттенков: сталь или платина, «замерзшая» глубокая бирюза, темно-синие, фиолетовые, холодный розовый. Исключения — желтый (цвет-свет окон в зимние вечера) и тот оттенок синего, которым полыхают значки адептов военного факультета. Платья таких цветов имеют право надевать только их спутницы, и это — символ того, что девушка готова стать правой рукой, поддержкой, а впоследствии невестой и женой военного.

Мы доходим до середины лестницы, где она разбрасывает рукава вправо и влево. Здесь же рядом с монументальными колоннами, вокруг которых эти рукава и закручиваются, прячут те самые «допустимые» теплые световые шарики, вокруг них тоже искрятся падающие снежинки. За поворотом, в самом низу, рукава снова соединяются, словно смыкаются руки, соединенные ступеньки лестницы как ладони, по которым мы спускаемся в празднично украшенный холл.

Над нами в высоте парит раскрывший над миром крылья золотой дракон — знак того, что Даррания под защитой светлых, под этим же драконом сияет портал, у которого уже собралась очередь. Он ведет как раз в корпус, где скоро начнется бал, и, когда мы огибаем его и выходим на улицу, идем по заснеженным ступеням, я с интересом смотрю на свои туфли.

Закливание обогрева — заклинанием обогрева, но как быть с засыпающим в туфли снегом? Так вот, выясняется, что никак. Он просто туда не засыпается, словно отталкивается от невидимого барьера. Укутанный сугробами парк тоже кажется волшебным, дорожки искрятся от рассыпающих свет фонарей. Это не тот парк, через который я бегала в магистериум к Валентайну, тот — с другой стороны, а этот как раз ведет к корпусу (невысокому, больше напоминающему загородное поместье какого-то графа из викторианской Англии), где проходят балы и все прочие праздники. Его даже видно издали: там светятся окна.

— Ты так и не сказал, почему решил прогуляться, — вспоминаю о том, на чем мы остановились.

— Хм. — Валентайн кажется погруженным в свои мысли, но отвечает мгновенно: — Я уже думал, не спросишь.

В его голосе слегка хрустит лед, но для него это обычная история, я уже привыкла. Поэтому предпочитаю внимательно посмотреть на него:

— Спрашиваю.

— Хотел подольше побыть с тобой наедине, Лена. Что же тут непонятного?

Мы идем сквозь анфиладу прикрытых шапочками снега кустов и деревьев, и мне вдруг приходит в голову, что если здесь погасить фонари, получится лабиринт. Такой же, как в замке Люциана. То есть его отца. Мгновенно сбрасываю наваждение, хмурюсь. Что вообще за ассоциации? Там настоящий лабиринт, здесь парк и дорожки.

— Ты хотел знать, почему я не беру твои деньги. То есть твою магию.

Валентайн кивает.

— Потому что я не привыкла жить за чей-то счет. Я привыкла обеспечивать себя сама.

— А ты обеспечиваешь себя сама, Лена?

— Что? — возмущенно смотрю на него. — Разумеется!

— Это обеспечение твоего опекуна.

— Это законное обеспечение, которое мне полагается!

— Которое ты точно так же берешь у другого мужчины.

Ну знаете ли!

— Я думаю, что это тебя не касается.

— А я думаю, что ты просто маленькая ханжа.

Я даже рот открываю от такого заявления. А можно мне макнуть головой в сугроб не себя, а кого-нибудь другого?! Не буду показывать пальцем! Правда, тут же отбрасываю эту мысль: попытка макнуть головой в сугроб Валентайна в лучшем случае будет достойна истории «самый идиотский поступок года», в худшем — премии Дарвина (ну или какие у них тут есть аналоги, если они есть).

Поэтому я закрываю рот и предпочитаю двигаться в заданном направлении, то есть туда, где бал. Если мы умудрились сцепиться,

даже не переступив порог бальной залы, я не представляю, во что превратится наш вечер!

— Зависит от нас, Лена. Только от нас.

— Хватит. Читать. Мои мысли!

— Иногда полезно делиться чем-то своим. Не находишь?

Я поворачиваюсь к нему, резко убрав руку с его локтя. Нет, в сугроб не макну, но...

Слепить снежок и от души запульнуть в лацкан пиджака — самое то! Ни с чем не сравнимый кайф! Правда, стоит мне об этом подумать, снежком прилетает в ответ в меня, аккуратно в пятую точку. Я рывком прячусь за дерево, благодаря всех, кого только можно, что на мне пылепулеснегонепроницаемое заклинание, а прическа защищена еще и магией Имоны. Тем не менее снежок под зад я почувствовала очень хорошо.

— Что? — раздается насмешливое Валентайна с тропинки. — Отступаешь? Так быстро?

— Я не отступаю. Я продумываю стратегию наступления.

Пш-ши-и-х — и рядом со мной раскрывается черный портал. Я отпрыгиваю в сторону и все-таки, запутавшись в платье, валюсь в сугроб, зацепившись за Валентайна. А этот... вместо того, чтобы меня удержать, падает следом! Падает и нависает сверху.

— Это нечестно! — рычу я, указывая на искорки от портала.

— Никто и не говорил, что всегда и все будет честно.

Прежде чем я успеваю подумать, что же не так с сугробами, он уже наклоняется и целует меня. Так, что кружится голова, а сугроб, кажется, начинает плавиться, как будто мы раскаляем воздух.

Снег под нами и правда оплавляється, я даже вижу, как он складывается ледяными тающими корками, а потом понимаю, в чем дело. Стоящий на дорожке Люциан смотрит на меня так, что от золота в его глазах меркнут даже фонари. Не говоря уже о том, что снег мгновенно отступает под натиском светлой магии.

Я бы натурально оказалась в глубокой луже, если бы не реакция Валентайна: поднявшись в одно мгновение, он так же быстро поднял меня и шагнул вперед. К Люциану.

Глава 32

Слишком много дежавю на одну маленькую меня, да еще и к тому же за один вечер! Я напрыгнула на Валентайна так резво, что грозила сама завалить его в снег, при этом не факт, что увидевшие нас не подумали бы о том, что адептка Ларо принуждает несчастных архимагов к интиму в снегу.

— Я замерзла, — сказала с интонациями капризной оперной дивы, ухажер которой предпочел ей беседу с друзьями. — Пойдем.

Мне было плевать, как я выгляжу, главное — не допустить, чтобы эти двое сцепились. Уж точно не здесь и не сейчас. Люциан открыл было рот, но тут из заснеженного вечера бабочкой выпорхнула Драконова. Никогда бы не подумала, что буду ей рада! Даже при учете того, что она была в том синем цвете, намекающем на постоянство их с Люцианом отношений.

— Люциан. — Ее голос заставил его повернуться, а я уже разворачивала Валентайна в сторону нужного нам замка. То есть корпуса. То есть поместья. Ладно, неважно, что это и как оно выглядит, главное — туда попасть и забыть обо всем, что только что произошло.

— Ты не можешь замерзнуть, Лена, — напомнил Валентайн на удивление ехидно, когда мы шли по дорожке, оставив за собой сладкую парочку.

— Не напоминай.

— Тогда что это было?

— А ты как думаешь? Мне надоело, что вы смотрите друг на друга драконами! Если раньше это еще хотя бы понять можно было, то сейчас...

— Этот мальчишка слишком многое себе позволяет.

— Пусть позволяет. Мне на него плевать.

— Так же, как ты сейчас замерзла?

— Что?

Валентайн не ответил, просто положил руку поверх моей.

— Идем, Лена. Ты же хотела на бал.

Нет, минуточку.

— Ты сейчас на что намекаешь?

— Я? Ни на что. Я всегда говорю прямым текстом.

— И сейчас ты прямым текстом говоришь, что...

— Что тебе не плевать на Люциана Драгона. Правда, исключительно потому, что ты очень любишь жить прошлым и уговаривать себя, что тогда было лучше. Знаешь, почему в прошлом уютно, Лена? Потому что в нем не обязательно жить, и все идеально.

От такой отповеди я на миг замерла, а потом попыталась отнять руку. Если бы это еще было так просто! Его предплечье под моей ладонью стало каменным, а вторая рука придавила мои пальцы с такой силой, словно меня к нему приклеили магией!

— Пусти!

— Куда? К Софии и Люциану?

Мне захотелось наступить ему на ногу. Прямо здесь! Увы, на этих камнях, особенно после краткого пребывания в организованной Люцианом луже я рисковала поскользнуться и улететь, поэтому приходилось просто идти дальше. Ладно хоть заклинание и реакция Валентайна не позволили мне почувствовать эту лужу по-настоящему: ни платье, ни волосы даже капельки не впитали и не испачкались, иначе я бы сейчас точно не на бал шла. А так иду вот. С желанием наступить Валентайну на ногу, которое с каждой минутой все сильнее.

— Ты точно правильно выбрал профессию? — не удержалась я.
— Может, тебе в психоаналитики податься? Будешь рассказывать тем, кто этого хочет, почему и что они делают не так.

— Не представляю, что такое психоаналитик.

— Оно и видно!

Не знаю, как насчет сугробов и луж, но я уже почти что дымилась. В тот миг, когда мы поднялись по ступенькам и вошли в залитый светом холл, через который можно было почти сразу попасть в бальную залу, я снова попыталась отцепиться от Валентайна. Опять тщетно.

— Так и будешь меня водить за собой весь вечер? — поинтересовалась я.

— Если понадобится.

— Чем я думала, когда соглашалась с тобой пойти!

— Тем же, чем ты обычно думаешь, Лена.

Вот так, обменявшись любезностями, мы шагнули в праздничный зал. Мне уже доводилось здесь бывать, на прошлом балу, но сегодня

он, разумеется, был украшен совершенно иначе. Искрились кружащиеся в воздухе снежинки, оседающие и мгновенно, с мерцанием исчезающие с нарядов и роскошных причесок. Ослепительно-яркий свет выплескивался в заснеженный парк сквозь высоченные арочные окна. На этот раз портьеры нарочно подобрали наверх, чтобы прямо из зала всем открывалась зимняя сказка. Украшения стекали по холодному мрамору стен, оплетали камень лестницы, оживляя их, искрились огоньки магических гирлянд, вдалеке столы ломились от закусок и напитков, а от красивых платьев буквально рябило в глазах. На этот раз под потолком центральной фигурой был не дракон, а Тамея, в ладонях которой рождалась магия.

Шум голосов слегка подзатих, когда появились мы, но Валентайна это определенно не смущало. Мы спускались по лестнице, и я кожей чувствовала иглы взглядов. Что чувствовал он, оставалось загадкой, по крайней мере, Валентайн молчал, а я не хотела начинать разговор первой.

Он шел так, будто был не просто архимагом, а, по меньшей мере, правителем Даррании или всего Эрда в принципе. Это отражалось и на лицах, и в настроении попадавшихся нам навстречу — кто-то опускал глаза, кто-то отступал, некоторые девушки глазели на него с восхищением и с завистью на меня. В общем, эмоций и чувств было столько, что они ничуть не уступали праздничной иллюминации, на которую ректор не поскупилась.

Я надеялась, что Драконова с Люцианом немного перетянут на себя одеяло, и не зря. Правда, все вышло не совсем так, как я представляла. Потому что Люциан и Сезар со своими спутницами шагнули на лестницу одновременно. Оба подтянутые, высокие, в военных формах. София — в своем летящем струящемся как водопад платье, с красиво уложенными распущенными темными волосами, и Женеьев — в облаке раскаленного золота, с такими же золотыми волосами, убранными наверх.

Их бы с Люцианом в пару поставить, была бы золотая парочка, подумалось мне. По залу зазвенели возбужденные шепотки: три основные и самые «обсуждательные» пары явились, можно уже начинать обсуждать.

Лица принцев застыли «королевскими» масками, на губах будущей королевы играла мягкая полуулыбка, а вот София, напротив,

плотно сжала губы, будто боялась сказать что-то лишнее.

Стоило им спуститься — буквально в следующую минуту появилась ректор Эстре. Сегодня она тоже предпочла оставить волосы распущенными, правда, закрепив пламенные волны на затылке, из-за чего точеное лицо оставалось открытым. Высокие скулы, хищный нос, красивый изгиб губ. Платье она надела стального цвета, и однозначно проассоциировалась у меня с мечом, который только что закаляли.

Едва она появилась, как двери в зал за ее спиной захлопнулись. Свет погас, а Тамея золотым потоком «сошла» с потолка, вырастая в зале фигурой в четыре человеческих роста.

Не успели все опомниться, как над Тамеей закружились самые что ни на есть настоящие снежные вихри. От которых даже холодом повеяло, и, хотя я прекрасно понимала, что все это магическое представление, а холод — исключительно от движения воздуха, не могла не признать: выглядит все на редкость реалистично. Я бы даже сказала, чересчур. Потому что золотой поток погас, рост уменьшился, и сейчас перед нами стояла не богиня, а самая обычная женщина.

Светлые волосы словно подхватывал сильный ветер, а она, казалось, вообще не мерзла в своем легоньком платьице. Правда, присмотревшись, я заметила, что не такое уж оно и легонькое, потому что оно было создано из тех самых чешуек. Если бы не старания Дракуленка, ныне вымахавшего в самого что ни на есть настоящего Дракуля, я бы появилась в точности в таком платье перед Ферганом.

Так вот какой меня видел Люциан!

На миг это осознание ошеломило, а после накрыло и догнало еще и следующим. Если он видел меня воплощением светлой магии, чуть ли не светлой богиней, простите, то неудивительно, что накрыло уже его — когда он узнал о том, что я связана с темной. Я сглотнула глубокий вздох и покосилась на Люциана, который стоял рядом с Софией. Выправка у него и правда стала военная, что ни говори. Нет, он и раньше отличался самомнением не на ровном месте, но сейчас передо мной был совершенно другой дракон. Или мне так казалось? Потому что просто хотелось в это верить?

Неужели Валентайн прав?

В реальность меня вернула именно эта мысль, а еще — ощущение сильной руки под ладонью. Я снова повернулась к Тамее, волшебство которой набирало обороты: из золотого сгустка, искрящего в ее

ладонях, рождался первый золотой дракон. Сначала крохотный, он мгновенно увеличился в размерах, а после, раскинув крылья, взмыл ввысь, чтобы окутать нас всех потоками магии.

— ...посмотри на ее платье. Это цвет королевы.

— А чему ты вообще удивляешься? На зимнем балу в королевском дворце объявят дату их бракосочетания. Спорим, в этом году Женеьев станет его женой?

— Сколько сердец будет разбито!

— И в первую очередь сердце Драконовой.

— У Драконовой нет сердца.

Именно последние фразы заставили меня повернуться к перешептывающимся девушкам. Они ожидаемо оказались без пары и трепались о тех, кто пришел с парнями. Заметив мой взгляд, правда, быстро вздернули носы и изобразили «фу-фу-фу». Даже попятились слегка, видимо, чтобы не запачкаться.

Правда, в следующий момент забыли обо мне и задрали головы: над нами парили уже десятки драконов. От феерии золотой магии в зале стало светло, как днем, восхищенные возгласы перекрыли аплодисменты, нарастающие, отражающиеся от стен зала. Еще несколько мгновений — и все вокруг ослепительно полыхнуло, а после нас осыпало теплыми искорками и «вернувшимися» снежинками. Тамея снова «собралась» под потолком, только на этот раз за ее спиной мерцал еще огромный золотой дракон, перворожденный.

— Не стану говорить лишних слов, — Эстре произнесла это явно с усилением магией, потому что голос ее разнесся по залу, как если бы у нее в распоряжении была вся современная аппаратура из нашего мира. — Просто хочу, чтобы вы помнили, в честь чего сегодняшней вечер и эта ночь. Чудесного бала! И не забывайте про правила. В зале по-прежнему дежурят магистры.

Ага, и один из них дежурит рядом со мной.

Речь ректора тоже подхватили овациями и смехом, что же касается Валентайна, он лишь хмыкнул.

— Не понравилось представление? — поинтересовалась я.

— Мне — нет. Но в целом вполне себе сказочка для восторженных адептов. Учитывая, что никаких лишних деталей, а темная часть истории стерта как нечто несущественное.

— Не думаю, что на праздничном балу стоит вспоминать темную часть истории.

— Если на что-то закрывать глаза, Лена, это еще не значит, что его не существует.

— Ты перегибаешь.

— Нет, я просто как никто другой знаю, что наш мир держится не только на светлой магии, и что она далека от той всеспасающей силы, которой ее наделяют. Правда, я не считаю, что об этом стоит говорить именно сейчас. — Валентайн развернулся ко мне. — Хотя бы потому, что сейчас начнется первый танец.

Первый танец действительно начался: в зал плеснула музыка, ударила потоками снежного вихря, закружилась под сводами, отражаясь от стен, зазвучала в сердцах. Музыканты, которые появились на балконе, играли так, будто от этого зависела их жизнь, и эти эмоции так щедро лились сквозь музыку, что вряд ли на балу остался хоть кто-то равнодушный к этой мелодии.

Ладонь Валентайна легла на мою талию, а второй он подхватил мою руку, переплетая наши пальцы и уводя меня в танец. Благодаря ему и учителю, которого он прислал, облажаться мне не грозило: именно на первом танце меня натаскивали особенно.

Назывался он *pa'ajard*, что в переводе с драконьего означало полет. Полет он и напоминал, столь же быстрый, стремительный, кружащий, чем-то отдаленно похожий на наш вальс, но очень отдаленно. Потому что после вальса нельзя было в космос выпускать, а после этого танца — можно. Черета стремительных движений, кружения, когда ведет мужчина, и такого же резкого разрыва, когда ладонь к ладони, а взгляд — глаза в глаза, руки внахлест.

Танец-полет. Танец-разрыв. Танец-противостояние.

Разворот спиной к спине, а после — снова кружение, от которого перехватывает дыхание, и кажется, что единственное, что удерживает тебя на этом вращающемся клочке реальности — мужчина, чья ладонь лежит на твоей талии. Чьи пальцы сплетаются с твоими, а взгляд, глаза в глаза, словно проникает в самые потаенные уголки тебя и твоего сердца.

Когда музыка взорвалась кульминацией, а после мягко стекла в непродолжительную короткую тишину, мы замерли на последнем движении. Валентайн по-прежнему прижимал меня к себе: ладонь

должна была оставаться на талии, как в начале, так и в конце танца, а вторая — почти касалась моего лица на грани приличия. Это было заключительное положение, по всем правилам, но я почему-то не могла отвести взгляда от его лица.

От его глаз, в глубине которых тлели темные угли его родной магии.

Дальше полагалось поцеловать даме руку и поклониться, ну Валентайн и поцеловал. Не забыв при этом втянуть кончики моих пальцев между губами.

— Чудесный танец, Лена, — низко, со знакомыми хриплыми рычащими нотками произнес он.

Я чуть не отдернула руку, благо, вовремя опомнилась и отняла ее мягко, плавно, продолжая жест, чтобы присесть в реверансе по всем правилам этикета. Чувствовала себя при этом в точности так же, будто пробежала стометровку или устроила себе марафон приседаний и отжиманий, по сто подходов за раз. Сердце колотилось в груди, как мячик, рикошетирующий от стен, дыхания не хватало. То ли от танца, то ли от непонятно чего еще. Правда, опомниться и прийти в себя мне не дали.

— Вы позволите, архимаг? — раздался знакомый голос совсем рядом.

Мне даже не надо было смотреть в сторону говорившего, равно как и поворачиваться, чтобы увидеть приглашение на следующий танец. Как бы вы думали, от кого? Правильный ответ: Люциан.

Глава 33

— Нет. Не позволю, — отвечает этот архимаг, чем ставит меня в донельзя неловкое положение. Хотя бы потому, что я терпеть не могу, когда отвечают за меня.

И, могу поклясться, Люциан Драгон это прекрасно знает, потому что, когда я поднимаю на него глаза, в его глазах горит одна-единственная мысль: «Я уделал Валентайна Альгора». Ладно, Валентайна Альгора ты предположим и уделал, но тут еще есть я, мимо пробежала.

— Тэрн-ар, — отвечаю с тем самым светским налетом, который положено использовать на подобного рода мероприятиях, — мне, вне всякого сомнения, очень лестно ваше внимание, но я здесь не одна. И предпочитаю, когда меня спрашивают напрямую.

Улыбка с лица Люциана сбегает, а я перевожу взгляд на Валентайна:

— Мне жарко. Пойду возьму себе воды.

— Пойдем вместе, Лена.

Так-то лучше. Еще пара-тройка таких встреч, и я научусь разруливать потенциально аварийные ситуации класса «Дракон-Дракон» на раз. Пока мы двигаемся в сторону воды, то есть накрытых столов, где графины пополняются, едва успевая опустеть, я перевожу дыхание и даже почти не хочу оглянуться назад. Туда, где осталась половина потенциальной угрозы, буравящая мою спину. Вот что ему с Драконовой не танцуется, а? Сладкая парочка же!

Тот факт, что какие-то девицы обсуждали ее роман с Сезаром — это же просто смешно! Нет у них никакого романа, они даже не встречались больше: кажется, с того самого момента, как он перекинул ее через плечо и унес. Хотя кому как не мне знать, что временами все не то, чем кажется. Неужели Драконова правда влюблена в Сезара? Эта мысль странной искрой отзывается в груди, но я тут же ее тушу.

Какая мне разница, в кого влюблена Драконова.

По пути нам попадается Аникатия с каким-то высоченным, как жердь, парнем. Разворачивающаяся от нас так стремительно, что впору думать, не переломится ли ее спутник пополам, но нет, пронесло. Они

уходят, в зал снова брызжет музыка, снова начинаются танцы, я же смотрю на то, как официант наполняет водой бокал и протягивает Валентайну, а уже тот отдает его мне.

— С ума сойти просто, — пью воду мелкими глоточками, потому что она ледяная, но мне все жарче, жарче и жарче.

Валентайн вскидывает бровь.

— Здесь все в упор не замечают женщин? Как тогда Эстре умудрилась стать ректором?

— Можешь поинтересоваться у нее.

— Спасибо, обойдусь. Я думала, ты знаешь, — потягиваю воду, глядя на него поверх бокала, но Валентайн непробиваемо-спокоен.

— Нет. Я мало интересовался жизнью других.

— Не интересовался? В прошедшем времени?

— Если ты не заметила, Лена, в последнее время твоя жизнь интересует меня гораздо больше собственной. И это уже начинает пугать.

С подноса проходящего мимо официанта он берет дорнар-скар, салютует мне бокалом и чуть ли не залпом его выпивает. Вот это мощь, я понимаю, покруче темной магии. Если бы я так сделала, у меня бы пузырьки из носа пошли. Ну либо из каких-нибудь других мест.

— Не думала, что тебя что-то способно напугать.

— Я тоже не думал, — он пристально смотрит на меня. — А потом появилась ты. Готова танцевать следующий танец?

— А он какой? — пытаюсь вспомнить программу бала, но она высыпалась из головы за ненадобностью.

— L'ardanne.

— Снежинка. Точно.

Вспоминаю его: этот танец спокойнее па'ajard, но все же кружения в нем достаточно. Еще он подразумевает смену направления (как кружатся снежинки под ветром) и смену партнера (когда снежинки прилипают то одна к другой, то разрываются и снова слипаются уже с другими).

Валентайн вопросительно смотрит на меня, и я киваю. В конце концов, это бал, а на балах принято танцевать. Тем более что «Полет» вытряхнул из меня все мысли и здорово зарядил. Так что... подаю ему руку, Валентайн отдает пустые бокалы официанту. Мы возвращаемся к

танцующим как раз в тот момент, когда затихает предыдущая музыка, и, спустя короткую передышку, «включается» новая.

В отличие от первого танца, мелодия начинается не с резких высоких нот, а «разогревается» постепенно. Точно так же здесь совсем другая расстановка: несмотря на то, что ведет мужчина, нет такого близкого контакта, зато есть прикосновение ребра ладони к ребру ладони, пару шагов назад, два кружения, прикосновение ладоней, касание кончиков пальцев, когда мужчина тебя кружит, как юлу или волчок, а после — повторение и смена партнера.

Вторым мне достается какой-то незнакомый старшекурсник, который держится весьма учтиво, а вот третьим — «жердь» Аникатии. У него такой вид, будто ему предстоит схватиться за жабу, а когда он должен меня прокрутить, у него даже пальцы разжимаются, и мне приходится крутиться самой, чтобы не «выпасть» из общей картины снежинок.

Ура учителю, который со мной занимался: он здорово меня натаскал.

— Партнеры иногда преподносят сюрпризы, и тэри должна быть к этому готова, — говорил он.

Вот тэри и оказалась готова, и выдохнула с облегчением, когда закружилась со следующим парнем. Пятым оказался Ярл, я перешла к нему так стремительно, что просто врезалась в друга взглядом и чуть не сбилась с ритма. Но тут уже поддержал он. Буквально, и сразу перевел в танец.

— Ты очень красивая, Ленор, — прошептал одними губами, когда наши ладони соприкоснулись.

Я невольно оглянулась по диагонали, но Дану не увидела.

— Поговорим после танца? — спросила быстро, пока мы не успели разойтись.

— Разумеется.

Я улыбнулась, и мы шагнули в разные стороны.

От следующего прикосновения меня дернуло током. Так, словно я схватилась за оголенный провод, а не коснулась ребром ладони ладони Люциана. Сначала — ударило по коже, и только потом взглядом. Глаза в глаза.

К такому тэри точно не готова, поэтому я молчу. Кажется, даже дышать забываю, а еще мне кажется, что на нас смотрит весь зал, и

только это заставляет меня двигаться.

— Я же сказал, что ты будешь со мной танцевать, — заявляет он.

По-хорошему, мне бы остановить время, но оно не останавливается, а музыка заходит на новый виток, и надо чуть отступить, слегка присесть, пока Люциан склонил голову, а потом два полукруга: вперед, назад — и быстро шагнуть к нему навстречу. С раскрытыми ладонями, удар в которые получается таким, что я пропускаю удар собственного сердца.

— Надеюсь, после этого ты перестанешь меня преследовать, — заявляю я на повороте. Очень сложно сказать это небрежно, так, чтобы не сбилось дыхание — и при этом еще и так, чтобы не запнуться о собственный подол, глядя ему в глаза. Да, в этом танце нужен постоянный зрительный контакт, по-хорошему, он в любом танце нужен, но в этом — особенно.

— Я тебя не преследую. Мне просто интересно, что ты в нем нашла.

— А что ты нашел в Драконовой?

Дра-а-ах! Как я вообще могла такое брякнуть?! Люциан перехватывает мою вскинутую руку, точнее, кончики моих пальцев, и мне кажется, что они сейчас расплавятся. А заодно и я вместе с ними, и кручусь я с одной-единственной мыслью: пробурить в этом полу дырку и сквозь нее провалиться.

Чтобы никто не нашел.

Мне кажется, что это последнее прикосновение растягивается во времени, потому что мир вокруг вращается с немыслимой скоростью.

— А ты почему спрашиваешь, Ле-на?

Он произносит мое имя по слогам за миг до того, как меня отпустить и шагнуть в сторону.

«Ваше время вышло».

Я прямо вижу, как посреди зала выпадает эта табличка с магической надписью, и с последним партнером танцую в каком-то трансе. Вообще в этом танце три круга снежинок, и как-то так вышло, что мы с Валентайном оказались в самом узком, то есть во внутреннем. В завершение, когда я снова перехожу к Альгору, мы должны сомкнуть ряды так плотно, чтобы второй и третий круги могли к нам максимально приблизиться, а после распасться. Из-за этого я оказываюсь по диагонали от Люциана, и, хотя мои пальцы по-

прежнему в ладони Валентайна, я до сих пор чувствую то последнее прикосновение.

Хотя сейчас его ладонь сжимает ладонь Софии, и она совершенно не выглядит влюбленной в Сезара.

Последний всплеск музыки ударяет по сердцу, а дальше по нему ударяет воспоминание.

— Он назвал меня Лена, — шепчу я.

— Что?

— Люциан! Назвал меня Лена. Ты назвал меня Лена! Когда говорил пойдем — помнишь, когда мы пошли к столу?

Валентайн смотрит на меня, прищурившись, а потом уводит в сторону, между раскрасневшихся пар. Глаза у всех горят, все вошло во вкус и танцуют с небывалым наслаждением, что же касается меня, я в шоке. Не только и не столько от того, что Люциан услышал, узнал мое настоящее имя, сколько от того, что со мной только что творилось. Если бы можно было, я бы сбежала, теряя туфли, но у Золушки не было темного принца, который крепко сжимает ее пальцы в своих.

Мы снова поднимаемся по лестнице и выходим в парк, и мне совершенно нелогично хочется сбросить защищающее меня заклинание, чтобы холод вцепился в кожу и отрезвил от этого ненормального золотого жара.

— Что тебя беспокоит, Лена? — интересуется Валентайн, когда мы чуть удаляемся от ступеней. Здесь сейчас совершенно никого нет, все внутри, танцуют и веселятся, и я могу говорить даже без *subrire silencial*, но все равно по привычке понижаю голос до шепота:

— Он не знал мое настоящее имя.

— Лена. Ленор. Это запросто можно принять за уменьшительное, — жестко произносит Валентайн. — Но дело же не только в этом, не так ли?

«Не так», — хочется сказать мне, но ложь застревает внутри меня, и я боюсь просто-напросто ей поперхнуться, если скажу хотя бы слово.

— Что ж, в таком случае нам лучше уйти, — неестественная отрешенность Валентайна, к которой я, наверное, никогда не привыкну, холодом течет по коже.

Ты же хотела холода, Лена — так получай.

— Уйти?

— Именно так.

Я вижу, что он открывает портал, то есть вот-вот откроет, уже начинает искрить пространство, и беру его за руку:

— Я не хочу.

— Не хочешь уходить со мной? Хочешь остаться с ним?

— Нет! Я просто не хочу уходить. Я запуталась! — Я выдыхаю это по-прежнему приглушенно, хотя хочу закричать.

— Поговорим, когда ты распутаясь. — Да, этого холода мне хватит надолго. — Идем, Лена.

Портал вспарывает зимнюю сказку, но мы скрыты за деревьями, вряд ли кто-то увидит нас, даже если прилипнет носом к стеклу в бальной зале. Вряд ли кто-то заметит, что темный архимаг и его женщина просто исчезли с праздника, и уж тем более вряд ли кто-то про нас вспомнит, пока в центре внимания будущие король с королевой и младший принц со своей девушкой.

Мне. Стоит. Уйти. С ним.

Но в последний момент я сжимаю пальцы в кулак и отступаю. По лицу Валентайна проходит судорога, на миг мне кажется, что он сейчас рывком запихнет меня в этот портал или вообще приложит тем заклинанием подчинения, но вместо этого он плотно сжимает губы, после чего шагает в распахнутое пространство. Я вижу ту самую комнату, кабинет в его доме... очень недолго. С шипением пространство ломается, черный контур стягивается в точку, и я остаюсь в заснеженном парке одна.

Благо, здесь можно ходить сколь угодно долго и делать все, что тебе хочется. Даже запрокидывать голову, подставляя лицо настоящим снежинкам, которые оседают на щеки и превращаются в крохотные бриллианты капель. Я не представляю, сколько я так брожу: минуту, десять, полчаса или час, то удаляясь, то приближаясь к средоточию веселья и праздника. Мне кажется, что между этим зданием и мной какая-то граница, и что если я пересеку ее, случится что-то необратимое.

— Да говорю же тебе, никого здесь нет! — слышу шипящий голос Аникатии и замираю. — Все развлекаются. Вон туда придут парни.

Мне никогда не приходилось сливаться с деревьями, но этот навык, можно сказать, быстро приобретается, потому что я прижалась к стволу так тесно, что рисковала в него врасти.

— Твое дело маленькое. Следить, чтобы никто посторонний сюда не сунулся, когда они будут развлекаться с Драконовой. Главное, какую красоту мы потом покажем Люциану и всей Академии! С удовольствием посмотрю на его лицо, когда он это увидит. Так и вижу заголовок: София Драконова обожает любовные утехи в парках!

Аникатия довольно хихикает. Поскольку вторая девчонка молчит, понять, кто она, нет никакой возможности, а высовываться я не рискую.

— Когда все запечатлеешь для Флидхаара, быстренько ее оденете и дадим антизелье, чтобы никто ничего не успел понять и обнаружить. Потом доказать она уже ничего не сможет, эта штука полностью выведет из ее крови то, что она сейчас выпьет. Ни один целитель потом не обнаружит никаких следов, так что не трясись. Я основательно подготовилась. Собственно, все. Ждем сигнала от Лузанской. А пока — возвращаемся.

Шаги затихают раньше, чем я успеваю осознать то, что только что услышала. А потом я вынырываю из-за дерева и в шоке смотрю вслед поднимающимся по ступенькам девицам. Со спины не понять, кто вторая, но мне и не надо. Я пытаюсь переварить то, о чем они говорили: по всему получается, что они хотят чем-то напоить Драконову! Внимание — через Клаву, которой та доверяет — а потом устроить здесь оргию и все это снять для магической соцсети. И для Люциана.

Преимущественно для Люциана.

Драконья звезда им. Будет. Я подхватываю юбки и решительно направляюсь вперед, ускоряясь с каждым сделанным шагом. С каждым сделанным шагом во мне растет нечто такое... очень нехорошее, и, несмотря на то, что я далека от теплых дружеских чувств по отношению к Драконовой, Аникатию с ее компанией мне сейчас хочется придушить, а саму драконессу еще и засунуть головой в задницу тому, кто совершил полный безвозвратный оборот!

В зал я влетаю на полном ходу, пытаюсь высмотреть Люциана, Сезара, Драконову или хотя бы Женевьев, но не вижу ни золотого платья, ни остальных. То ли у меня на нервах сбоит внимание, то ли что еще, но приходится спуститься с балкона и уже в толпе всматриваться в танцующие пары и тех, кто отошел отдохнуть или перекусить. Еще дежурные магистры, которых обещала Эстре, как

назло, куда-то подевались. Я наконец-то вижу Оллихарда в самом конце зала, устремляюсь к нему, но он у меня на глазах разворачивается и просто выходит через дальние двери! Да что ж за невезение-то!

— Ленор! Ленор, ты куда пропала? — Меня за руку хватает Ярд.
— Я тебя обыскался. Думал, что вы с Альгором ушли...

— Ты не видел Драконову? — перебиваю его бесцеремонно. — Люциана? Сезара? Женевьев?

— Э-э-э... да я как-то за ними не слежу.

Я резко выдыхаю и оглядываюсь.

— Последний раз, когда я видел Драконову, они с Лузанской пили дорнар-скар, а потом пошли туда. — Он указывает в сторону, куда только что ушел магистр Оллихард. — Ленор, что случилось-то?

Пили дорнар-скар? Ушли?

Вот дерьмо!

— Ярд, — хватаю его за руку, — мне нужно, чтобы ты нашел любого магистра. Эстре. Неважно. Скажи им, чтобы шли туда.

— Куда?

— Туда! За мной, — указываю в сторону дверей, где, по его словам, скрылись Драконова с Клавой. — Не знаю точнее, но ориентировочно в парк. Сделать это нужно как можно скорее!

Дальше я отпускаю его руку и сама лечу к тем дверям. От меня отпрыгивают в разные стороны, и не зря: я задрала юбку чуть ли не до колен, чтобы не споткнуться, и туфли сбросила прямо на бегу. В коридоре, в который я вылетаю, вообще непонятно что делать и куда бежать, и, как назло, там вообще никого нет. Ни магистров, ни адептов, вообще никого. Как отсюда выйти в парк?

По логике вещей, выход на ту же сторону, что и из холла, то есть мне надо пробежать аккуратно через весь этот громадный особняк, который как вымер! Не вымер, понимаю, когда вижу портал — через него, должно быть, ходят официанты, но тратить время еще и на объяснения с официантами сейчас некогда, поэтому я доверяюсь интуиции и бегу. Интуиция не подводит: выход действительно с другой стороны особняка, в самом конце парка.

Отсюда отлично просматривается беседка, где кто-то копошится, и я даже понимаю, кто!

Скакать, придерживая длинную юбку, по сугробам — сомнительное удовольствие, но так всяко быстрее.

— А ну отвалите от нее! — ору я так, что все собравшиеся буквально подпрыгивают, как плохие парни при появлении полицейских.

Полураздетая Драконова вяло барахтается в груди вещей, а на меня оборачиваются три парня и... снимающая все это Ли́ка.

Вжух! — И сестрица Эстре под ударом потоковой магии улетает в кусты, так и не исполнив мечту стать папарацци. Благо, занятия магией даром не прошли, а еще занятия с Валентайном, я умею отделять черное от белого, то есть темную магию держать в узде, а давать волю природной светлой Ленор.

— Так, долбоящеры, а ну вышли по одному, — сообщаю я парням, разминая запястья. Для потоковой магии очень важны именно пассы, и я их на практике отработала на «ура».

То, насколько они долбо, я понимаю, когда в руках у центрального загорается пламя. Равно как и то, насколько они ящеры, потому что в глазах это пламя отражается у каждого.

— Эй, ты чего? — боязливо говорит один. — Это ж подстилка Альгора!

— А где он сейчас, а? — перекатывая огненный шар с одной руки на другую, интересуется его дружок. — Да и потом, мы ж ее не спалим. Так, поджарим немного. Потом потушим. Вроде как самозащита и все такое. Она ж первая начала.

Он кивает на Лику, а потом швыряет пламя в меня.

Твоего. Драха.

Я отчетливо понимаю, что сейчас будет, потому что этот холод в груди не спутаешь ни с чем. Сеть Грехмира отражает удар в точности так же, как в прошлый раз, в точности так же врубается местная сигнализация. И если бы все на этом закончилось, но двое других с перепугу заряжают в меня такими же пламенными снарядами, и с моих пальцев срывается тьма. В шоке я еще пытаюсь ее контролировать, но парней захлестывает, разбрасывает в стороны, они вопят, а я бросаюсь в беседку. К Драконовой.

— Она напала на Софию Драконову! — раздается отчаянный визг Ли́ки. — Парни пытались ей помешать, но она их расшвыряла! Темной магией!

Поднимаю голову: младшая Эстре тычет в меня пальцем, предсказуемо в парке военные, правда, не во главе с Лэйтором, и на том спасибо. За их спинами ректор, магистры и толпа адептов, а впереди — Люциан. Глаза которого горят золотой яростью, а над ладонями — золотое королевское пламя.

— Долбоящер? Ты сказала долбоящер? — переспрашивает София еле слышно, а потом вырубается прямо у меня на руках. Вот так. Полураздетая.

С Новым Годом, Драконова Академия!